

The background of the cover is a photograph of a natural landscape. In the foreground, there are tall, golden-brown reeds. A calm pond reflects the surrounding trees and sky. On the left bank, a tree with dense yellow and orange foliage stands prominently. The overall atmosphere is peaceful and autumnal.

БЛИЗКАЯ ДАЛЬ

Татьяна Катушонок

Татьяна Катушонок

Близкая даль. Мистический роман

«Издательские решения»

Катушонок Т.

Близкая даль. Мистический роман / Т. Катушонок —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964888-4

События происходят в деревне, в 1940–1941 годах. Накануне войны активизируются мистические силы, и герои романа сталкиваются с необычными феноменами. Дружба, любовь, в том числе к Родине, чувство патриотизма — красной нитью проходят через произведение, а мистические истории заставляют задуматься, что в жизни не все так просто, как кажется на первый взгляд. Многие истории, описанные в книге, имели место в реальной жизни, происходили с автором, его родными и близкими. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-44-964888-4

© Катушонок Т.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	33
ГЛАВА 8	38
ГЛАВА 9	40
ГЛАВА 10	43
ГЛАВА 11	47
ГЛАВА 12	50
ГЛАВА 13	55
ГЛАВА 14	61
ГЛАВА 15	70
ГЛАВА 16	74
ГЛАВА 17	79
ГЛАВА 18	88
ГЛАВА 19	91
ГЛАВА 20	100
ГЛАВА 21	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Близкая даль Мистический роман

Татьяна Катушонок

© Татьяна Катушонок, 2019

ISBN 978-5-4496-4888-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

*Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их.
Николай Рерих*

*Ничто так не характерно для чуда, как невозможность
объяснить его природу естественными причинами.
Жорж-Луи Бюффон*

*Есть только два способа прожить жизнь. Первый – будто чудеса
не существует. Второй – будто кругом одни чудеса.
Альберт Эйнштейн*

ДЕНЬ КЛОНИЛСЯ к вечеру... Изнуряющая жара начала понемногу спадать. Анастасия довязала очередной сноп льна и бросила взгляд на работавших рядом девчат. Потемневшие от загара, возмужавшие за лето, они выглядели значительно повзрослевшими. Даже Фаина, зимой казавшаяся нескладным подростком, налилась телом, похорошела и догнала сверстниц по росту. Глядя на подруг, Анастасия озорно улыбнулась и, подмигнув Тамаре, заметила:

– Кто-то не верил, что мы сможем закончить работу до заката солнца...

– Отвяжись! – промокнув пот на лице, отмахнулась девушка.

– Что-то не слышу энтузиазма в голосе, – разогнув спину, усмехнулась Фаина, – надо понимать, что на танцы ты сегодня не идешь... – девушка поставила на землю сноп льна и окинула взглядом убранное поле.

– Гляньте, сколько льна мы убрали... – произнесла Настя и с гордостью посмотрела на одноклассниц.

«Какие они замечательные...» – подумала девушка. Она прекрасно понимала, что ни одна из подруг по возвращении домой не выкажет усталости, но будет слезно упрашивать родителей, чтоб они позволили хотя бы на часок сбегать на танцы. И как бы ни укоряли Анастасию родители, что рано ей ходить на вечеринки, все приводимые ими доводы казались девушке незначительными, а укоры – незаслуженными. Ощущение весны, проснувшееся в душе Насти, было настолько ярким, что замечание родителей, что мала еще, болью отзывалась в девичьем сердце. Да и откуда ей было знать, что наступившая юность будет быстротечной по причине суровости времени, в котором ей выпало жить? Как она могла считать себя маленькой, если прошедшей весной ей миновало четырнадцать, а работу по дому и в поле девушка выполняла наравне с матерью и другими сельскими женщинами? По причине того, что мать Анастасии не отличалась крепким здоровьем, забота о семье часто ложилась на хрупкие плечи девушки. Ее отчим, Степан Федорович Устиненко, был человеком степенным, работающим, но на ласку скучным – потому и росла девушка не по годам рассудительной и сдержанной.

Большеглазая, темноволосая, она, на первый взгляд, ничем не отличалась от сверстниц, но было в ней нечто – в выражении лица, жестах рук, горделивой осанке, что выделяло ее в их среде. Все, за что бы ни бралась Настя, спорилось в ее руках, выходило ловко и проворно, казалось, что ее маленькие изящные ручки способны творить настоящие чудеса, а редкая природная выносливость никак не сочеталась с внешней хрупкостью. Эти редкие качества девушки не остались незамеченными у односельчан.

Как-то вечером к Устиненко наведалься сосед дед Антось и, застав Настю за уборкой дома, заметил матери:

– Помощница у тебя, Пелагея, хоть куда! Такая дочь – как клад, ее беречь надо, за что ни возьмется – все у нее ладно выходит, деревенские девчата за ней гонятся, она у них вроде командира: указывать не указывает, а они к слову ее прислушиваются. Чудно...

– Прав ты, Антось, дочка у меня – золото! Только какая судьба ее ждет? Сам знаешь, какое у меня здоровье... Кроме нее у меня еще Павлик да Светлана, те совсем малые дети, вот и получается, что Настя как старше, так у нее и забот больше...

– Лето, хвала Провидению, в этом году выдалось на славу! – заметил старик. – Мужикам хватило времени запастись кормами для скотины, да и у вас, я гляжу, урожай удался во славу. Утром в воскресенье видел, как вы с Настей шли с ведрами в сторону леса, а через некоторое время заприметил тебя у вас на подворье. Неужто ничего не собрали? Уж очень быстро вернулись...

– Отчего же... Дочку я в лесу оставила, а сама домой поспешила и домашними делами занялась. Настя к полудню два ведра брусники насобираала и после обеда еще столько же, настырная... Пока доверху ведра ягодой не наполнила – домой не шла. А брусника в этом году крупная... Наварили варенья с сахарной свеклой – будем зимой пировать, мои любят горячей картошки с брусничным вареньем отведать, да и пироги с ней у нас хорошо идут...

– Молодец, дивчина! И не лень ей днями в лесу сидеть, а брусничку я и сам люблю, особенно когда моя хозяйка ее с грушами готовит...

– Не с грушами, а с грушами, – поправила старика Светлана. – Я их тоже люблю, особенно желтые, с розовым бочком, Павлик мне их из колхозного сада приносит... – и, как бы в подтверждение своих слов, девочка обозначила в воздухе явно преувеличенный размер описанного плода.

– Как из колхозного сада?.. – ахнула Пелагея и сердито глянула на сына, старательно складывавшего поленья под навесом сарая. – Я тебе сколько раз, Павлик, говорила, чтоб не смел этого делать? Чтоб я больше этого не слышала!.. Отец узнает – он тебе покажет, как по казенным садам шастать!

– Я не шастаю, – насупился мальчик, – это Юрка Стригунов меня угостил...

– Что творят, бесенята... – вздохнула Пелагея. – Разве за всем уследишь? Кроме троих детей и работы в колхозе, на мне еще дом да скотина. Степан только к ночи с работы возвращается, за день так нагуляется вдоль железнодорожных путей с инструментом в руках, что к вечеру ноги едва волочет, а тут еще хлев на угол просел, крыша над коровником прохудилась, подошва на обуви у детей стопталась... Что говорить – мужу работы по хозяйству хватает...

– У мужика в деревне завсегда работы много, – кивнул дед Антось. – Скоро ваш Павлик подрастет, помощником станет...

– Когда то будет... – вздохнула хозяйка. – А пока за ним глаз да глаз нужен... С тех пор, как погиб ваш Демьян, вы со Степанидой одни живете, с одной стороны – беда, когда родители своих детей переживают, а с другой – были б вы спокойны, если б он где-нибудь в Сибири на рудниках спину гнул да плесневелый хлеб ел...

Глаза деда Антося потускнели, он вспомнил о сыне, трагически погибшем во время пожара на маслоприемном пункте, произошедшем в ночь с 6 на 7 июля 1935 года. Сельчане, весело встречавшие праздник Ивана Купалы, из-за пылавших костров не обратили внимания на зарево за рекой, а когда спохватились – было уже поздно, огонь превратил постройки маслопункта в груды обуглившихся бревен, среди которых был найден труп Демьяна Корзуна. Сотрудникам НКВД не удалось установить причину возгорания и выяснить, был ли это несчастный случай или умышленный поджог. Что произошло той роковой ночью – так и осталось загадкой, из-за отсутствия улик дело закрыли, списав убытки на погибшего в огне ночного сторожа. Это обстоятельство пагубно сказалось на репутации семьи Корзунов, кто-то из сельчан верил в причастность Демьяна к пожару, кто-то – нет, из-за невыясненных обстоятельств дела семья деда Антося попала в список неблагонадежных, по этой причине многие в деревне старались избегать с ним контактов. Тех, кто сохранил к этой семье доброе доверительное отношение, осталось немного, среди них Степан и Пелагея Устиненко значились в первых рядах.

– Прости, Антось! – спохватилась Пелагея. – Правду говорят, что у женщин волос длинный, а ум короткий. Не хотела я причинить тебе боль, сама не знаю, как с языка сорвалось – не по злобе твою боль растревожила. Я мать и знаю, как тяжело растить детей и, уж не приведи Господь, их потерять...

Глаза деда Антося заволокли слезы, сколько лет прошло с момента гибели сына, а рана в душе старика не заживала.

– Что поделаться, – тяжело вздохнул Антось, – жизнь есть жизнь, никто не знает, что его ждет...

– Это верно, – кивнула хозяйка, – время нынче не простое, не первый год говорят о войне – волей-неволей задумываться станешь...

– Не волнуйся – у нас с Германией договор о ненападении. Я хоть человек и не воинского призыва, однако политикой партии интересуюсь. Не верь слухам, вранье все это, живи и не думай о плохом. Ладно, пойду я, а за напоминание о Демьяне я на тебя не сержусь, это как страница из книги жизни – ее не вырвешь, эту боль во мне только смерть может унять... – старик поднялся с лавки, оперся на палку и пошел к калитке.

На какое-то время во дворе дома воцарилась тишина. Перестал гроыхать поленьями Павлик, петь колыбельную песню куклам Светланка, а Настя, поставив на крыльцо ведро с водой, с тревогой глянула на мать.

– Ты чего? – поинтересовалась Пелагея.

– Правда – наша страна самая лучшая в мире?... – дрогнувшим голосом произнесла Анастасия. – Хорошо, что мы живем в Советском Союзе. Абрам Романович рассказывал, что за границей многие люди голодают, не имеют крыши над головой, а дети в малолетнем возрасте тысячами умирают от голода и нищеты. У нас все иначе... Наша страна богатая, обо всех нас заботится партия и товарищ Сталин. В отличие от зарубежных детей, мы знаем, что такое счастливое детство... Как здорово, что я родилась в Советском Союзе! Страшно подумать, что это могло произойти где-нибудь в Америке или в другой стране... – на глазах Анастасии выступили слезы.

– А бабушка Дуня сушит сухарики на черный день, – отложив в сторону тряпичную куклу, поведала Светланка. – Они маленькие и черненькие... Только я не знаю, что это за день и когда он наступит...

– Когда он придет, дочка, всем тяжело будет, – с грустью произнесла Пелагея, – бабушка Дуня знает об этом, вот и готовится. Даст Бог, он еще не скоро наступит, – вздохнула женщина, – по крайней мере, нам так говорят.

Пелагея поцеловала дочку и вернулась к домашним делам, за хлопотами она не заметила, как пришло время встречать скот, вернувшийся с пастбища. По заведенной традиции хозяева встречали своих питомцев на центральной деревенской дороге и оттуда разводили по подворьям. Самые большие хлопоты у пастухов были с овцами. На выпасе они норовили разбрестись по полю, словно горох по тарелке, а по возвращении в деревню их приходилось силой загонять в переулки – тут и начиналась настоящая чехарда: начнут хозяева пересчитывать в хлеву овец и находят, что одна или несколько – чужие. Чтобы избежать подобной путаницы, домашний скот метили. Кто-то использовал для этих целей сажу, кто-то – синьку, иные мазали бока и спины животных красными или зелеными чернилами. Ввиду того, что скот выгоняли на выпас до восхода солнца, когда трава была влажной от росы, метки на животных расплывались, вследствие чего деревенское стадо напоминало разноцветную палитру художника, вышедшего на природу на этюды.

Услышав мычание коров, Пелагея засуетилась, кликнула Настю и наказала встретить корову. «С овцами будь внимательней, в прошлый раз из-за разговоров с Тамарой овцу Речин-

цевых в хлев загнала, – напомнила женщина, – мне Павлика со Светланой вымыть нужно и чистое белье отцу приготовить – после работы наверняка захочет обмыться...»

– А можно я потом на танцы схожу? – робея, спросила Настя.

– Иди за скотиной – потом поговорим... – сердито произнесла Пелагея и, взяв на руки Светланку, пошла в баню.

«Как это понимать?.. – расстроилась Анастасия. – А с Томкой нужно что-то делать – достала она меня своей ревностью, взяла моду провожать меня после танцев... Это она специально, чтоб никто из мальчишек меня не провожал. Зря переживает – мне никто не нравится, разве только Костик Николайчук, да и то – самую малость...»

Настя повесила на забор тряпку, вылила под плетень воду из ведра и отправилась встречать Пальку. Выйдя на большак, она встретила с одноклассниками. Колька Седельский и Виктор Рыжаков, которого за огненно-рыжие кудри в селе прозвали Рыжиком, были закадычными друзьями, где находился один – там и другой, это обстоятельство было весьма на руку сельчанам, но зачастую подводило ребят. Увидев девушку, парни оживились, и Рыжик с театральной наигранностью произнес: «Ззз... драсте!» Колька толкнул друга плечом, сорвал с его головы кепку, прижал ее к своей груди и, отвесив девушке поклон, выпалил: «Наше вам с кисточкой!..»

Настя залилась румянцем, отбросила за спину длинные тугие косы, поздоровалась с парнями и прошмыгнула вперед.

– Своего верного Санчо Пансо ищешь – Тамарку? Она на мосту... – проводив девушку взглядом, произнес Виктор и, глянув искоса на друга, спросил: – Ты придешь сегодня на танцы? Приходи... я тебе груш принесу, а если согласишься, то на лодке покатаю...

– Вот еще! – фыркнула Настя. – Стану я с тобой на лодке кататься... И вообще, что ты ко мне привязался?.. – девушка увидела Коржакову и поспешила ей навстречу.

– Что Рыжику от тебя надо? – подбежав к подруге, воинственно произнесла Тамара. – Давно я его кудри не прорежала... Сейчас я ему покажу, как к девчонкам цепляться! Тоже мне – ухажер нашелся... – ладони девушки сжались в кулаки, готовые вцепиться в пышную шевелюру одноклассника.

Колька Седельский и Виктор Рыжаков, осведомленные о задиристом нраве Коржаковой, стали медленно отступать к реке, надеясь, что в зарослях прибрежного кустарника девушке не с руки будет вести боевые действия.

– И надо было тебе трогать Настьку... – обращаясь к Виктору, недовольно буркнул Колька. – Знаешь ведь Коржакову – никогда не угадаешь, что может выкинуть эта сумасшедшая...

Но Тамару было уже не остановить: разозлившись, что на ее любимую подругу осмелились взглянуть парни, девушка потеряла над собой контроль – она проявляла нетерпимость к любому, кто одаривал Настю своим вниманием. Гнев Коржаковой проявлялся столь бурно и стихийно, что дерзнувшему посмотреть на Настю предпринять что-либо в свою защиту было сложно. Вот и сейчас Тамара быстро нарвала крапивы у обочины дороги и с яростью бросилась на одноклассников. Не давая парням опомниться, она хлестала их жгучкой и пинала ногами.

– Малохольная, ты что – с цепи сорвалась? Чего завелась? – защищаясь, кричали мальчишки, пытаясь увернуться от тумачков девушки.

Сельчане, встречавшие у моста домашний скот, в изумлении наблюдали, как Тамара мутузила парней, сбив Рыжакова с ног, девушка хлестала его крапивой, пытаясь засунуть пучок жгучки парню в рот. Колька Седельский, старавшийся оттащить разъяренную одноклассницу от друга, зацепился ногой о пень и ринулся носом в землю.

– Прекрати! Слышишь?.. – попыталась образумить подругу Анастасия. – Ты же пионерка! Возьми себя в руки! Ты подумала, что будет, если об этом узнает бабушка Дуня? Теперь

она точно не пустит тебя на танцы... – видя, что Тамара не обращает на ее слова внимания, девушка отошла в сторону и в сердцах произнесла: – Ну, тебя, Томка, от тебя одни неприятности, не смей больше ко мне подходить!

В это время к мосту подошло деревенское стадо. Впереди, не спеша, шла корова Коржаковых, ее большое, полное молока вымя мерно покачивалось из стороны в сторону, почти касаясь земли. Иссиня-черная окраска шерсти и высоко поднятые рога Красавки внушали страх. Более десяти лет она радовала хозяйку большими надоями молока, которое по результатам замеров на молокопункте было признано самым жирным в деревне. Тамара глянула на мост, прекратила драться с парнями, отряхнула испачканное платье и побежала встречать кормилицу. Красавка свернула в переулочек, замычала и направилась к дому, за ней последовала Палька, а за коровами, наскакивая друг на друга, побежали овцы.

«Глупые животные, – заметила Настя, – возвращаются домой, а ведут себя, будто их на эшафот гонят. Чего сгрудились?..» Девушка прошла вперед и ласково позвала: «Овульки, овульки!..» Услышав знакомый голос, овцы перестали тыкать носами в чужой плетень и побежали к дому, еще минута, и Анастасия загнала их в хлев. «Надеюсь, теперь меня пустят на танцы...» – подумала девушка.

– Вот ты где! – услышала она голос Тамары. – Ну, так как – идем?..

Настя обернулась и увидела одноклассницу.

– Не знаю... – пожала плечами девушка.

– Что значит – не знаешь? Мы же договаривались...

– Пока ничего определенного сказать не могу.

– Брось, пошли к твоим родителям...

Девушки поднялись по ступенькам крыльца и вошли в дом.

– Добрый вечер! – поздоровалась с хозяевами Тамара.

– И тебе не хворать... – улыбнулась Пелагея. – Ты ужинала?

– Да.

– А мы вот только собираемся...

– Мам! Мы сегодня все сделали? – спросила Анастасия.

– Вроде, да. А что?

– Можно я схожу на танцы?

– Каждый раз одно и то же... – недовольно буркнула Пелагея. – Побыла бы дома, отдохнула... Чего молчишь, Степан?

Мужчина отложил в сторону починенный сандалий Светланки и произнес:

– Мать права, за свою жизнь еще напляшешься...

Пелагея с благодарностью глянула на мужа. «Молодец, – мысленно похвалила она мужчину. – Меня уважил и девчат не обидел. Не каждый родной отец сумел бы найти нужные слова, а он – отчим, однако же Настю любит и, как может, о ней заботится...»

– Послушай отца, дочка, прав он... – вслух произнесла хозяйка.

Анастасия не ждала другого ответа. «Как всегда... – с горечью подумала девушка, – работай с утра до вечера, а отдыхай, лежа на завалинке...»

– Пелагея Михайловна, Степан Федорович... – вступилась за подругу Тамара. – Отпустите Настю, во сколько скажете – во столько и вернемся, обещаю проводить ее до дома...

«Кто бы сомневался», – мысленно ухмыльнулась Анастасия.

– Ты кого угодно уговоришь, – сдалась Пелагея. – Идите, только чтоб к полуночи были дома!

Тамара ликовала, она незаметно ущипнула подругу и, подтолкнув ее плечом к двери, шепнула:

– Давай скорее! Я тебя на улице подожду.

Опасаясь, что мать передумает, Анастасия открыла шкаф, сняла с плечиков любимое платье и выбежала на веранду. Переодевшись, девушка глянула в зеркало и подумала, что ни у одной девчонки в деревне нет такого красивого наряда. Светло-салатовое, с темно-зеленой каймой по краю пышной юбки, платье прекрасно сочеталось с загорелой кожей и выразительными, словно спелые вишни, глазами девушки. Сшитое по последней моде, оно плотно облегало ее стройную фигуру, а ажурный белый воротничок подчеркивал ее лебединую шею. Поправив юбку, Настя вспомнила историю, связанную с появлением в ее гардеробе этого наряда, платье попало в руки отчима случайно...

Как-то вечером, завершив обход путей, Степан возвращался в контору, путь пролегал мимо железнодорожного вокзала. Мужчина обратил внимание на молодую женщину, искавшую что-то в сумочке.

«Видно, городская...» – подумал Степан.

Вечерело. На станции, кроме незнакомки, других пассажиров не было. Заметив на лице женщины слезы, Степан подошел к ней и поинтересовался, что случилось. Тронутая участием незнакомца, женщина поведала, что была в местном Доме отдыха и по окончании путевки хотела уехать домой. На станции выяснилось, что деньги, отложенные на обратный путь, пропали. В отчаянье незнакомка призналась, что не знает – возвращаться ли ей в Дом отдыха, чтобы одолжить необходимую сумму денег или... Женщина с надеждой взглянула на Степана и предложила купить что-либо из ее гардероба. Мужчина растерялся, но затем, подумав, согласился. Незнакомка раскрыла чемодан и предложила новое платье, сшитое накануне отъезда в отпуск. Степану наряд пришелся по нраву, он решил, что платье подойдет Анастасии. Заплатив незнакомке, мужчина оставил в конторе рабочий инструмент и поспешил домой. Посоветовавшись с женой, он решил подарить платье падчерице на день рождения. Так в гардеробе девушки появился модный наряд.

Настя очередной раз взглянула в зеркало, поправила косы и выбежала на улицу, Коржакова окинула подругу придирчивым взглядом и, покачав головой, произнесла:

– Королевна!

– Да, ну тебя, Томка, – смутилась Настя.

– Девчонки лопнут от зависти...

– Тебе нравится?

– Еще бы! Мне б такое платье – я была бы вне конкуренции... – Тамара посмотрела на свое простенькое ситцевое платье, заметно полинявшее от стирки и, затянув потуже пояс, выпалила: – Не вещь красит человека...

– Верно, – кивнула Настя, – на тебя что ни надень – во всем хороша...

– Вот мы какие... – улыбнулась Коржакова. – Ну, что – пошли?

– Пошли...

Девчата взяли за руки и побежали на вечеринку.

ГЛАВА 2

ГУЩИНСКИЙ ДОМ ОТДЫХА был организован в 1918 году на базе национализированной панской усадьбы. Вплоть до 1917 года она являлась родовым поместьем Родкевичей, проект усадьбы был разработан итальянскими зодчими и воспроизведен мастеровыми руками крестьян и ремесленников под руководством иностранных специалистов. Дом был построен на живописном берегу Болотянки – это было легкое просторное двухэтажное здание, с трех сторон окруженное лесопарком. Фасад дома украшали беломраморные колонны, верхний этаж был увенчан куполом, перед парадным входом была разбита клумба, в центре которой располагался фонтан. От клумбы, словно лучи от солнечного диска, отходили тенистые аллеи. В центре лесопарка был выкопан пруд, посреди которого возвышался небольшой островок. В пруду разводили зеркального карпа, а для любителей водных прогулок была оборудована лодочная станция. Искусственный водоем сообщался с рекой узким каналом, по живописным берегам которого росли плакучие ивы и серебристые лозы. Уютные лавочки, беседки и цветники радовали глаз по всей территории парка, что делало прогулки под тенистыми сводами вековых деревьев приятными и незабываемыми. С первых дней существования Дом отдыха стал центром общественной и культурной жизни области, а к концу тридцатых годов слава о гущинской здравнице вышла за пределы области и привлекла внимание руководства и специалистов других регионов. Особой популярностью она пользовалась у местной молодежи из-за проводимых здесь вечеров отдыха. Увлекательные игры и конкурсы, проводимые массовиками-затейниками, популярные киноленты, демонстрируемые в летнее время на открытом воздухе, привлекали молодежь из близлежащих деревень. Время от времени между местными жителями и отдыхающими завязывалась крепкая дружба, а порою вспыхивала любовь. Одна из таких удивительных историй произошла с матерью Анастасии.

Приехав в Гущино на отдых, Пелагея и не предполагала, что это событие в корне изменит ее судьбу. С первых же дней ей начал симпатизировать завхоз Дома отдыха – Степан Устиненко. Молодая женщина нравилась многим мужчинам, но сердце ее ответило взаимностью только Степану. Пелагее было тридцать шесть лет, она была разведена с мужем и воспитывала дочку. Работать в колхозе и вести домашнее хозяйство было нелегко, но связать судьбу с кем-либо из тех, кто на ее родине предлагал ей замужество, она не решалась – горький опыт неудачного замужества сделал женщину недоверчивой и осторожной в выборе спутника жизни. Степан Устиненко был старше Пелагеи на два года и до этого в браке не состоял. Завидный жених в деревне так и не встретил ту единственную, ради которой согласился бы расстаться с холостяцкой жизнью. Кто знает, сколько бы еще он прожил бобылем, если бы судьбе не было угодно свести его и Пелагею в Доме отдыха. Работа завхозом требовала от мужчины внимательного отношения к нуждам отдыхающих. Ответственно относясь к порученному делу, Степан много времени уделял изучению условий жизни приезжих, их нужд и проблем, что давало ему возможность встречаться и беседовать с персоналом здравницы и теми, кто приезжал отдыхать по путевкам. С первой же встречи Пелагея произвела на Степана неизгладимое впечатление, он не знал, что притягивало его к этой женщине, но дело обернулось так, что мужчина, которого в деревне считали заядлым холостяком, потерял голову и покой из-за незнакомки, что бы он ни делал – все мысли были только о ней.

Пелагее тоже понравился молодой мужчина и то, с каким вниманием и заботой он относился к людям. Женщина сожалела, что придет время покинуть Гущино, ей нравилось разговаривать со Степаном, слушать его мудрые речи, смотреть в его бездонные синие, словно озера, глаза и чувствовать себя понятой и защищенной. Даже из короткого знакомства стало ясно, что Степан – тот редкий мужчина, который способен сделать счастливой любую женщину. Степан тоже переживал, что придется расстаться с понравившейся ему женщиной, он не представ-

лял свою жизнь без нее, днями и ночами мучился, не решаясь сказать Пелагее о своих чувствах. Сколько бы это продолжалось – неизвестно, все решил отъезд женщины домой. Когда срок пребывания Пелагеи в Доме отдыха истек, Степан предложил ей выйти за него замуж и переехать жить в Гушино. Сначала Пелагея растерялась... Оставить насиженное место, расстаться с дорогими ее сердцу людьми и переехать жить в незнакомую местность – на это было решиться трудно, однако, взвесив все за и против, женщина решила рискнуть – больно уж запал ей в сердце расторопный и внимательный завхоз. Пелагея понимала, что другой такой возможности изменить свою жизнь может не представиться, поэтому, подумав, согласилась и с того момента ни разу не пожалела о принятом решении. Степан оправдал надежды женщины – он стал добрым мужем и заботливым отцом детям. Настю Степан принял, как родную, и никогда не давал девочке повода усомниться в искренности его чувств. Даже тогда, когда у Степана и Пелагеи появились совместные дети, мужчина не разделял их на своих и чужих. С тех пор прошло много лет, жители Гушино с равным уважением относились к Степану, его молодой жене и традициям, которые отец и мать пытались привить своим детям. После переезда в Гушино Пелагея несколько лет работала в прачечной Дома отдыха, работа была тяжелой, изнурительной, поэтому, когда Степан решил стать путевым мастером на железной дороге, Пелагея устроилась на работу в колхоз, чтобы иметь положенный при этом земельный участок. Работа на земле была знакома женщине. С раннего утра до позднего вечера она трудилась, чтобы заработать трудовни, которые местный бригадир со скрупулезной педантичностью отмечал в журнале в виде простых палочек. Когда Анастасия подросла, мать стала приобщать ее к коллективному труду. К этому времени здоровье Пелагеи стало давать сбой, по этой причине руки матери на общественных работах в колхозе и по дому все чаще стали заменять проворные руки старшей дочери. Пелагея понимала, что, переложив на плечи девушки часть своего труда, она лишала ее детства, потому при всей строгости воспитания делала Насте поблажки.

В летнее время танцевальные вечера в Доме отдыха проводились в лесопарке. Вот и в этот раз в ожидании начала вечера вокруг вымощенной досками площадки собрались любители потанцевать, а чуть поодаль, на деревянных лавках, устроились отдыхающие преклонного возраста и свободный от работы персонал здравницы. Закончив краткую вступительную речь, массовик-затейник объявил первый танец. Патефон скользнул иглой по пластинке и издал первые звуки, по которым легко было узнать мелодию хорошо всем известного вальса. Мужчины засуетились и двинулись в направлении ожидавших приглашения женщин. Среди парней выделялся механик местной МТС Иван Варенков, который вопреки запретам руководства Дома отдыха регулярно посещал вечера отдыха. С ним были трое его друзей: Леонид Баренцев, а также Федор и Антон Кругловы. Ловкие и быстрые в работе, они столь же хорошо преуспевали на любовном фронте. Вслед за известными в округе кавалерами поспешили сделать приглашение на танец другие мужчины. Манерно отвесив поклоны своим избранницам, кавалеры проводили дам на площадку и закружили их в вальсе. Легкие женские юбки и платья заколыхались в такт звучащей музыки. В этот момент к забору Дома отдыха, запыхавшись, подбежали Тамара и Анастасия. Одноклассницы, заждавшись подруг, недовольно заметили:

– Наконец-то! Мы уж думали – вы не придете... Опять Настькиных родителей упрашивали? Предлагали ведь зайти за вами...

– А чего не зашли? Думаете, мне приятно каждый раз штурмовать этот бастион? – буркнула Тамара.

– Из-за вас чуть самое интересное не пропустили, – с укором бросила Фаина.

Подруги прильнули к забору и стали наблюдать за происходящим на танцплощадке.

– Будь мы там – весь расклад мог быть другим... – прошептала Фаина.

– Что толку от твоих мечтаний? – хмыкнула Коржакова. – Если бы, да кабы – айда на танц-площадку! Вон как там светло и весело – это вам не сельский клуб, где из-за темноты ни зги не видно.

– Брось, Томка, опять ты за свое, – попыталась образумить подругу Зинаида, – знаешь ведь, что нам нагорит, если мы тебя послушаем...

– А может, и вправду махнем?.. – поддержала Коржакову Фаина. – Вон как пары красиво кружатся – так и пишут, так и пишут! А музыка... не то, что наш деревенский гармонист пилюкает...

– Бросьте, девчонки! – попыталась образумить подруг Анастасия. – Знаете же, что нам туда нельзя... – девушка неодобрительно глянула на одноклассниц, но по выражению их лиц поняла, что остановить их будет трудно.

Пытаясь воспрепятствовать проникновению подруг на территорию Дома отдыха, Настя закрыла спиной дыру в заборе. Тамара властным движением руки оттолкнула ее, схватила девушку за руку и потащила к танцплощадке, за ними на территорию лесопарка проникли Роза, Фаина и Зинаида. Пробравшись сквозь густые заросли акации, обрамлявшей деревянный настил, девушки остановились под раскидистой кроной вяза и с нескрываемым интересом стали наблюдать за происходящим.

– Гляньте, Варенков опять с той же кралей танцует – похоже, всерьез на нее глаз положил... – заметила Зинаида. – Смотрите, как он на нее смотрит...

– А она ничего... Прическа, как у артистки, и кофточка модная... Красивая! – рассматривая зазнобу земляка, произнесла Фаина. – Только, что толку – все равно уедет.

– Жаль Ваньку, – вздохнула Зинаида, – такая красавица не скоро забудется...

– Ты за него не беспокойся – еще посмотрим, кто по ком сохнуть будет, – переживая за брата, ответила Роза.

– А Ленька Баренцев... Только посмотрите, сколько галантности – никогда б не подумала... – удивилась Тамара.

– Да ну вас, девчонки, до всего вам дело, будто поговорить больше не о чем... – фыркнула Настя.

Игла патефона соскользнула с пластинки, вальсирующие пары остановились и с досадой посмотрели на массовика, ожидая, что он исправит ситуацию.

– Извините, маленькая неувязочка... – смутился мужчина и попробовал завести патефон, однако у него ничего не вышло. – Приносим извинения, сейчас все исправим... – засуетился ведущий.

Кавалеры поблагодарили дам за танец, откланялись и, отойдя в сторонку, завели оживленный разговор. То тут, то там на фоне зелени лесопарка вспыхивали и медленно гасли огоньки их папирос, народ отдыхал в ожидании следующего танца...

– А теперь – кадрили! – торжественно провозгласил массовик-затейник. – Прошу желающих на площадку...

Фаина и Тамара переглянулись, в глазах девушек загорелись озорные огоньки.

– Девчонки, покажем приезжим, как надо танцевать! – подзадорила подруг Рудакова.

– Пошли! – поддержала подругу Зинаида.

На дощатый помост устремились танцоры, в этот момент из зарослей акации вышли деревенские мальчишки.

– Одноклассники... – шепнула девчатам Тамара. – Что сейчас будет...

– Уймись! – приструнила подругу Анастасия.

– Добрый вечер! – проходя мимо девчат, поздоровались парни.

– Добрый, коли не шутите... – ответила Фаина.

Зазвучала музыка, танцующие парами двинулись по кругу... Легкой поступью, в такт зажигательной мелодии танцевали женщины и девушки. Слегка чопорно, расправив плечи,

притопывали ногами о деревянный настил мужчины и парни. По мере продолжения танца все озорнее и смелее поглядывали друг на друга партнеры, пары менялись местами, кавалеры засыпали дам комплиментами. Настя с завистью смотрела на танцующих и с трудом сдерживала себя, чтобы не пуститься в пляс. «Счастливые... – думала девушка, – как бы я хотела быть на их месте!» Она любила танцевать, в такие моменты в ее бездонных глазах будто загорались таинственные огни. В минуты вдохновения и радости девушка словно светилась изнутри, её глаза, как зеркала, отражали внутренний настрой. Настя обладала удивительной способностью настраивать на возвышенную волну окружающих, вот и сейчас, сама того не сознавая, она привлекла к себе всеобщее внимание. Пышное модное платье и гибкий стан подчеркивали ее природную статность и очарование. Женщины, сидевшие на лавочках по периметру танцплощадки, с нескрываемым любопытством рассматривали присутствующих и мирно вели беседу.

– Гляньте, как повзрослела старшая Пелагеи... Настоящая красавица, – заметила повара Дома отдыха Акулина.

– Есть в кого – Пелагея в молодости тоже писаной красавицей была, если б не ее недуг, она бы и сегодня многим фору дала, уж дюже прыткая была – оттого, видать, силенки и надорвала... – поддержала разговор прачка Надежда Быстрова. – Настена дивчина ладная, послушная и в учебе, говорят, смышленная. По окончании семилетки хочет в педагогический техникум поступить – на учительницу выучиться...

– А что – это дело! Из нее хорошая учительница выйдет! Что в этом деле главное? Чтоб педагог хорошим человеком был, предмет свой досконально знал, мог детей к себе расположить, дарования в них разглядеть и по нужному пути направить... – высказалась Акулина.

– Что и говорить... – вздохнула уборщица Дома отдыха Ольга Игнатьева. – От учителя, и впрямь, многое зависит. Взять, к примеру, нашего физика – Георгия Константиновича Рогозина – редкий человек: культурный, интеллигентный, ученый... Мой Санька его предмет страсть как любит, книжку по физике от корки до корки прочитал, а имя учителя с языка не спускает, только и слышу: «Георгий Константинович сказал... Георгий Константинович сделал...» После уроков в школьной мастерской подолгу задерживается, все какие-то опыты по физике ставит, что-то мастерит... – женщина поправила на голове платок и стала рассматривать девушку, с которой танцевал Варенков.

– Этот Рогозин – чудаковатый... – хихикнула Надежда. – Сама не раз видела, как он по школе какие-то блестящие шары на палках таскает, а давеча в актовом зале что-то похожее на тарелку повесил, говорят – радио, ученики старших классов под руководством физика его из разных деталей собрали, теперь на большой перемене Москву слушают...

– Вот и получается, что учеба – свет!.. Эх, если б я была моложе – обязательно бы на библиотекаршу выучилась... – высказала вслух свою давнюю мечту Ольга. – Страсть как люблю книжки читать, только времени на это не хватает...

– Что и говорить – бабья доля нелегкая, некогда нам было, соседочки, учиться... Время такое на наш век выпало, может, хоть нашим детям повезет – выучатся, в город уедут, иную жизнь узнают... – вздохнула Акулина.

За беседой женщины не заметили, как закончилась кадрили, и массовик-затейник объявил «Барыню». Баянист Дома отдыха достал из чехла инструмент, сел на табурет, поставил баян на колени и занес ладони над рядами глянцевых кнопочек. Сделав небольшой проигрыш, мужчина стал наигрывать мелодию. На помост, игриво поглядывая на кавалеров, вышли три молодые женщины и, грациозно взмахнув платочками, пустились в пляс, гармонист оживился и прибавил темп, его черный завитый чуб то опадал на широкие изломленные брови, то прикрывал прихваченный сединой висок. «Барыня ты моя, сударыня барыня...» – хлопая в ладоши, подпевали отдыхающие, исполнительницы вовлекали в танец все новых и новых участниц, и вскоре «Барыню» лихо выплясывали почти все присутствующие.

– Активнее, товарищи, активнее!.. – подзадоривал отдыхающих массовик-затейник.

Дух веселья охватил всех присутствующих, казалось, даже вечерняя прохлада отступила. Анастасия, словно замороженная, смотрела на танцплощадку...

– Эх, была – не была! – решительно произнесла Коржакова.

– Ты, что, Томка, не дури... – схватила ее за руку Фаина.

– Отвяжись! И потанцевать нельзя...

– Танцуй сколько угодно, только не здесь, знаешь, что будет, если Гольдман узнает...

Тамара насупилась и гневно глянула на подругу:

– Отпусти! – пригрозила она девушке.

– А то что?

– Сейчас узнаешь, – Тамара толкнула одноклассницу в грудь и с силой дернула за косу.

– Ай! – вскрикнула Фаина и ударила обидчицу по руке.

– Ну, держись! – сквозь зубы процедила Коржакова и вцепилась руками в волосы подруги.

– Девчонки, вы что?.. – опешила Настя и бросилась разнимать одноклассниц, Роза и Зинаида присоединились к ней.

Раззадоренный весельем ведущий объявил «Польку», затем «Подыспань» и под занавес вечера – «Краковяк», однако все это осталось для девчат за кадром. Одноклассники с ухмылкой посматривали на кусты акации, где под пологом сгустившейся ночи подруги пытались урезонить разбушевавшуюся Тамару.

– Коржакова в своем репертуаре, – заметил Седельский, – видно, ей сегодня не хватило...

– Да ну ее... Давно можно было разобраться – не хочется связываться с девчонкой, – махнул рукой Юрий Стригунов, которого в деревне за его живой непоседливый нрав звали Стригунком.

– Пацаны, сторож идет! – шепнул Рыжик и скрылся в кустах сирени.

Парни пригнули спины, юркнули в кусты, добежали до забора и, крикнув одноклассникам «Атас!», бросились врассыпную. Анастасия и Зинаида растащили подруг и, увидев приближающегося сторожа, последовали за одноклассниками.

Девчата покидали территорию Дома отдыха без настроения, ссора, затеянная Коржаковой, испортила впечатление от вечера.

– Отдохнули... – пригладив растрепанные волосы и недовольно поглядывая на Тамару, буркнула Фаина. – Устроила вечеринку – нечего сказать... Что ты все оглядываешься?

– Седельского ищу... – ответила Коржакова и внимательно осмотрелась по сторонам.

– Дался тебе этот Колька... Зачем он тебе? – поинтересовалась Зинаида.

– Должок отдать...

– Уймись, тебя в деревне за девчонку не считают... – укорила подругу Анастасия.

– Что вы ко мне привязались?.. – огрызнулась Тамара. – Бабка с утра до ночи воспитывает, учителя в школе – теперь вы! Что я такого сделала? Подумаешь – подралась с мальчишками... Ну и что, за дело досталось, чтоб не лезли, куда не след... Я за вас – в огонь и в воду, синяк вон на ноге посадила... – девушка подняла подол платья и показала одноклассникам свое боевое ранение.

На правой ноге девушки чуть выше колена красовался синяк размером с кулак – следствие драки с Седельским и Рыжаковым.

– Ничего себе! – ахнула Фаина. – Бабе Дуне что скажешь?

– Ничего.

– Больно?.. – поинтересовалась Зинаида. – Нужно лист подорожника приложить – мне бабушка советовала.

– Знаем мы твою бабку! Не зря ее знахаркой зовут, – одернув платье, произнесла Коржакова.

– Нечего сплетни разносить! – приструнила ее Анастасия.

– А это не сплетни... – возразила Тамара. – Я сама видела, как кузнец свою жену к ней на телеге привез, прыгнул с воза и как закричит: «Спасай, Федосья! Помирает Клавдия, змея ужалила в руку...» Гляжу – а в телеге жена кузнеца лежит, лицо испариной покрылось, рука и губы посинели, опухли, думала, впрямь умирает... Баба Федосья выбежала из дома, пальцы к ее шее приложила и говорит: «Еле поспел ты... Если б чуть позже привез – ей бы уже никто не помог, а так – не переживай, выходим мы твою Клавдию, не голоси по живой, как по покойнице, не к добру это...» А потом увидела меня и давай со двора гнать, а я любопытная... За калитку выбежала и за куст калины спряталась. Вижу – бабка Федосья над Клавдией склонилась и безымянным пальцем вокруг укуса змеи круг чертит, а сама что-то тихонько нашептывает, потом плюнула трижды через левое плечо и пошла в дом, принесла бутылку с черной жидкостью и рану Клавдии ею намазала, а поверху льняной тряпицей повязала. Кликнула она кузнеца и говорит: «Я свое дело сделала, теперь пусть природа свою работу выполнит... Будь с ней рядом и наблюдай, если глаза до заката солнца не откроет – пошли за мной, а сейчас ступай, мне отдохнуть надо – стара я стала, силы уже не те...» С тем Иван и уехал, а о том, что дальше произошло, я от своей бабушки узнала. Она в тот вечер трижды к кузнецу навевалась – все о здоровье Клавдии справлялась, так вот, моя бабушка рассказывала, что как только солнце стало садиться, Клавдии стало лучше, а ты говоришь – сплетни...

– И я об этом слышала, – кивнула Роза.

– Мама говорила, что бабушка Федосья многим в деревне помогла, даже жизнь спасла... – добавила Фая.

– Тоже мне, защитницы... – хмыкнула Анастасия. – А еще заявление о приеме в комсомол писать хотите, комсомольцы должны быть убежденными ленинцами и разъяснять политику партии, а она, как вам известно, против суеверий. Эх, вы... Мне за вас стыдно! Несете всякий вздор...

– Зря ты так, Настя! Я со своей бабкой с самого рождения под одной крышей живу, потому лучше тебя знаю – сказки это или нет, – вступилась за родственницу Зинаида. – Вот скажи, кто лучше ее в колхозе знает, что пришла пора сеять в землю зерна различных сельскохозяйственных культур? Даже агроном с ней советуется! И ветеринар наш частенько к ней заходит, а когда у наших женщин роды с осложнениями бывают – к кому за помощью спешат? К моей бабке...

– Не знаю... – покачала головой Анастасия.

– То-то! Мы на жизнь глаза не закрываем и тебе не советуем, а то знаешь, как бывает – кто от чего зарекается, тот с тем и сталкивается. Мне бабушка об этом неоднократно говорила...

– Что вы взяли меня агитировать? Не знаю, чему вы там были свидетелями, только в моем доме я таких разговоров не слыхала! Ну вас... – махнула рукой Анастасия и поспешила домой.

Девушки растерялись, они не ожидали, что так выйдет.

– Нехорошо как-то... Настька по-своему права. Не дело нам подобные слухи распространять... Что, коли до директора школы дойдет? Из пионерской организации исключить могут и в комсомол рекомендации не дадут, а без комсомола сейчас никуда... – забеспокоилась Фаина.

– А кто хотел, чтоб так получилось? Просто моя бабушка на самом деле много знает...

– А правда, что она в Бога верит? – поинтересовалась Тамара.

– Верит или нет – точно не скажу, мне она об этом не докладывает, а травы различные и много чего другого – знает... «Природа, – говорит бабушка, – хранит в себе много тайн. Только открывает она их самым пытливым и добрым. Надо, – говорит, – жизнью заслужить доверие Природы, потому что она читает сердца человеческие, как мы – книги...»

– Тебя послушать, так твоя бабка умнее профессора, – ухмыльнулась Коржакова.

– Она, конечно, не профессор, но толк в жизни знает... – ответила Зинаида.

Разговаривая, девушки не заметили, как дошли до перекрестка. Полная луна, словно зажженный фонарь, горела на усеянном звездами небе и заливала округу серебристо-голубым светом, придавая природе торжественную таинственность. Где-то за рекой тихо играла гармонь, ветер доносил до слуха девчат женские и мужские голоса, весело исполнявшие частушки. Порой усиливающиеся порывы ветра и шум листвы вековых дубов, росших вдоль дороги, прерывали звуки, отчего создавалось впечатление, что гармонист играет, а певцы поют с переборами.

– Ну что – прощаемся? – зевнув, спросила Фаина.

– А может, махнем в Заречье – там вечеринка только начинается... – предложила Тамара.

– Угомонись! – попыталась образумить подругу Зинаида. – Сейчас ты готова до утра плясать, а завтра будешь носом на уроках клевать...

– Ну их, Розка, пойдем вдвоем! Сами потом будут завидовать... – продолжала провоцировать Коржакова. – А поют-то как, поют...

– Поют на самом деле хорошо, – вздохнула Роза, – только я – домой, не хватало еще утром проспать – тогда точно неприятностей не оберешься...

– Тебе, Томка, не мешало бы вспомнить, как ты заснула на уроке географии и, падая, опрокинула чернильницу на спину Розе, – напомнила Фая. – Из-за того, что ты всю ночь гуляла – пришлось потом краснеть перед всем классом, так что ты – как хочешь, а я – домой.

~~◇~~

Девушка попрощалась с подругами и свернула в свой переулочек, она сердилась на Зинаиду из-за того, что ей пришлось одной идти по темному переулочку. Фая с опаской поглядывала по сторонам и уговаривала себя сохранять спокойствие. Деревья и кустарники, росшие вдоль дорожки, отбрасывали на землю извилистые тени, которые в лучах ночной странницы казались враждебными. Тяжелые кучевые облака, словно потерявшие гавань корабли, медленно проплывали по небу, время от времени закрывая диск ночного светила, Фая прибавила шагу и постаралась побороть страх. «Чего мне бояться? Я не в лесу... – успокаивала себя девушка. – Еще немного – и буду дома...» В этот момент в памяти Фаины всплыл рассказ Стригунка о кладбищенских привидениях, девушка съежилась и побежала по переулочку. Когда до дома оставалось метров пятьдесят, из-за пышного куста жасмина, росшего у плетня, выскочил всклокоченный черный кот и с диким воплем бросился ей под ноги. «Ай!» – вскрикнула девушка и, зажмурив глаза, отскочила в сторону, шерсть на животном встала дыбом, кот зашипел, словно змей, и замер. В этот момент из темноты выскочил серый кот, прыгнул на спину сородичу и стал кусать и безжалостно рвать его когтями, издавая душераздирающие звуки, отнюдь не похожие на кошачье мяуканье.

– Тьфу, окаянные! – выругалась Фаина. – Прочь с дороги!.. – девушка подняла с земли сухую ветку жасмина и хлестнула котов по всклокоченным спинам, ошарашенные животные прекратили драться, испуганно посмотрели на обидчицу и, прижав уши, побежали прочь, наполняя гулкий ночной воздух диким воплем.

Расчистив себе путь, Фаина побежала к дому, однако не успела она прийти в себя, как услышала впереди рык.

– Что это?.. – съежилась девушка и отпрянула назад.

– Чего кричишь?.. – услышала она голос Стригунка.

Увидев вышедшего из-за дерева одноклассника, Фаина с облегчением вздохнула.

– Ну и напугал же ты меня... – покачала головой девушка. – Шляешься по ночам, словно привидение...

– Прости, не думал, что ты так испугаешься, – виновато произнес парень.

– Что мне от твоих извинений...

– Я просто хотел пошутить... – стал оправдываться Юрка.

– Ничего себе – шуточки, я чуть не умерла от страха...

– Ну, не умерла же.

– Думай, что говоришь... – пристыдила одноклассника Фая.

Юрка расстроился, что ему не удалось произвести должного впечатления на соседку.

– Лучше б я с тобой не связывался! – насупился парень. – Думал, дождусь – посидим, поговорим...

– Вот еще!.. – фыркнула девушка. – Дня мало? А ну, выкладывай, что тебе нужно...

– Что, что... Ничего! – насупился Юрка.

– Твое дело, не хочешь говорить – не говори, в следующий раз, прежде чем приставать с разговорами, приведи себя в порядок – стоишь передо мной с пиджаком на голове, будто пугало в огороде!.. – высказав юноше все, что она о нем думала, Фаина гордо прошла мимо и направилась к калитке своего дома.

– Дуреха! – донеслось до ее слуха.

– Сам такой! – бросила на прощанье Фаина и вошла в дом.

ГЛАВА 3

ЮРКА ПРОВОДИЛ ДЕВУШКУ взглядом и побрел к реке, настроение у парня было испорчено. Погрузившись в думы, он не заметил, как дошел до моста. Выползшая из-за туч луна бросила ленивый взгляд на сонную землю и снова скрылась в облачной выси. Стригунок присмотрелся и заметил на середине моста два силуэта. «Кто бы это мог быть?..» – задумался юноша и, присмотревшись, узнал Виктора Рыжакова и Николая Седельского. Парни сидели на мосту, свесив ноги вниз, и тихо о чем-то беседовали. Увидев друга, Рыжик поинтересовался:

- Что – не спится?
- Угу, – кивнул Юрка.
- Понимаем... – заметил Колька.
- Хватит язвить, лучше выкладывайте, что замышляете...
- Какой ты сообразительный, – ухмыльнулся Рыжик.
- Ну так что?..

Парни перестали махать босыми ногами, переглянулись, и Колька заговорщицки произнес:

- Прочитать кое-кого думаем...
- Это вы о Коржаковой? – уточнил Юрка.
- Догадливый... – улыбнулся Виктор.
- Зачем вам сдалась эта малохольная? Подумаешь, надавала тумачков... Делов-то...

Не первый год ее знаете...

– Ну уж нет! – покачал головой Колька. – У нас с ней давние счеты! Надо ее как следует прочитать... Ты с нами?

- Смотря что вы задумали... – уклончиво ответил Юрка.
- Хочешь знать наш план?
- Конечно.
- Тогда – садись...

Юрка сел рядом с одноклассниками и стал внимательно слушать, что они придумали. Изложив в подробных деталях план, Колька поинтересовался:

- Ну, как?
- Класс!!! – улыбнулся Стригунок.
- Значит, одобряешь?..
- Конечно.

Близилась полночь... Звуки гармони за рекой стали отчетливой, по витиеватым переборам музыкального инструмента можно было догадаться, что в Заречье начались танцы. Деревня разделилась на два лагеря: одна часть ее жителей мирно спала, восстанавливая силы после трудового дня, другая – бодрствовала и веселилась. Глядя на мирно текущие воды Болотянки, ребята словно выпали из времени, сколько длилось это состояние – они не знали, очнувшись, они вспомнили о своем плане и приступили к его реализации. Перейдя через мост, заговорщицки отправились к дому Коржаковых, настроение у парней было боевое. «Наконец я сочтусь с Томкой, – радовался Колька, – посмотрю – будет ли у нее после этого желание доучать мне...» Было за полночь, время от времени ночную тишину нарушали лай деревенских собак и звук гармони за рекой. Рыжик шлепал босыми ногами по прохладному дорожному песку и тихо насвистывал мелодию популярного танго. Дойдя до нужного переулка, Колька остановился и предусмотрительно заметил:

– Здесь у Пантюшиных собака... Не кобель, а настоящий зверь, так что давайте тише... Витька, прекрати свистеть, всех собак в округе раздражил...

– Все, могила! – заверил друга Рыжик.

– В целях конспирации действуем без лишних слов... – предупредил Колька.

Парни проскользнули в переулочек, но не успели сделать и нескольких шагов, как из-за высокого забора усадьбы Пантюшиных раздался оглушительный собачий лай. Пес неистово бросался на забор, и казалось, вот-вот разорвет цепь, которой был привязан к будке. При каждом очередном рывке цепь с грохотом ударялась о деревянную стену собачьего жилища, гремя о погнутую железную миску.

– Елки зеленые... – растерялся Рыжик, – так он всех на ноги поставит...

– А то! – ухмыльнулся Юрка. – Это же Гром, его потому так и зовут – за его грозный нрав.

– Зверюга... – с опаской поглядывая на забор, прошептал Колька. – Этот и мыши мимо не пропустит. Говорил вам – не дышите...

В этот момент дверь дома Пантюшиных открылась, и на крыльцо в исподнем вышел хозяин усадьбы.

– Кто тут? – спросил старый охотник. – Тише, Гром! Всю деревню разбудишь...

При виде хозяина пес радостно заскулил, завилял хвостом и снова поднял лай. Старик спустился с крыльца, обошел с винтовкой подворье, проверил замок на хлеву и подошел к Грому.

– Чего поднял переполох? – недовольно произнес мужчина. – А ну – тихо!

Однако пес не унимался...

Парни пригнули спины и, осторожно ступая, хотели прошмыгнуть мимо плетня, но в самый неподходящий момент под ногами Виктора предательски хрустнула ветка, хозяин дома насторожился и подумал, что зря упрекнул своего охранника.

– А ведь ты, Гром, прав, есть за забором кто-то... – заметил старый охотник. – Посмотрим, кто не дает спать по ночам добрым людям...

Парни переполошились, выпрямились во весь рост и что было прыти бросились бежать по переулку. Пантюшин открыл калитку и увидел мелькающие в темноте тени.

– Вот сорванцы... – покачал головой старик, – дознаться б, кто это был...

Добежав до дома Анастасии, ребята отдышались и пошли шагом – до дома Тамары было рукой подать. Усадьба Коржаковых располагалась в конце переулка, на живописном берегу Болотянки, сразу за избой река делала крутой поворот, что делало ее местоположение немного обособленным. Дом был построен мастеровыми руками Ивана Коржакова, деда Тамары, на месте сгоревшей в революцию картонной фабрики. Подойдя к калитке дома, парни остановились. Достав из кармана брюк увесистую картофелину, Виктор обвязал ее длинной шерстяной ниткой и сунул в карман брюк, затем отломал сучок от дерева и сделал рогатину. Николай Седельский и Юрий Стригунов с любопытством наблюдали за действиями друга.

– Готово!.. – закончив приготовления, оповестил одноклассников Виктор. – Я закреплю рогатину над окном, а вы спрячьтесь в кустах и ждите, как вернусь – начнем.

– Давай! – кивнул Колька.

Виктор пробрался к дому Тамары и, воткнув рогатину в расщелину между бревнами, перебросил через нее нить с закрепленной на конце картофелиной. Убедившись, что конструкция держится прочно, юноша протянул нить к кустам черемухи, где скрывались одноклассники.

– Можем начинать... – шепнул Рыжик.

– Сначала спрячьтесь как следует, – посоветовал Колька.

Рыжик пригнул голову, проверил подвижность нити и подал знак о начале операции.

Лунный свет клубящимся столбом проникал сквозь окна дома, наполняя внутреннее пространство серебристо-голубоватым светом. От незамысловатой хозяйской утвари по полу, потолку и стенам скользили длинные черно-серые тени. Тамара спала безмятежным сном, ее

кровать, устеленная мягкой периной, стояла у окна дома. Лежанка бабы Дуни располагалась в глубине жилища, от общего пространства ее отделяла ситцевая занавеска. Посреди комнаты на покрытом ажурной скатертью столе стояли глиняная кринка с молоком и тарелка с ноздреватыми пышными блинами, накрытые рушником. Рыжая кошка Муська, словно меховая подушка, лежала поверху одеяла молодой хозяйки. Внезапно она повела ушами, открыла глаза и испуганно глянула на окно.

– Ш-ш!.. – зашипела кошка и, подняв шерсть дыбом, сверкнула желтыми глазами.

– Бум, бум, бум... – раздался странный стук.

Кошка прижала уши и, спрыгнув на пол, забралась под кровать, Тамара проснулась, подбила руками подушку и, зевнув, повернулась на другой бок.

– Муська, иди ко мне, – позвала любимицу девушка.

«Бум, бум, бум...» – донеслось до слуха Тамары.

– Ш-ш!.. – зашипела под кроватью кошка.

«Что это?» – насторожилась девушка. На душе у Тамары стало неуютно.

«Бум, бум, бум...» – возобновился стук. Ветер за окном, шелест листвы и храп бабы Дуни не давали девушке возможности определить, откуда он исходит.

«Бум, бум, бум...» – снова донеслось до слуха Тамары, на этот раз девушке показалось, что звук идет из глубины дома, все естество ее обратилось в слух, невольно в памяти девушки стали всплывать рассказы деревенской детворы о домовых, оборотнях и злых духах, по телу Тамары пробежали мурашки...

– Бабуля! – ежась от страха, позвала девушка, но вместо ответа услышала громкий храп старухи.

– Бабушка, слышишь?.. – повторила девушка, но в ответ откуда-то сверху послышался таинственный стук.

На этот раз Тамаре показалось, что кто-то ходит по чердаку, кошка выбежала из-под кровати и, мяукнув, скрылась за ситцевой занавеской.

– Мусенька! – натянув выше одеяло, позвала девушка, но кошка проигнорировала зов хозяйки и забралась на печь.

Тамара выскользнула из-под одеяла и, шлепая босыми ногами по холодному деревянному полу, побежала к печке.

– Бабуля, проснись!.. – тронув старуху за плечо, дрожа от страха, произнесла девушка.

Храп женщины прервался, и она сонным голосом спросила:

– Внучка – ты? Неужто еще не ложились?

– Да нет, спала я...

– Случилось что? Я, как легла, еще глаз не сомкнула... – эта фраза потрясла Тамару до глубины души – совсем недавно девушка не могла разбудить опекуницу.

«Бум, бум, бум...» – снова прозвучало в тишине.

– Слышишь этот стук? – спросила Тамара.

– Не шепчи! Знаешь ведь, что я глухая... Что стряслось?

– Такой странный стук... Мне кажется – у нас на чердаке кто-то ходит... – высказала опасение девушка.

– Кому там быть? – махнула рукой старуха. – Может, мышь, может – пацюк, а может – твоя Муська промышляет...

– Да нет же! Стук такой глуховатый, периодически повторяющийся – это не мышь и не коты... Муська на печке сидит, ей этот звук тоже не нравится, чувствует она кого-то, пугается, значит – неспроста...

– Ну, не Муська, так другой кот под стреху забрался. Спи, чего гадать?

– Нет, бабуля, это что-то другое. Стук какой-то странный...

– Тьфу ты, заладила – дался тебе этот стук. Спи – завтра рано вставать.

– А может, это домовый?.. – с опаской поглядывая по сторонам, высказала предположение Тамара.

– Свят, свят!.. – всплеснула руками женщина. – Это от кого ж ты такой ерунды набралась? Чему только вас в школе учат? Вот я сейчас этому домовому покажу... – сердито произнесла старуха.

– Что ты, бабуля! – переполошилась Тамара. – Девчонки говорят, что его нельзя гневить, а то покоя в доме не будет...

– Успокойся, иди спи – сейчас все прояснится...

– Я бы хотела заснуть – только из-за этого стука разные дурные мысли в голову лезут... – дрожащим голосом произнесла Тамара.

– А ты прочь их гони! Пустое это, сдастся мне, что я знаю, что за домовый у нас завелся...

– Как ты можешь его знать – он же невидимый? – оторопела Тамара.

Баба Дуня сняла со спинки стула вязанный шерстяной платок, набросила поверху длинной ночной рубахи и, шаркая ногами по полу, направилась к входной двери. Тамара сняла с гвоздя на стене вязаную кофту и, на ходу надев ее, поспешила за женщиной, вслед за ними спрыгнула с печи кошка. Выйдя в сени, баба Дуня сняла со стены длинный хлыст и, недовольно глянув на внучку, произнесла:

– А ты куда собралась? Будь дома, поди, не лето...

– Что ты, бабуля, мне не холодно, – стуча зубами от страха, ответила девушка.

– Вижу я, как тебе не холодно, вон, дрожишь вся...

– И вовсе это не от холода! Я не знаю, почему меня трясет...

– Ты не знаешь – зато я знаю! – укутавшись в теплый платок, ответила старуха.

Женщина открыла входную дверь и, перешагнув через порог, вышла на улицу. Минуту-другую она осматривалась по сторонам, затем запрокинула голову, вдохнула прохладный ночной воздух и, зачарованная красотой ночи, восторженно произнесла:

– Луна какая сегодня – светло, будто днем. Я такой красоты давно не видала...

Тамара выглянула из-за плеча женщины и с удивлением посмотрела на опекуншу. Порывы ветра на время стихли, и в ночном воздухе воцарилась тишина. Одинокие звезды мирно мерцали на темном небосводе, покрытом белесыми пятнами облаков.

– Любота!.. – восторженно произнесла баба Дуня, сделала несколько глубоких вдохов и, словно напитав свое старческое тело лучами полнокровной Луны, медленно двинулась вдоль стены дома.

Тамара последовала за ней, Муська прыгнула в траву и направилась в глубину палисадника. Увидев из своего укрытия бабу Дуню с хлыстом в руке, парни переглянулись и пригнули головы к земле.

– Замрите! – шепнул Рыжик.

Заговорщики всматривались в темноту, пытаясь угадать, как будут развиваться события дальше. Смекнув, что старуха идет к окну, над которым была закреплена картофелина, ребята замерли – дело принимало нежелательный оборот. Тем временем Муська продолжала осторожно красться к кусту черемухи, где скрывались парни, она почти ползла на животе, медленно переставляя лапки и не отводя глаз от цели. Желая лучше рассмотреть, что происходит возле дома, Николай Седельский отогнул закрывавшую ему обзор ветку и выглянул из куста. В этот момент кошка сделала прыжок и вцепилась когтями в нос парня. Колька взревел от боли и, перепрыгнув через плетень, пустился наутек. Прикрыв расцарапанный нос рукой, парень бежал прочь от дома Коржаковых. Муська подняла хвост трубой и, мяукая, понеслась вслед за ним. Баба Дуня от неожиданности вскрикнула и прижалась спиной к бревнам дома. Тамара услышала крик женщины, вой кого-то, выскочившего из темноты, и тоже закричала.

– А!.. – кричали перепуганные женщины.

– А-а... а-а!.. – вторило им эхо над сонной рекой.

Ошарашенные произошедшим, вслед за исчезнувшим в темноте другом из палисадника выбежали Рыжик и Стригунок. Перескочив через плетень, парни бросились бежать по переулку, шлепая босыми пятками по влажному от росы песку. Вдогонку им неслась раскатистая брань бабы Дуни.

– Ах вы, ироды! Это, кто же вас надоумил людей пугать? Ну, дознаюсь я, кто это был... – угрожающе трясла хлыстом старуха.

Через некоторое время в начале переулка раздался оглушительный лай Грома, эстафету которого подхватили деревенские собаки.

– Всю деревню на ноги поставили, – покачала головой баба Дуня.

Тамара смотрела на свою опекуницу и не могла понять, что случилось, сердце девушки билось с такой силой, что едва не выпрыгивало из груди.

– Это все твои ухажеры... Мало им дня, так они уже ночью повадились ходить... – ворчала старуха.

– С чего ты взяла? Мало ли кому в голову взбрело... – пыталась оправдаться Тамара.

– Говорила я, что твои драки добром не закончатся – не слушала меня...

Тамара не могла взять в толк, почему женщина связала ночное происшествие с ее сче- тами с одноклассниками. По мере того, как девушка приходила в себя, к ней вернулось само- обладание, она в деталях припомнила события ночи и пришла к выводу, что это проделки злых духов, о которых так много рассказывали деревенские ребята. Ярость бабы Дуни понемногу утихла, и вскоре женщины вернулись в дом.

– Ну как, внучка, видела своего домового? – прикрыв входную дверь на крючок, спросила старуха.

– Угу... – кивнула девушка.

– А ведь мы эту загадку благодаря Муське разгадали, это она твоих ухажеров высле- дила – редкая кошка... Пацюка не каждый кот возьмет, а Муська троих вчера задавила. Кто- кто, а она свой хлеб добросовестно отрабатывает... – баба Дуня посмотрела на пушистую геро- иню и улыбнулась. – У котов особое зрение, они в темноте видят то, что мы не замечаем – любую добычу выследят, а уж коли когти в ход пустят – тут вовсе несдобровать... Хорошая кошка ни одной собаке не уступит. Сколько раз видела: прыгнет разъяренная кошка кобелю на загривок и давай его кусать и драть когтями, ездит на нем, как наездница – кобелю белый свет не мил, а сбросить кошку не может... Правду говорят: нет зверя страшнее кошки! Так что домовому твоему я не завидую – все лицо ему Муська расцарапала, по этой отметине мы его и узнаем, ложись спать, может, еще заснешь...

Тамара взглянула на опекуницу – только сейчас девушка поняла, как ей хочется спать, послушав совет бабки, она сняла кофту и юркнула под пуховое одеяло. Светло-каштановые волосы девушки рассыпались по подушке, она закрыла глаза и дала себе слово во что бы то ни стало посчитаться с обидчиками. Тамара усердно пыталась заснуть, но мысли, роившиеся в ее голове, не давали покоя, в ее памяти всплывали картины минувшей ночи, заставляя вновь и вновь пережить все заново. «Надо успокоиться... – уговаривала себя девушка. – Не дело – не спать из-за чьей-то дурной выходки». Веки девушки потяжелели, мысли начали путаться, и вскоре, сама того не заметив, она уснула.

Светало, ночь уступала права новому дню, над рекой клубился белесый туман, певчие птицы мелодичными трелями возвещали о восходе дневного светила, баба Дуня приготовила завтрак и стала будить внучку.

– Вставай, гулена, в школу пора... – суетясь у стола, произнесла женщина.

Тамара потянулась, глянула на часы и снова заснула.

– Говорю же, вставай! – сквозь сон услышала девушка.

«Неужели утро? Как хочется спать... – подумала Тамара. – Кто придумал эту школу? Учат, учат с утра до вечера, а я, может, спать хочу, не пойду на занятия, и все тут...» – девушка натянула на голову одеяло и засопела.

– Вставай, внучка, не то опоздаешь! – сердито произнесла баба Дуня.

Тамара знала, что женщина не отступит, и, отбросив одеяло, встала и пошла умываться.

ГЛАВА 4

ШКОЛА В ГУЩИНО располагалась в одной из хозяйственных построек, входивших некогда в состав усадьбы Родкевичей. Это был большой, добротный дом с просторными прямоугольными комнатами: в одной из них располагалась учительская, в другой – кабинет директора, остальные служили классами для деревенских детей. Школа давала семилетнее образование и являлась центром культурной жизни села. Учительский состав семилетки составляли приезжие, а обслуживающий персонал – жители деревни. Труд учителей оплачивался скромно, поэтому сердобольные сельчане, чем могли, помогали преподавателям. Ежедневно около восьми часов утра школьный двор оживал, деревенская детвора спешила на занятия. По традиции у входа в здание их встречал директор школы Абрам Романович Гольдман. Стоя на высоком деревянном крыльце, мужчина здоровался с учениками и делал им замечания относительно их внешнего вида, успеваемости и поведения. Пройти в школу незамеченным было невозможно. Вот и сегодня, как обычно, директор стоял на своем боевом посту и придирчивым взглядом оценивал всех, входящих в здание. Его костюм был тщательно выглажен, редующие волосы – гладко причесаны и смазаны гусиным жиром. Глянув на уборщицу, мывшую перила крыльца, директор недовольно заметил:

– Что – опять лестницу чернилами намазали? Доберусь я до этих художников...

– Давно пора, – кивнула женщина, – а то пока я перила мою – сама в чернила вымазываюсь, руки потом с трудом отмываю...

– Сегодня же постараюсь выяснить, что за вредитель завелся в школе.

– Так они вам и сказали... – ухмыльнулась женщина.

– Куда они денутся? – ответил директор и вошел в здание.

Проходя мимо группы старшеклассниц, мужчина недовольно глянул на Розу. «Снова кудри навила...» – отметил мужчина. Каждый раз, когда он видел роскошную копну волос Варенковой, его распирало от негодования. «Совсем стыд потеряла... – в мыслях сокрушался Гольдман. – Ничего, я научу тебя, как следует вести себя в школе...» Девушки смущенно посмотрели на директора и вежливо поздоровались.

– Здравствуйте! – ответил глава школы. – Почему вы не в классе? Скоро начнется урок... Варенкова, подойдите ко мне!

Девушки переглянулись и, многозначительно посмотрев на Розу, вошли в класс.

– Снова к ней придирается... – вздохнула Зинаида и с сочувствием посмотрела на подругу.

– Бедная Роза, хоть налысо подстригись... – ответила Фая.

– А может, он по другой причине ее подозвал, – высказала предположение Настя.

– Как же... – ухмыльнулась Тамара.

В это время в класс вошел учитель географии, девушки замолчали и сели за парты, начался урок. Анисим Иванович Полуянов положил на учительский стол журнал успеваемости и осведомился у дежурного, кто отсутствует.

– Варенкова... – доложил Мохов.

– По какой причине? – поинтересовался учитель.

– Не знаю, – пожал плечами парень.

– Ее Абрам Романович задержал, – пояснила Зинаида.

– Вот как... – нахмурил брови географ.

Отсутствие Варенковой вызвало у преподавателя недовольство – не в первый раз Гольдман снимал детей с уроков для наложения дисциплинарных взысканий. «Эта чем ему не угодила?» – недоумевал мужчина. Начался урок...

Варенкова стояла перед директором, не смея поднять глаза. «Что ему нужно?..» – с замиранием сердца думала девушка.

– Вы хотели мне что-нибудь поручить? – поинтересовалась Роза.

– Все, что могла – ты уже сделала, – хмуро произнес директор. – Снова волосы накрутила – разве так ведут себя прилежные ученицы? Что нам завещал великий Ленин? Он завещал: учиться, учиться и...

– Учиться коммунизму, – смущенно пролепетала Роза.

– Говоришь ты, Варенкова, все правильно, а на деле занимаешься вредительством! Последний раз предупреждаю, если не прекратишь этот разврат – выгоню из школы! Сейчас пойдешь со мной в подсобное помещение и вымоешь голову...

Глаза девушки заволочили слезы, она не смогла сдержаться и расплакалась.

– Я не нарочно, они от природы вьются... – попыталась оправдаться школьница, но Гольдман ее не слушал, он был уверен, что ученица лжет.

Схватив девушку за руку, директор потащил ее в кладовую и там, наклонив голову ученицы над тазом, облил ее волосы водой из ведра. Бледный от злобы, мужчина пытался своими неуклюжими пальцами распрямить мокрые локоны Розы.

– Я тебе покажу, как школу позорить! – грозно приговаривал директор. – Взяла моду волосы крутить! Не хотела иметь прическу, положенную ученице, терпи...

Роза молча терпела боль, понимая, что ее слова ничего не изменят. «Пусть хоть все до одного выдерет», – в душе сокрушалась девушка. Ей так надоели придирки Гольдмана, что она предпочла бы остричься налысо, лишь бы не слышать его незаслуженных упреков. Не сумев распрямить девушке волосы, директор оставил ее в подсобке, наказав привести себя в порядок. Роза отжала руками волосы и стала искать, чем их вытереть... Дверь кладовки открылась, и в помещение с ведром в руке вошла Галина Кудрявцева.

– Что ты здесь делаешь? – удивилась уборщица и посмотрела на залитый водой пол.

Роза взглянула на женщину и расплакалась.

– Чего ты плачешь и почему у тебя мокрые волосы? Ты что – мылась здесь? – поинтересовалась уборщица.

Роза всхлинула и поведала женщине о своем горе.

– Ну и чего ты расстроилась? – попыталась успокоить ее Кудрявцева. – Подумаешь – волосы вьются, радоваться надо, другие хотели бы иметь такие кудри, да не тут-то было, а на Абрама Романовича не обижайся, он о чести школы беспокоится, видимо, решил, что ты специально волосы накручиваешь...

Роза перестала плакать и взглянула на женщину. От надрывного плача нос и губы девушки распухли, а веснушки на лице стали заметнее, выражение её лица было столь жалким, что у Галины дрогнуло сердце.

– Глупая, разве можно так убиваться? – уборщица поставила ведро на пол и прижала девушку к своей груди. – Не расстраивайся... Нет такого горя, которое человек не смог бы пережить, все образуется...

– Правда? – шмыгнула носом девушка.

– Конечно... – Галина не могла поверить, что эта пышноволосая белокурая красавица, которую в деревне называли Мальвиной, могла навлечь на себя такие неприятности. – Ты, вот что... – произнесла Кудрявцева. – Возьми в тумбочке чистое полотенце и обсуши волосы.

Роза вытерла волосы, причесала их гребнем, лежавшим на подоконнике, и стала заплетать косу.

– Подожди, пусть обсохнут... – посоветовала женщина и подивилась локонам Розы, круто завившимся от воды. – Пошли к директору!

– Зачем? – испугалась девушка.

– Пусть удостоверится, что он ошибался.

- Не пойду, – покачала головой Роза.
- Почему?
- Он считает, что я специально их завиваю.
- Мало ли, что он считает – пусть убедится, что ты говоришь правду.
- Не знаю... – растерялась школьница.
- Пойдем! Надо доказать ему, что он не прав.

Роза собралась с духом и решила поступить, как советовала женщина.

– Ну, с Богом! – решительно произнесла Кудрявцева и, взяв девушку за руку, повела к директору.

Дойдя до кабинета, женщина поправила на голове платок и постучала в дверь. Услышав «Войдите!», Галина заглянула в комнату. Гольдман сидел за письменным столом и что-то сосредоточенно писал. Увидев женщину, он отложил в сторону бумаги и поинтересовался, в чем дело. Кудрявцева ответила, что дело не терпит отлагательства. Глава школы недовольно глянул на уборщицу, опустил в чернильницу перьевую ручку и произнес:

– По важному, говорите? Что ж – входите...

Галина подвела Розу к столу и, поборов волнение, произнесла:

– Абрам Романович, я по поводу Варенковой...

– Слушаю... – директор недружелюбно глянул на Розу.

– Я вас очень уважаю, но в отношении Варенковой вы не правы. Напрасно вы считаете, что девочка накручивает волосы – они у нее такие от рождения, вот, убедитесь...

Гольдман вышел из-за стола и подошел к опальной ученице. Роза уткнулась глазами в пол и не осмеливалась смотреть на мужчину. «Зачем я сюда пришла?» – корила себя девушка. Директор надел очки и с удивлением посмотрел на каскад белокурых завитков, украшавших голову ученицы.

– Н-нда... – озадаченно покачал головой мужчина.

– Видите? Волосы девочки мокрые, а по-прежнему вьются... – заметила Галина. – Если бы она их накручивала, они бы от воды распрямились.

– Действительно... – подивился мужчина. – То есть вы утверждаете, что это не завивка... Если это так, то я должен признать, что это самое удивительное, что я видел на своем веку.

Гольдман протянул руку, взял небольшую прядь волос девушки, потянул ее и отпустил – волосы закрутились в крупные завитки. Особенно много их было вокруг лба и на височной части головы ученицы, где волосы были подстрижены короче.

– М-мда!.. – произнес директор. – Похоже, на самом деле свои, но ведь родственники учеников утверждают, что Варенкова волосы накручивает... Кому верить?

– Это они из зависти... Признайтесь, хоть у одной женщины в округе вы видели такие волосы? – поинтересовалась Галина.

Гольдман молчал.

– Не видели! – ответила женщина. – Так зачем девочку винить в том, чего она не делала?.. – уборщица заметила смятение на лице директора и с чувством исполненного долга вышла из кабинета.

Гольдман чувствовал себя неловко. «Некрасиво вышло», – переживал мужчина. Глава школы сел за письменный стол и пристально посмотрел на ученицу.

– Извините, надеюсь, вы понимаете, что я это не со зла... – произнес директор.

– Да, – кивнула девушка.

– Что – да? Не могли бы вы изъясниться понятнее?

– Вы беспокоились о репутации школы... – пролепетала девушка.

– Ступай и впредь причесывайся аккуратней.

– Хорошо, – кивнула Роза. У неё будто гора с плеч свалилась.

Звон колокольчика оповестил об окончании урока, Варенкова вышла из кабинета директора и увидела, как из классов выбежали ученики и веселой гурьбой высыпали на школьный двор, где затеяли активные игры. «Лапта», «классики», «догонялки», «фантики» были любимыми играми школьников, гасившими их бурную энергию, которую педагоги с трудом сдерживали в течение уроков. Увидев подругу, вышедшую из кабинета директора, одноклассницы обступили ее и забросали вопросами.

– Ты, что, мыла волосы? – удивилась Тамара.

– Угу... – кивнула девушка.

– А зачем ты их мыла? Они же были чистые... – недоумевала Коржакова.

Роза вздохнула и с грустью посмотрела на подругу.

– Директор вылил мне на голову ведро воды, – пояснила Варенкова.

– Абрам Романович? Зачем он это сделал? – опешила Настя.

– Хотел распрямить волосы, думал, что я их накручиваю, – пояснила Роза.

– Ничего себе!.. – опешила Фаина. – Так он любую из нас может головой в ведро окунуть...

– У-у, вражина, – гневно глянув на кабинет директора школы, произнесла Тамара. – Что ты собираешься делать?..

– Ничего, – уныло произнесла Роза.

– Это ты зря, – покачала головой Коржакова.

– Брось, Томка, – махнула рукой Анастасия, – самое лучшее – забыть о том, что произошло. Нельзя злить Гольдмана – он обязательно отыграется, знаете, какой он мстительный... Нам еще выпускные экзамены сдавать...

– Пойдемте на улицу, – предложила Зинаида, подруги не стали терять времени и вышли во двор школы.

Фаина оглянулась, увидела у раскрытого окна директора и предложила одноклассницам прогуляться.

Мужчина проводил старшекласниц взглядом и стал наблюдать за игрой школьной детворы. «Кто из них мог испачкать чернилами перила крыльца?» – размышлял Гольдман. Взгляд директора остановился на группе старшекласников, игравших в «лапту», мужчина отошел от окна и направился к двери. Выйдя на улицу, он подошел к футбольному полю и окликнул Юрия Стригунова, однако парень был так увлечен игрой, что не слышал зова главы школы.

– Юрка, тебя Абрам Романович зовет! – крикнул другу Виктор.

Стригунок оглянулся и окинул взглядом школьный двор. В этот момент мяч, брошенный противоборствующей командой игроков, пролетел над головой парня и упал в заросли шиповника, росшего вдоль забора школы.

– Мазила... – упрекнул одноклассника Мохов.

Юрка нашел мяч и бросил его Виктору.

– Стригунов, Седельский, Рыжаков! Зайдите ко мне в кабинет, – строго произнес Гольдман.

Юрка взволнованно глянул на друзей: «Что ему надо?» – растерялся парень.

– Доиграть не дал... – недовольно буркнул Виктор.

Раздался звон колокольчика, оповестив об окончании перемены, школьный двор опустел, и только стая растревоженных голубей летала над опустевшим футбольным полем, где еще недавно играли ученики.

ГЛАВА 5

СТАРШЕКЛАССНИКИ ВОШЛИ в школу и отправились к директору, настроение у ребят было скверное.

– Как я появлюсь у него в таком виде? – переживал Колька. – Начнет расспрашивать, откуда у меня на лице царапины... Что я скажу? Может быть, баба Дуня наябедничала?..

– Откуда ей знать, что это были мы? – успокоил друга Виктор.

– А если все же узнала?

– Не мели ерунды, темно было.

Ребята подошли к кабинету директора и постучали в дверь.

Услышав «Войдите!», Стригунок открыл дверь и шагнул через порог. Колька и Виктор последовали за другом.

– Абрам Романович, звали? – переминаясь с ноги на ногу, поинтересовался Юрка.

– Проходите, хотел поговорить с вами по поводу важного дела...

Ребята переглянулись.

– Присаживайтесь... – Гольдман указал рукой на лавку у окна, его угрюмое выражение лица наводило парней на мысль, что разговор будет неприятным.

Директор заложил руки за спину и прошелся по кабинету.

– В последнее время в нашей школе участились случаи вредительства, – произнес мужчина, – в прошлую пятницу стул учителя в вашем классе был намазан клеем, перед этим кто-то испачкал чернилами перила входной лестницы, в результате чего нанесен ущерб школьному имуществу и личным вещам педагогов, обслуживающего персонала школы и учеников.

Гольдман пристально посмотрел на парней.

– Вы думаете, что это сделал кто-то из нас? – поинтересовался Виктор.

– Да.

– Почему вы так решили? – спросил Седельский.

– Например, ваше лицо... Откуда эти царапины?..

– Это меня домашний кот поцарапал. Я его за хвост дернул – вот он и вцепился когтями... – слукавил Колька.

– Значит, говорите, кот... Вполне может быть, а что относительно школьных происшествий? Вы готовы сказать правду или на чистосердечное признание духа не хватает?

– А что мы можем сказать?.. – развел руками Юрка.

– То есть вы хотите сказать, что вам об этом ничего не известно...

– Абсолютно верно, – кивнул Стригунок.

– Именно это я и предполагал услышать... – резюмировал Гольдман. – Рыжаков, вы тоже придерживаетесь такой точки зрения? – поинтересовался директор.

– Да, – кивнул парень, – я сам пострадал, вот, смотрите... – Виктор встал и продемонстрировал главе школы чернильные пятна на бортах своего пиджака.

– В таком случае будем считать, что наш разговор закончен, – сурово произнес Гольдман, – а так как личность вредителя установить не удалось, то мальчишки школы будут заниматься военной подготовкой до тех пор, пока кто-либо не сознается в содеянном. Сейчас вы пройдете по классам и объявите о моем решении. Жду всех во дворе школы...

Юноши переглянулись. Зная зловредный нрав главы школы, ребята понимали, что в случае неповиновения его приказу последствия могут быть самыми серьезными. До конца урока оставалось мало времени, поэтому старшекласники, распределив между собой, кто в какой класс пойдет, отправились выполнять поручение директора.

ГЛАВА 6

НАСТРОЕНИЕ У ГОЛЬДМАНА было скверное, он злился на парней за их несговорчивость. Директор вышел на крыльцо школы и осмотрелся по сторонам, его взгляд остановился на цветах настурции и ноготков, росших у стены здания. Красота цветов и веселый щебет птиц, радующихся погожему дню, немного успокоили его. Гольдман подумал о том, что советское правительство и лично товарищ Сталин не должны пожалеть, что доверили ему воспитание подрастающего поколения. Он считал своим долгом сделать все от него зависящее, чтобы организовать работу школы как можно лучше и подготовить молодежь села для вступления в самостоятельную жизнь. Будучи членом партии, глава школы сознавал, что молодой, набирающей темпы развития стране нужны образованные, культурные, преданные идеям революции люди, и путем к достижению этой цели он считал воспитание сознательной дисциплины у подрастающего поколения.

– Товарищ Сталин прав, говоря о том, что в каждой мысли, в каждом движении, в каждом дыхании жизни должен проявляться гражданин нового мира. Страна с каждым годом ощущает все большую потребность в квалифицированных кадрах: мастерах, бригадирах, трактористах, бухгалтерах, командирах, летчиках, ученых... Долг педагогов – подготовить их, – вслух произнес мужчина, – и если для этого потребуются все силы моей души – я обязан выполнить это.

Гольдман вздохнул и занес руку над поручнем лестницы, но, вспомнив, что он может быть испачкан чернилами, спешно отдернул руку и спустился с крыльца. В этот момент из здания школы вышли учитель физики Георгий Константинович Рогозин, учительница младших классов Светлана Владимировна Гаршина и учитель географии Анисим Иванович Полуянов. По выражению лиц педагогов можно было догадаться, что они не согласны с решением главы школы.

– Абрам Романович! – обратился к директору Рогозин. – Когда школьную дисциплину укрепляют в ущерб основным предметам – это не хорошо. Неужели нельзя найти другое время?

Гольдман пропустил упрек мужчины мимо ушей. «Надо же – вздумал меня учить...» – в душе возмутился мужчина. Дав учителю физики высказаться, директор хладнокровно произнес:

– Георгий Константинович! Я уважаю вас, как педагога, умеющего найти подход к самым трудным ученикам. Я вижу, сколько сил и времени вы тратите на то, чтобы привить детям любовь к своему предмету, и никогда не вмешивался в методику вашего преподавания. Каждому из нас партия доверила конкретный участок работы, и каждый несет ответственность за то, как он эту работу выполняет. Я, как директор школы, отвечаю за организацию учебного процесса, потому предоставьте мне право решать, что и как делать.

– Да, но... – попытался возразить Полуянов.

В этот момент на крыльцо школы вышли ученики, географ замолчал и глянул на Гаршину. Для учителей урок был не закончен – в классах их дожидались девочки, с любопытством наблюдавшие через окна за тем, что происходит во дворе.

Гольдман заложил руки за спину и не спеша прошелся вдоль стены школы. Ученицы испугались и заняли места за партами.

– То-то... – то ли самому себе, то ли кому-то еще вслух произнес мужчина и подошел к выстроившимся в шеренгу мальчикам.

«Что он задумал?... – недоумевал Седельский. – Неужели все директора такие вредные?» Парень смотрел на перекосившееся от злобы лицо Гольдмана и не мог взять в толк, как ему могло придти в голову стать учителем. «Похоже, он даже себя не любит»... – отметил Колька. Директор дождался, когда ученики утихомирились, и произнес:

– Я собрал вас для того, чтобы поговорить о дисциплине... В последнее время участились случаи порчи школьного имущества – это откровенное вредительство. Партия и товарищ Сталин делают все возможное, чтобы дети нашей страны получили бесплатное образование. И что?.. Как вы благодарите за возможность стать образованнее и интеллигентнее?.. Вредительством!

В строю послышался ропот, директор поднял правую руку, и воцарилась тишина.

– Мне неприятно об этом говорить, – продолжил мужчина, – но среди учеников нашей школы есть некто, кто своим недостойным поведением порочит имя советского школьника, – Гольдман многозначительно посмотрел на Стригунова и его друзей. – Мне хотелось бы, чтобы их имена были названы.

– Простите, Абрам Романович, – произнес Константин Николайчук, – в чем дело?..

– В том, милейший, что на протяжении нескольких дней перила лестницы, ручки входной двери и классов школы кто-то умышленно вымазывает чернилами, в результате чего ученики, педагоги и обслуживающий персонал пачкают себе руки, оставляя следы чернил на одежде, школьном инвентаре, стенах коридора, партах, учебниках и тетрадях. Сегодня мною была предпринята попытка узнать имя злоумышленника или группы таковых, но она ни к чему не привела. Думаю, что усиленный курс военной подготовки, которым вы сейчас займетесь, освежит вам память. Заниматься вы будете до тех пор, пока имя хулигана не будет названо. Ученики с первого по третий классы сейчас вернутся на уроки. Если вам будет что сказать, прошу сообщить об этом мне или кому-либо из педагогов. Ученики с четвертого по седьмой классы: нале-во! К полосе препятствий шагом марш!..

После прозвучавшей команды мальчики младших классов вернулись на урок. Нехотя поднимаясь по лестнице крыльца, они с горечью смотрели на старшеклассников, дружно маршировавших по футбольному полю. Колонну учеников завершал директор школы. Полуденная жара была в самом разгаре. Нагретый осенним солнцем воздух дрожал над раскаленным песком школьного двора. Клубы пыли вздымались вверх от синхронного марша пяти десятков мальчишеских ног.

–левой, левой, раз, два, три!.. – командовал директор.

Когда мальчишки дошли до полосы препятствий, Гольдман дал команду остановиться.

– К полосе препятствий, бе-гом! – скомандовал мужчина.

Послышался топот ударявших по земле ног и новая команда директора:

– Лечь на землю, сделать по тридцать отжиманий от земли!

Девочки, прильнув к окнам классов, с замиранием сердца наблюдали за происходящим во дворе.

– Бедные мальчишки! Они же испачкаются... – переживала Фая.

– Мучитель! – гневно произнесла Зинаида. – Томка, стань на стреме!

Коржакова отбежала от окна, открыла дверь класса и выглянула в коридор...

ГЛАВА 7

ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ Рогозин, потрясенный самоуправством Гольдмана, в подавленном настроении вошел в школу и поспешил на урок. Коржакова увидела учителя, предупредила одноклассниц и села за парту. Ученицы расселись по местам и едва успели закрыть крышки парт, как в комнату вошел физик, вид у преподавателя был уставший. Приветствуя учителя, девушки дружно встали...

– Садитесь! – сказал мужчина.

Рогозин снял с переносицы очки, положил их в нагрудный карман пиджака и произнес:

– Сегодня мы должны были начать новую тему, но так как часть учеников отсутствует, повторим пройденный материал. Итак, вы выяснили, чем занимается физика, на какие вопросы она дает ответы, узнали, почему эта наука так важна и как она влияет на развитие человечества. Из пройденного материала вам стало известно, что физика основана на количественных представлениях и потому естественным языком для нее служит... – Рогозин посмотрел на девчат.

– Математика, – подняв руку, произнесла Зинаида.

– Абсолютно верно! Вы также выяснили, что физика старается познать элементарные системы и что новые открытия в этой области расширяют знания человека об основных природных процессах, что играет важную роль в развитии других наук. Несмотря на то, что физика – серьезная наука, истории известны случаи, когда открытия в данной области были сделаны чисто случайно. Так, например, когда Галилей стал изучать планеты с помощью изобретенного им телескопа, он заметил, что вокруг Юпитера вращаются четыре спутника. Можно назвать это простой удачей, но это не означает, что познать суть вещей, происходящих в природе, так просто. В основном в процессе исследований физик встречается с различного рода проблемами, которые необходимо решить прежде, чем можно будет сделать следующий шаг. Так, Иоганн Кеплер проделал огромную работу, анализируя результаты наблюдений различных положений планет, и на основании этих данных описал движение планет, установив, что планетарные космические тела движутся вокруг Солнца по эллиптическим орбитам. А сделанные Кеплером вычисления обосновали систему Коперника и даже усовершенствовали ее, показав, что орбиты планет представляют собой эллипс. На этих примерах я хотел вам показать, что физика является не пассивной наукой и что физик – всегда экспериментатор, первопроходец, а ключом к его научному познанию являются скрупулезные наблюдения, эксперименты и выводы из них, – учитель пристально посмотрел на Коржакову. – Ну-с, уважаемая, что вы из услышанного поняли?..

– Я? – растерялась Тамара.

– Да, вы...

– Все поняла...

– Прекрасно, хотелось бы услышать, что именно...

– Что физика помогает нам понять происходящее в природе, – встав из-за парты, ответила девушка.

– А если конкретнее...

– Что если бы в прошлом не было сделано столько открытий – нам сегодня труднее жилось...

– Верно, но хотелось бы услышать более полный ответ.

В этот момент за партой у окна кто-то громко всхлипнул. Рогозин повернул голову и увидел Зинаиду Голованову, утирающую рукавом платья слезы.

– Что тебя так расстроило? – поинтересовался физик.

Зинаида взглянула на учителя и заплакала. Фаина Рудакова попыталась успокоить подругу, но ей это не удалось. Рогозин растерялся...

– Садитесь, Коржакова, – произнес мужчина. – Мне хотелось бы знать, Зинаида, что в моем рассказе вас расстроило?

– Вы здесь ни при чём, – всхлипнула Голованова.

– Тогда почему вы плачете? – Рогозин подошел к девушке, достал из кармана пиджака носовой платок и протянул Зинаиде.

«Ох, уж эти женщины, – подумал мужчина, – чуть что – сразу в слезы! Вот, чего, спрашивается, плачет?» Рогозин посмотрел в окно, и ему стало все ясно...

– Мальчишек жалко... – всхлипнула девушка. – Они сначала от земли отжимались, потом на перекладине подтягивались, затем лазали по шестам, крутились на кольцах, а теперь полосу препятствий по-пластунски преодолевают. На улице жара невыносимая, у них головы непокрытые, не ровен час, кого-нибудь солнечный удар хватит...

– Не надо сгущать красок, – попытался успокоить девушку учитель. – Ребята наши крепкие, с поставленной задачей справятся...

Рогозин подошел к раскрытому окну и услышал, как Гольдман громко скомандовал: «Быстрее, ниже головы!..» На душе у физика стало тревожно. «Что, если на самом деле кому-нибудь станет плохо? Надо прекратить это безобразие...»

– Кх, кх... – нервно закашлялся Рогозин. – Вот что... Прочтите следующую тему, а мне надо ненадолго отлучиться...

Учитель вышел из класса и поспешил на выручку ученикам. Едва он достиг полосы препятствий, как услышал гневный окрик Гольдмана:

– Чего разлегся? Поднимайся!

Уставшие от муштры старшеклассники едва держались на ногах. Понукаемые Гольдманом, парни торопили друг друга, стремясь скорее преодолеть полосу препятствий. Одежда учеников была помята и испачкана, на руках виднелись ссадины, являвшиеся следствием подъемов и спусков по плохо отшлифованным вертикальным деревянным шестам. Представшая перед глазами учителя картина потрясла его до глубины души. «Он же их покалечит»... – разволновался мужчина. Увидев Стригунова, бездыханно лежащего на земле под горизонтальными брусьями полосы препятствий, Георгий Константинович бросился к парню.

– Юра! Ты живой? – взволнованно спросил учитель.

Рыжаков, ползший по полосе препятствий вслед за другом, понял, что с парнем что-то неладно, запаниковал и попытался встать, но ударился спиной о горизонтальную перекладину препятствия и рухнул на землю.

– Георгий Константинович! С Юркой что-то... – подняв голову, крикнул парень и выполз из-под ограждения.

Стоявшие в стороне мальчишки бросились на помощь преподавателю и общими усилиями вытащили Стригунка из-под горизонтальных перекладин. Рогозин взял парня на руки и отнес в тень, уложив его на траву, снял свой пиджак, скрутил его валиком и положил ученику под голову.

– Воды – быстро! – распорядился наставник.

– Понял... – кивнул Константин Николайчук и побежал в школу.

Рогозин, негодуя, глянул на директора, склонился над Стригунком и приложил пальцы своей руки к месту расположения артерий на шее парня. Почувствовав слабую пульсацию, мужчина с облегчением вздохнул: «Жив!»

– Вот, возьмите... – услышал он позади себя голос Головановой.

Учитель обернулся и увидел Зинаиду – девушка держала в руке графин с водой и с сочувствием смотрела на одноклассника.

– Нужно смочить ему лицо и грудь водой, – посоветовала девушка.

– Верно, – согласился Рогозин.

Зинаида смочила водой носовой платок, протерла грудь и шею Юрия, положила влажный платок на лоб однокласснику, села рядом и стала энергично растирать ему кисти рук. Константин Николайчук разыскал в школе завуча, рассказал женщине о случившемся и попросил аптечку.

– Ступай, я сама принесу... – ответила Гурьева, взяла из шкафа коробку с медикаментами и поспешила на помощь ученику.

«Только бы не умер...» – переживала женщина. Сердце ее учащенно билось, голову сдавило, словно железным обручем, а в ногах появилась такая слабость, что она едва добежала до полосы препятствий.

– Кому плохо? – отдышавшись после быстрой ходьбы, взволнованно спросила завуч и вдруг, закатив глаза, упала на траву, выронив из рук принесенную аптечку.

– Здравс-с... те! – растерялся Седельский. – Юрка без сознания, и она туда же...

Рогозин подбежал к женщине, приподнял ей голову и поинтересовался, как она.

– Ребята, дайте аптечку... – попросил мужчина.

Колька плеснул на руку воду и брызнул в лицо завучу. Его действие возымело успех – женщина открыла глаза и, посмотрев мутными глазами на присутствующих, простонала: «Умираю...»

– Этого еще не хватало! – раздраженно произнес директор. – Где аптечка?

– Вот... – протянул коробку Рогозин.

Гольдман растолкал толпившихся возле завуча учеников и стал рыться в аптечке.

– Безобразие... Ничего не подписано, – злился мужчина. – Что это за пузырек? – директор вынул из емкости пробку и понюхал содержимое. – Фу, гадость... Может, это? – мужчина вынул из коробки конверт с цифрой «№1».

«Наверное, это средство первой помощи, – решил глава школы, – оно мне и нужно...» Мужчина открыл конверт и сыпнул часть содержимого в кружку, протянутую Седельским.

– Налейте воды, размешайте и дайте выпить завучу! – распорядился директор.

– А сколько воды лить? – уточнил Рыжик.

– Плесните на глаз, – ответил Гольдман.

Отойдя в сторону, он достал носовой платок и промокнул выступивший на лбу пот.

– Ну, и жара – хоть раздевайся... – раздраженно произнес мужчина.

Дмитрий Мохов заметил, что веки Стригунка дернулись, и радостно провозгласил:

– Юрка ожил!

Рогозин и Зинаида склонились над Стригунком.

– Воды... – облизнув пересохшие губы, простонал парень.

Костик Николайчук плеснул в кружку воды и протянул Головановой. Девушка приподняла голову пострадавшего и напоила его, тот пришел в себя и в изумлении посмотрел на одноклассников.

– Что случилось, почему я лежу? – поинтересовался парень.

– Ты потерял сознание, – пояснила девушка.

– Правда? – удивился Юрка.

– Еще бы, распластался под полосой препятствий и ни гу-гу, мы уж думали – ты помер... – произнес Мохов.

– Не говори ерунды! – прищипнула на него Зинаида.

– Пить очень хочется, – произнес Стригунок.

– Один момент... – засуетился Рыжик.

Рогозин увидел, что парню стало лучше, успокоился и переключил внимание на завуча. Намочив в холодной воде полотенце, принесенное Николайчуком, мужчина приложил его ко

лбу учительницы. Гурьева вздрогнула и открыла глаза. Зинаида оставила одноклассника, подошла к завучу и, приподняв голову женщины, напоила водой.

– Как вы, голубушка? – поинтересовался Rogozin. – Напугали вы нас...

Женщина внезапно вскрикнула и схватилась руками за живот.

– Ой, о-ей!.. – запричитала Гурьева.

– Что это с ней? – удивился Moхов. – Только что не подавала признаков жизни, а теперь очнулась и кричит...

– Слышишь, как голосит – значит, плохо ей, – ответил Рыжик.

В этот момент в глубине чрева завуча послышалось громкое урчание, женщина скорчилась от боли и застонала.

– Неспроста это, – заметил Седельский. – Такая канонада – это не шутки...

Гурьева, словно выброшенная на сушу рыба, глотала ртом горячий воздух, с трудом терпя колики в животе.

– Мама дорогая, что это? – стонала женщина, лицо завуча побледнело, кожа на губах пересохла, а на лбу выступила испарина.

Константин Николайчук протянул учительнице руку и попытался ее поднять, но очередной приступ боли вынудил женщину упасть на колени.

– Отойди, я сам... – отстранил ученика Rogozin.

Учитель взял женщину под мышки и потянул вверх.

– Оставьте, дайте мне умереть, – сквозь слезы произнесла женщина, решив, что пришел смертный час.

– Что вы, голубушка, вам рано об этом думать, – успокоил ее физик.

В этот момент из школы выбежал Полуянов и пришел коллеге на помощь. Поддерживая Гурьеву под локти, мужчины подняли её и хотели проводить к школе, но, как только завуч оказалась в вертикальном положении, она оттолкнула учителей и со всех ног побежала к школьному туалету.

– Вот тебе и на! – растерялся Полуянов. – Похоже, она в нашей помощи больше не нуждается...

– Вы правы, – кивнул Rogozin.

– К счастью, она жива и очень даже подвижна, – заметил Полуянов, вспомнив, какую необычайную резвость выказала Гурьева, удаляясь в сторону приземистого строения с обозначениями «М» и «Ж». – А теперь, уважаемый Георгий Константинович, введите меня в курс дела... – попросил географ.

– Да, конечно, – приходя в себя, ответил Rogozin.

Мужчины сели на скамейку и стали обсуждать произошедшее.

– Думаю, следует поговорить с Гольдманом, – взволнованно произнес Полуянов, – дальше так продолжаться не может... Муштра до добра не доведет, хорошо еще, все обошлось обмороком, а могло быть и хуже...

– Разговором мы ничего не добьемся, – ответил физик. – Директор прекрасно понимает, что педагогический коллектив против подобных методов...

– Можно обратиться в райком партии, правда, не хочется выносить сор из избы, ведь мы здесь как одна семья... К тому же Абрам Романович – неплохой организатор, не хочется выставлять его в дурном свете...

– Вы правы, не хочется обидеть человека. Как хозяйственник Гольдман действительно неплох, а вот как педагог – явно перегибает палку.

– Н-да, незадача... – покачал головой Полуянов.

– Надо повременить, если ничего не изменится, будем обращаться в вышестоящие органы, – Rogozin глянул на часы и заторопился. – Пора возвращаться в школу, у меня сегодня еще урок. Вы как – со мной или еще посидите?..

– Я уже отдохнул, – ответил Полуянов и последовал за коллегой.

ГЛАВА 8

ЗАКОНЧИВ УРОК в младших классах, Светлана Владимировна Гаршина вышла во двор школы и увидела, как двое ее коллег ведут завуча в школу. Учительница с удивлением наблюдала, как, вырвавшись из рук своих благодетелей, Гурьева побежала к зарослям орешника, скрывавших под своей сенью дощатое строение с буквами «М» и «Ж» на дверях. Смекнув, что произошло нечто неординарное, Светлана Владимировна поспешила на помощь завучу.

– Что случилось?.. – поинтересовалась женщина.

– Не знаю... – в полном отчаянье простонала завуч.

– Может, вы съели что-нибудь?

– Вроде, нет...

– А как вас привели в сознание? – поинтересовалась учительница.

– Дали выпить лекарство из школьной аптечки, я выпила и через некоторое время ощутила резь в животе, вот теперь сижу здесь...

– Потерпите немного, я постараюсь вам помочь... – заверила Гаршина и поспешила в учительскую.

Войдя в комнату, она увидела уборщицу, вытиравшую пыль на подоконнике.

– Добрый день, Светлана Владимировна! – поздоровалась Кудрявцева.

– День добрый, Галина! Кажется, мы уже сегодня виделись...

– Да.

Учительница скользнула глазами по комнате.

– Вы, случайно, не видели школьную аптечку? – поинтересовалась женщина.

– Она в кабинете директора... А вы вообще в курсе, что произошло?

– Не совсем... – ответила учительница.

– Юрий Стригунов и Клара Ефимовна чуть не умерли: потеряли сознание и улеглись один около другого. Если б не Георгий Константинович и не директор – неизвестно, чем дело закончилось бы, а так – дали завучу лекарство, и она тут же очнулась, правда, при этом странно как-то себя повела...

– А какое лекарство ей дали? – заинтересовалась Гаршина.

– Абрам Романович дал выпить ей средство первой помощи.

– Значит, говорите, аптечка у директора...

– Да, – кивнула уборщица.

Светлана Владимировна поблагодарила женщину за информацию и вышла из кабинета. Кудрявцева проводила учительницу недоуменным взглядом и недовольно буркнула:

– Аптечка ей, видите ли, понадобилась, а зачем – не говорит... – женщина подошла к географическому глобусу, повертела его и, увидев на шаре свежие чернильные пятна, в сердцах произнесла: – Всю Землю, паразиты, загадили! Вот, что здесь было написано?..

Кудрявцева наклонилась и по отдельным буквам, которые не были залиты чернилами, прочла надпись на одном из материков: «А... р... ка». «Что это значит?..» – задумалась женщина. Она еще раз прокрутила глобус и пришла к выводу, что, скорее всего, там было написано «Африка». «Ну, конечно же, а теперь здесь клякса...» – Галина смочила в ведре тряпку и попыталась смыть чернила. «Загадили Землю, а убрать – некому... – покачала головой женщина. – Руки надо мыть, а потом за земной шар хвататься!»

Выбежав из учительской, Гаршина отправилась в кабинет директора. Постучав в дверь, она выждала некоторое время и заглянула в комнату – Гольдмана на месте не было. «Замечательно, – обрадовалась женщина, – не надо будет объяснять, зачем мне понадобилась школьная аптечка». Учительница вошла в кабинет и осмотрелась по сторонам – на подоконнике, рядом

с горшком герани стояла деревянная коробка с красным крестом на крышке. «Вот она!» – обрадовалась женщина. Выложив содержимое аптечки на стол, Гаршина нашла на дне коробки список медикаментов и внимательно его прочла, среди прочих лекарств под номером «1» значилось сильное слабительное. «Ах, вот в чем дело... – смекнула учительница. – Завучу дали выпить не то лекарство». Поставив аптечку на место, она вышла из кабинета и поспешила к знахарке. «Федосья обязательно поможет...» – подумала женщина и поспешила к Головановым. Солнце нещадно палило землю, дорожный песок, словно прожаренная на сковороде мука, обжигал ноги и набивался в туфли. Светлана остановилась, высыпала песок из обуви и продолжила путь. Сельчане провожали учительницу удивленными взглядами, недоумевая, куда так торопится женщина. Добежав до правления колхоза, Светлана Владимировна отдышалась, кивнула выглянувшему из окна счетоводу и побежала дальше.

– Куда это она так спешит?... – заинтересовался Бортников.

– Видно, что-то серьезное... – глядя женщине вслед, произнес Дубов.

ГЛАВА 9

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА отложил в сторону отчет, предоставленный ему счетоводом, и недовольно глянул на мужчину: «Вот, ты, Епифан, человек грамотный, а с документами обращаться не умеешь. Как можно так писать? Не буквы, а каракули, какие-то...» – глава колхоза бросил бумаги на стол.

– Нормально написано... – буркнул Бортников.

– Душа болит, когда я вижу такие цифры, ты уверен, что это окончательный результат? – Дубов ткнул карандашом в итоговую цифру отчета, отчего на бумаге в этом месте образовалась дырка.

– Конечно.

– Может, мы чего не досчитались? Где агроном? Договаривались же, что сегодня все подытожим...

– Обещал быть...

– Вот всегда так: Ванька есть – Маньки нет, Манька есть – Ваньки нет... Ладно – пошли! Надо еще раз все проверить.

– Перт Иванович, сколько можно?... – возмутился счетовод.

– Не ворчи, сходи на конюшню, вели запрячь Буяна и каракули свои не забудь...

Епифан сунул в карман отчет и, стуча кирзовыми сапогами по деревянному полу, направился к выходу. «Надо зайти домой, – подумал мужчина, – предупредить, чтоб к ужину не ждали, пока все проверим – будет за полночь. Устал я, так устал, что сказать не могу. Удивляюсь деду Антосю – мужику за восемьдесят, а трудится, словно двужильный... Странная штука жизнь: одного не заставить работать, а другой и на смертном одре жалеет, что не все успел сделать». Епифан дошел до дома, открыл калитку и вошел во двор. У курятника, опираясь на суковатую палку, стояла старуха-мать. Голова женщины была покрыта цветастым платком, в левой руке она держала ведро с зерном, а правой насыпала корм в деревянное корыто. Бортников подошел к женщине и недовольно произнес:

– Вам, я смотрю, все не сидится... Неужто больше некому кур покормить? Посидели бы, отдохнули...

– Я только и делаю, что отдыхаю, – ответила женщина. – Ты, случаем, не заболел?

– Нет, а что?

– Непривычно видеть тебя дома в это время...

– Я на минутку – сказать, чтоб к ужину не ждали.

– Старая песня, – ухмыльнулась старуха, – не жалеешь ты себя, сынок. О себе не думаешь, так хоть о семье побеспокоился бы – днями ведь тебя не видим.

– Что поделать – работа такая... – вздохнул мужчина.

– Знаю я твою работу – все казенное добро считаешь, а коль такой грамотный, то и мои годки сосчитал бы – помру, а ты и знать не будешь...

– Что вы, мама! Рано вам об этом думать... Внуков надо на ноги поставить, дожидаться, чтоб семьями обзавелись, правнуков вам родили...

– Знаю, что мне недолго осталось, – махнула рукой старуха, – цыганка нагадала, а еще сказала, что для всех грядут лихие времена, и что умру я не на твоих руках, чужие люди глаза мне закроют...

– Нашли, кого слушать, – недовольно произнес Епифан.

– Цыганку слушать, может, и не следует, а вот священнику нашему не доверять не могу, он еще в семнадцатом говорил, что отступление от веры до добра не доведет...

– Не перестаю, мама, вам удивляться... – покачал головой Епифан, – то цыганка что-то наплела, то священник религиозной чепухой голову задурил – плюньте! Чему нас партия

учит? Что религия – есть опиум для народа, так что не слушайте никого, благодарите рабоче-крестьянскую власть, что ни в чем не нуждаетесь, и вообще, в каком свете вы меня выставяете... – Бортников с укором посмотрел на женщину, он понимал, что ей трудно привыкнуть к веяниям новой жизни.

«Старое дерево скорее сломается, чем согнется, – вспомнил народную мудрость мужчины, – к чему человек с детства приучен, того и придерживается всю жизнь».

– А цыганка не только к нам заходила, – продолжала старуха, – она и у других в деревне была и всех о наступлении суровых времен предостерегала.

Епифан с сочувствием посмотрел на мать и едва не прослезился. «Доверчивая, словно дитя, – подумал мужчина, – до седых волос дожила, а верит всему, что ей скажут».

– Ладно, пойду я, потом поговорим, – ответил мужчина.

– Ступай, разве тебя удержишь... – махнула рукой женщина и, насыпав зерна в корыто, пошла домой.

Епифан проводил женщину взглядом и поспешил выполнять поручение Дубова. «Достанется мне от председателя... – переживал мужчина. – Ждет, что вот-вот вернусь, а я и от дома не отошел». Бортников прибавил шагу и вскоре дошел до конюшни. До 1917 года она принадлежала пану Родкевичу. Хозяин любил лошадей и не жалел средств на их содержание. Старый конюх Иван Черета, неоднократно бывавший с помещиком за границей, вспоминая былые годы, говаривал: «Живут же люди!.. Я такую красоту видел, что вам и не снилось...» Выражение лица старого конюха становилось грустным, на какое-то время он замолкал и погружался в воспоминания. Старик давно мог оставить работу в колхозе, но из-за любви к лошадям ежедневно приходил на конюшню. Лошади чувствовали его любовь и беспрекословно слушались. Вот и теперь взору счетовода предстала умиляющая сердце картина: старик сидел на березовой колоде и поил из ведра долгоногих жеребят. Не обращая внимания на корыто с водой, стоявшее невдалеке, жеребчики, словно малые дети, тыкались носами в морщинистые ладони Череты. Конюх похлопывал их по гладким спинам, гладил по головам и тихо приговаривал:

– Красавцы мои, пейте водичку – она особой силой обладает, напьетесь – глядишь, силенок и прибавится, растите, радуйте старика – уж очень хочется увидеть вас во всей красе – стройными да холеными...

Бортникову не хотелось нарушать идиллию, но в конторе его дожидался председатель, поэтому счетовод подошел к конюху и произнес:

– Добрый день, Иван Митрофанович, все любимцев балуете... Нечего сказать – хороши, по всему видать – добрые кони из них вырастут...

– Здорово, Епифан! – улыбнулся старик. – А ты все никак колхозное добро не сосчитаешь – который раз к нам заходишь, видать, что-то в твоих подсчетах не сходится...

– словно в воду смотрите... – вздохнул счетовод. – Столько дней над отчетом корпел, думал, даже лягушек в пруду сосчитал, а Дубов говорит, что я что-то упустил, прислал сказать, чтоб Буяна запрягли – хочет хозяйство объехать и еще раз сам все проверить.

– Буян с Василием в Заречье, там сегодня запарка... Дубов сам сказал: «Возьми Буяна и приобщи его к делу – нечего ему у конторы стоять». Так что пусть Петр Иванович не сердится – не во что мне запрячь бричку.

– Обрадовал ты меня... – почесал затылок счетовод. – Я рассчитывал в контору в бричке вернуться, но раз все кони в работе, значит, придется пешком все обходить. Ладно, пойду – дел невпроворот.

Бортников пожал старику руку, Черета ойкнул и с улыбкой заметил:

– Силен, ты, Епифан, если б не знал, что в конторе работаешь – никогда б не поверил. Ну и хватка у тебя... Ладонь крепкая, как клешня – тебе не счетоводом быть, а землю пахать надо.

– Прости, Митрофаныч, – смутился Бортников, – не рассчитал...

Елифан спустился с пригорка к дороге, остановился, еще раз глянул на старика и, махнув издали рукой, поспешил в контору.

ГЛАВА 10

ОЗАБОЧЕННАЯ НЕДОМОГАНИЕМ завуча, Гаршина не могла взять в толк, каким образом в школьной аптечке могло оказаться слабительное. Не найдя ответа на волнующий ее вопрос, женщина решила спросить об этом Гурьеву. «Клара Ефимовна укомплектовывала аптечку, поэтому знает, кто и зачем положил туда слабительное...» – рассудила женщина. Передохнув у здания правления колхоза, учительница разулась, взяла туфли в руки и продолжила путь босиком. Дойдя до дома Головановых, Светлана Владимировна задумалась: правильно ли она делает, что обращается за помощью к знахарке? «Абраму Романовичу это не понравится, – подумала женщина, – но что поделать? До города далеко, фельдшера в деревне нет, а Клару Ефимовну надо спасать...» Учительница открыла калитку и вошла во двор – на скамейке, под сенью плакучей ивы сидела Федосья. Волосы женщины были заплетены в косу и уложены улиткой на затылке, плечи покрывал шерстяной платок, на коленях стояла плетеная корзина со свежесобранными травами, а невдалеке паслась ее любимая коза.

– Кормилица, лекарка, вся, как есть, полезная... – нахваливала односельчанам любимицу знахарка, – козье молоко, масло, творог – все полезно, даже шерсть козы лечебным эффектом обладает.

В деревне к опыту старой знахарки относились по-разному: одни считались с ее мнением, другие относились к ней настороженно и с опаской. Голованова принимала это спокойно и никому свой образ жизни не навязывала. С ранней весны до поздней осени она собирала лечебные травы и корни, сушила их, делала порошки и настойки и, чем могла, помогала людям. Федосья разбиралась не только в природных средствах врачевания, но и в людях. Ей никого не надо было представлять. Взглянув на человека, женщина могла рассказать о нем многое. Зная это, Светлана Владимировна разволновалась. Сердце учительницы учащенно забилося, щеки залились румянцем. Гаршина хотела поздороваться с хозяйкой, но вместо приветствия что-то нечленораздельное просипела. Федосья оторвала взгляд от корзины с травами и с удивлением посмотрела на учительницу. Гаршина понимала, что ведет себя странно, но ничего поделать не могла. Женщина предприняла повторную попытку поздороваться с хозяйкой, но и она закончилась полным провалом.

– Здравствуй, дочка! – видя замешательство учительницы, произнесла Голованова. – Ты совсем запыхалась... Случилось что?

– Угу, – с трудом выдавила Светлана.

– Ты ведь не со своей проблемой пришла – о ком-то близком беспокоишься... – пристально посмотрев на женщину, произнесла старуха.

– С завучем нашим плохо, – перебарывая волнение, ответила Гаршина.

Федосья отставила в сторону корзину и на какое-то время углубилась в себя.

– Вредное она что-то выпила, вот и мается, бедолага... – помолчав, произнесла старуха.

– Похоже, что по ошибке ей дали выпить слабительного, – пояснила Гаршина.

– Да, не позавидуешь... – покачала головой старуха, – не волнуйся, все обойдется, сейчас я тебе дам снадобий. Пусть Клара Ефимовна их примет, если через пару часов не станет лучше – просите в колхозе подводу и везите ее в больницу. Тогда уже не моя, а врачебная помощь ей будет нужна. От расстройства кишечника и помереть ведь можно...

– Правда? – ахнула учительница.

– Если вовремя ничего не предпринять – и от простого пореза человека может не стать... – ответила знахарка, после чего встала и пошла в дом.

Оставшись одна, Гаршина окинула взглядом подворье. Двор был чисто выметен, хозяйская утварь – аккуратно сложена под навесом, вдоль плетня плотной стеной росли плодовые деревья, среди которых особо выделялась высокая груша. Дорожка от калитки до крыльца

дома была вымощена досками, а в палисаднике радовали глаз подсолнечник и мальвы. «Трудолюбивые люди...» – мысленно отметила учительница и с интересом стала рассматривать жилище знахарки. Дом Головановых был большой и добротный, в каждой стене было по три окна, над крыльцом на резных деревянных столбах был сделан козырек, украшенный резьбой, а крыша покрыта деревянной черепицей. Входная дверь дома скрипнула, и на крыльцо с корзиной в руках вышла знахарка.

– Собрала я тебе того-сего на скорую руку... – произнесла Федосья. – Это – порошок. Пусть Клара Ефимовна его примет, только предварительно очистит желудок. Как это делается, думаю, вы знаете...

Гаршина кивнула головой.

– Скажи, пусть как можно больше пьет воды с добавлением золы или березового угля, – продолжила знахарка. – Здесь, – Федосья развязала небольшой полотняный мешочек, – сушеные груши, отвар из них обладает хорошим закрепляющим свойством, пусть заваривает и пьет, а коли некогда сделать отвара – пусть хоть горсточку так погрызет, худа не будет. Это, – знахарка развязала следующий тряпичный узелок, – сушеная земляника, истолки ее в порошок и смешай по вкусу с медом – пусть примет несколько раз в течение дня. А это, – старуха протянула учительнице глиняную кружку, прикрытую льняной салфеткой, – настойка дубовых листьев на самогоне, его нужно пить по одной ложке натошак. Может также принять настой полыни или пожевать просто свежую ее траву, думаю, пока хватит, и пока организм не придет в норму – пусть ничего не ест. Поняла?

– Да, – кивнула Светлана.

– Ступай... Знала бы раньше – сделала б отвар из ржаных отрубей или овса, а так пусть лечится тем, что дала.

– Спасибо, Федосья Корниловна, я побегу...

Знахарка проводила гостью до калитки и, глядя ей вслед, произнесла:

– Молодая, а смышленная... Эх, кабы мне в молодые годы была возможность выучиться грамоте, я б обязательно стала доктором...

Федосья подошла к козе, отвязала ее и подвела к лавке.

– Постой здесь, сейчас я тебя подою, – ласково произнесла женщина.

Коза заблеяла, словно понимая, о чем с ней говорят.

– Все-то ты понимаешь... – улыбнулась старуха, – только говорить не научилась...

Женщина погладила любимицу по лбу, над которым грозно возвышались острые, словно ножи, рога, принесла ведро и принялась доить козу.

– Умница, сколько молока принесла... – ласково приговаривала женщина. – Скоро внучка из школы вернется, мы ее свежим молочком напоим. Вырастет – станет агрономом, будет нам из города гостинцы привозить. Ты любишь полакомиться вкусеньким, я знаю...

Войдя во двор школы, Светлана Владимировна встретила с Галиной Кудрявцевой. Женщина подметала дорожку перед входом в здание и сердито ворчала: «Налузгали семечек, а мне убирай – только и занимаюсь этим с утра до вечера. Надоело – уволюсь, пойду работать в Дом отдыха. Там люди культурные, они себе такого не позволяют...» Увидев учительницу, уборщица оперлась на длинное древко метлы и произнесла:

– Наконец-то! Клара Ефимовна несколько раз о вас спрашивала. Я не знала, что отвечать – вы убежали, ничего не сказав...

– Некогда было... Она все еще там? – Гаршина кивнула в направлении орешника, росшего в конце школьного двора.

– А где ж ей, горемычной, быть?.. Вы, случайно, не к Головановой бегали?

– К ней. Все, что нужно, принесла, – Светлана показала корзину со снадобьями. – Вы, случайно, не знаете, где можно раздобыть березовых углей?

– У меня в бане, а сколько нужно?

– Думаю, что горсти хватит.

– Сейчас принесу, – ответила уборщица и, поставив метлу к забору, побежала домой.

Гаршина проводила женщину взглядом и поспешила на помощь завучу. Учительницу поразила перемена, произошедшая в облике женщины: лицо ее заметно осунулось, щеки впали, а кожа приобрела мертвецки-бледный цвет. Гурьева сидела на табурете под кустом орешника и держала в руках пустую кружку, рядом на березовой колоде стоял чайник с кипятком и ведро с водой, а чуть поодаль на траве сидели старшекласницы. Увидев учительницу, школьницы обрадовались и побежали ей навстречу. Тамара взяла из рук женщины корзину со снадобьями и стала их рассматривать.

– Сколько здесь всего... – подивилась девушка.

– Как Клара Ефимовна? – поинтересовалась Гаршина.

– Пока ничего утешительного, мы принесли ей кипяченой воды, она промыла желудок, а в остальном – все без изменений, хотели отвести ее домой, но она так ослабла, что еле держится на ногах, – вздохнула Зинаида.

– Бедняжка... – покачала головой учительница.

– Гольдман настаивал, чтоб мы шли домой, но мы не послушались... – призналась Фаина.

– Надо же было за ней кому-то ухаживать, – взволнованно произнесла Настя.

Девушка взяла из рук завуча кружку, налила из чайника кипяченой воды и поднесла к пересохшим губам Гурьевой. Женщина сделала несколько глотков, отстранила руку ученицы, прислонилась спиной к стволу старого орешника и закрыла глаза.

– Бедная Клара Ефимовна, – взволнованно произнесла Роза. – Если б вы видели, как ей было плохо, до сих пор не могу прийти в себя. – Девушка подошла к Тамаре и заглянула в корзину. – Что здесь? – любопытствовала Роза.

– Девчонки, дайте человеку пройти... – одернула подруг Анастасия.

Девушка растолкала подруг, плотным кольцом обступивших учительницу. Гаршина взяла у Коржаковой корзину и подошла к завучу.

– Как вы, голубушка? – поинтересовалась женщина.

Гурьева открыла глаза.

– Это вы, коллега... Как долго вас не было... – еле слышно произнесла завуч.

– Не так долго, как вам показалось, – ответила Гаршина. – Сейчас мы вас вылечим...

– Я уже не чаяла, что дождусь вас, думала – умру...

– Что вы... – перепугалась Гаршина. – Сейчас примете порошок, и сразу станет легче.

– Вы у бабушки моей были? – поинтересовалась Зинаида.

– Да.

– Здорово! – просияла девушка. – Теперь Клара Ефимовна обязательно выздоровеет!

Бабушка знает толк во врачевании...

– Хорошо бы, – вздохнула Гурьева.

В это время послышались шаги, и к зарослям орешника подошла Галина Кудрявцева. В руках женщина держала ложку и тарелку с березовыми углями.

– Вот и я... – отдышавшись, произнесла женщина.

Гаршина всыпала в кружку порошок, который ей дала Федосья, развела кипяченой водой и протянула завучу:

– Выпейте!

Гурьева заглянула в кружку и недоверчиво посмотрела на коллегу.

– Что это? – поинтересовалась женщина.

– Ваше спасение... – ответила учительница.

Завуч выпила, сморщилась и произнесла:

– Фу, горечь какая...

– Ничего, лишь бы помогло, – успокоила ее уборщица.

Гурьева вздохнула, но отметила, что рези в животе стали меньше. «Надо же, – удивилась женщина, – кто бы подумал...» Светлана выждала время, бросила в кружку несколько угольков, растолкла их ложкой, залила кипяченой водой и дала выпить пострадавшей. Завуч подозрительно посмотрела на коллегу и поинтересовалась, что это.

– Березовый уголь. Федосья Корниловна сказала, что он поможет... – ответила учительница.

– Уголь так уголь, – махнула рукой завуч и, пересилив себя, выпила содержимое кружки.

– О... уже и щеки порозовели, – подбодрила женщину Галина.

Спустя время Светлана Владимировна дала принять пострадавшей еще одну порцию угля, после чего поинтересовалась, сможет ли Гурьева дойти до дома.

– Не век же мне здесь сидеть, – вздохнула завуч и, облокотившись на руку учительницы, попробовала встать.

Однако, почувствовав слабость, снова села.

– Нужно позвать мужчин, – предложила Кудрявцева. – Анисим Иванович и Георгий Константиновича сейчас на стрельбище...

– Придется звать их, сами мы Клару Ефимовну до дома не доведем, – ответила Светлана.

– Мужские плечи крепче девичьих, – кивнула завуч.

– Тогда я сбегаю, позову их, – выпалила Кудрявцева и поспешила за помощью.

– Нехорошо, если они меня здесь застанут, – расстроилась Гурьева.

Старшеклассницы подхватили завуча, кто – под руки, кто – за талию, подняли с табурета и поставили на ноги. Продолжая поддерживать женщину, они медленно двинулись к школе. Гурьева с благодарностью смотрела на школьниц и чувствовала, что с каждым шагом слабеет. Наконец в глазах у женщины все помутилось, и она взмолилась:

– Все, больше не могу...

Гаршина спешно подставила ей табурет и поняла, что разумнее будет дождаться мужчин. «Слишком большая разница в весе», – подумала учительница и опустилась на колени рядом с коллегой. Только сейчас Светлана поняла, насколько устала. Учительница взглянула на девочек, увидела, как тяжело они дышат, и приказала старшеклассницам идти домой.

– Что вы! – запротестовали ученицы. – Мы не можем вас оставить. Вдруг понадобится помощь? И вообще – мало ли что может произойти...

– Ступайте, скоро подойдут Rogozin и Полуянов, – попыталась образумить учениц Гаршина.

– Дождемся их – тогда и посмотрим, – ответила Фая.

– Хоть бы они скорей пришли... – закрыв от усталости глаза, прошептала Гурьева. – Простите, что я доставила вам столько хлопот...

– Вовсе нет, – ответила Настя. – Мы давно хотели поговорить с Георгием Константиновичем и попросить у него разрешения участвовать в стрельбищах.

– Вам это надо? – еле слышно прошептала завуч.

– Конечно, мы тоже хотим научиться стрелять, – ответила Роза.

– Как помогать работать в колхозе, так нам можно, а как учиться стрелять, так считают, что нам это ни к чему... – насупилась Фаина.

– Вы правы, – согласилась Гаршина. – Но это будет решаться не сейчас, главное – довести Клару Ефимовну до дома и убедиться, что ее жизни ничего не угрожает.

– Верно, – кивнула Зинаида, – Может, сбегают поторопить их?

– Не надо, одного посыльного мы уже отправили, – ответила Светлана.

ГЛАВА 11

УРОК ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ был любимым предметом мальчишек местной семилетки. С огромным вниманием они слушали учителей, рассказывавших о долге перед Родиной. Для деревенских мальчишек это были не просто слова, каждый ощущал себя защитником Отечества, готовым без раздумий отдать жизнь за свободу родной земли. Каждый юноша, достигнув соответствующего возраста, считал своим долгом сдать нормативы БГТО (Будь Готов к Труду и Обороне), ГТО (Готов к Труду и Обороне), стать членом организации ОСОАВИАХИМ (Общества содействия обороне, авиации и химическому строительству), научиться стрелять, метать гранату и разбираться в азах воинской науки. На уроке, который назывался «Марш», школьники готовились к службе в Красной Армии. Научиться стрелять из мелкокалиберной винтовки и носить на груди значки «Юный Ворошиловский стрелок» или «Ворошиловский стрелок» мечтал каждый школьник.

К месту стрельбищ шли строем. Пионерские галстуки, словно алые языки пламени, трепетали на ветру, придавая маршу школьников особую торжественность. Голосистый запевала старательно выводил строевую песню, парни синхронно ударяли о землю ногами и дружно пели: «На границе тучи ходят хмуры...» Мальчишки чеканили шаг и, не обращая внимания на лай деревенских собак, шли к реке. Они были счастливы, что вырвались из стен школы и хоть какое-то время не будут видеть ненавистного Гольдмана. Невзирая на юный возраст, каждый из них мечтал совершить подвиг и навеки вписать свое имя в историю.

Место стрельбищ представляло собой хорошо выкошенный участок луга, где на расстоянии двадцати пяти и пятидесяти метров от установленной границы на вертикальных деревянных столбах были закреплены дощатые щиты, к которым прикреплялись мишени. Место стрельбы было обозначено барьером, выложенным мешками, наполненными речным песком, над которыми на деревянных столбах был сделан навес, предохранявший учеников и преподавателей от палящих лучей солнца и дождя. Спустившись к реке, мальчишки разделились на две группы: старшеклассники выстроились в шеренгу недалеко от места стрельбы, а ученики средних классов во главе с Полуяновым занялись изучением мелкокалиберной винтовки. Рогозин вызывал из строя старшеклассников, давал им команду занять позицию, ученики производили выстрел по мишени и возвращались в строй. Когда Кудрявцева добежала до реки, до слуха женщины донеслась команда учителя:

– Рыжаков, на позицию!

Виктор вышел из строя, подошел к месту стрельбы, взял в руки винтовку и взглянул на физика.

– Как я вас учил? – напомнил Рогозин. – Ноги раздвинь шире, приклад крепко прижми к плечу, курок нажимай плавно – тогда точность попадания будет выше. Помните, что во время стрельбы из боевого оружия отдача будет во много раз сильнее. Понятно?..

– Так точно! – ответил Рыжаков.

– Заряжай, целься... Огонь!.. – скомандовал Рогозин.

Прозвучал выстрел. Перепуганное воронье, истошно каркая, хаотично заметалось над лугом. Галина вздрогнула и, опасаясь попасть под пули, закричала: «Не стреляйте, свои!»

Учитель обернулся и дал команду прекратить стрельбу.

– Рыжаков, положи винтовку и встань в строй! – распорядился учитель.

– Что случилось? – спросил он у женщины.

Полуянов отошел от группы младших учеником и, дав им указание стоять смирно, подошел к коллеге.

Кудрявцева пришла в себя от испуга и на одном дыхании выпалила:

– Я за помощью... Клару Ефимовну нужно отвести домой. Мы с девчатами пробовали это сделать, но она такая тучная, что ученицы просто выбились из сил...

– Хорошо, сейчас придем, – кивнул физик и дал команду ученикам разойтись. – Николайчук, собери патроны и сложи в коробку. Рыжаков! Сними со щита мишень, подпиши и положи в общую стопку. Стригунов! Забери мишени и отнеси их в учительскую. Седельский! Подбери пустые гильзы, сложи в коробку и неси в школу. Остальные – поправить мешки с песком, после чего можете быть свободны. Результаты стрельбы обсудим завтра.

Рогозин подошел к позиции, взял винтовку и, клацнув затвором, проверил патронник. Убедившись, что он пуст, мужчина вернул затвор в прежнее положение и надел винтовку на плечо.

– Георгий Константинович, можно я понесу винтовку? – попросил Седельский.

– Оружие я тебе доверить не могу, за каждого из вас я отвечаю головой. Пойдешь служить в армию, там наносишься оружия, а пока – это дело старших...

– Георгий Константинович, я аккуратнo... – не отставал Колька. – Вы же только что убедились, что патронник пуст...

– Нет – значит, нет! Если у тебя ко мне больше нет вопросов – будем считать, что разговор закончен.

Рогозин подошел к ученикам, убиравшим на позиции, и, убедившись, что его указания выполнены, подошел к Полуянову – учитель как раз завершал урок...

– Дегтярев! – обратился к худощавому пареньку географ. – С такими успехами ты любому врагу не помеха, чего ты возишься?..

– Здесь что-то заело, – сконфузившись, пролепетал мальчишка, пытаясь втиснуть деталь винтовки в узкое отверстие.

– Каким концом ты вставляешь? – не вытерпев издевательства над оружием, возмутился долговязый парень со светлыми прямыми, словно стебли соломы, волосами. – Анисим Иванович, можно я покажу, как надо?

– Давай, Чернов, а ты, Василий, учись... Как говорил знаменитый русский полководец: «Тяжело в учении – легко в бою!» Кстати, как фамилия этого полководца?

– Кутузов, – покраснев, промямлил Дегтярев.

– То, что Михаил Иванович – величайший русский полководец – это ты прав, – укладывая в портфель учебные гранаты и тетрадь, выполнявшую функцию журнала успеваемости, ответил Полуянов. – Его передовые взгляды на характер ведения войны и неопенимый боевой опыт подняли русское военное искусство на высочайшую ступень развития, но знаменитую фразу произнес не он.

– Готово, Анисим Иванович! – с молниеносной быстротой собрав винтовку, отрапортовал Трофим. – Можно, я уточню?

– Давай, – кивнул учитель.

– Эти слова принадлежат генералиссимусу русской армии – Александру Васильевичу Суворову.

– Верно... – кивнул Полуянов. – Эта и многие другие фразы, ставшие воинскими девизами и постулатами, принадлежит Александру Васильевичу Суворову, автору военно-теоретических работ «Наука побеждать» и «Полковое учреждение». Именно он разработал и применил в полководческой практике более совершенные формы и способы ведения вооруженной борьбы, которые намного опередили свою эпоху, и воспитал целую плеяду великих русских полководцев и военачальников, среди которых был и вышеупомянутый Михаил Иванович Кутузов. Кстати, Суворов не проиграл ни одного сражения! Запомни это, Дегтярев.

– Угу... – понурив голову, пролепетал ученик.

– Не угу, а так точно! Так должен отвечать молодой, готовящийся к ратным подвигам воин, – Полуянов взял винтовку и надел ее себе на правое плечо.

– Анисим Иванович, можно я понесу ваш портфель? – спросил Трофим.

– Неси, – разрешил учитель и, обратившись к мальчишкам, ожидавшим его распоряжения, произнес: – На этом наши занятия закончены. Постарайтесь запомнить все, о чем я вам говорил и если у вас нет вопросов, то тогда – до свидания! А ты, Дегтярев, впредь будь внимательней, если что-то не запомнил или не понял, не стесняйся спрашивать – для того мы с вами здесь и занимаемся. Договорились?..

– Так точно! – хором отрапортовали мальчишки и, схватив школьные сумки, побежали домой.

ГЛАВА 12

ОТРАБОТАВ В КОЛХОЗЕ весь день, Пелагея вернулась домой. Спина и руки ее ныли, ноги от долгого пребывания в стоячем положении отекали. Женщина села на лавку у окна, обняла подбежавшую к ней Светланку и спросила у Павлика, пообедали ли они.

– Неа... – покачал головой мальчик.

– Почему? Я же сказала Насте, что все приготовила.

– Она еще в школе, – пояснил мальчишка.

– До сих пор? – удивилась женщина и посмотрела на часы. – Обычно она в это время уже дома. Ладно, садитесь за стол, покормлю... – женщина вымыла руки, достала из печки котел со щами и поставила на стол.

– Проголодались? – глянув на детей, спросила хозяйка.

– Угу, – кивнул Павлик.

В душе у женщины защемило: «Мать на работе, старшая дочь в школе, а дети целый день голодные...» – расстроилась Пелагея. Женщина налила в тарелки щи, положила сметану и стала кормить детей. Павлик взял отрезанный ломоть хлеба и, гремя о стенки тарелки ложкой, моментально опустошил тарелку.

– Еще что-нибудь будет? – старательно облизав ложку, поинтересовался мальчик.

– Пирожки, начиненные картофельным пюре с жареным луком и салом, – ответила Пелагея и поставила на стол большое блюдо.

Вид у пирожков был столь аппетитный, что Павлик невольно сглотнул слюну.

– Мои любимые!.. – обрадовалась Светланка. – А чье перо в пирожках?

– Не перо, а пюре – отварная, толченая картошка... – поправил сестренку мальчик.

– Мама сказала, что в них перо с салом... – насупилась девочка.

– Слышала звон, да не поняла, откуда он... – ухмыльнулся Павлик.

Мальчишка взял румяный пирожок и, откусив крупный кусок, стал торопливо жевать.

– Запей молоком, не ешь всухомятку, – пододвинув сыну кружку, произнесла Пелагея.

– Я тоже хочу молочка, – глянув на брата, произнесла малышка.

– Чего-чего, а этого добра у нас хватает, – улыбнулась Пелагея и налила дочке молока.

– К нам какая-то тетя в платке идет... – глянув в окно, сообщила малышка.

– Кто это к нам пожаловал? – заинтересовалась хозяйка, не успела она отойти от стола, как в дом вошла цыганка.

– Мир вашему дому! – поздоровалась незнакомка и глянула на стол.

– Что тебе? Говори и уходи... – с опаской поглядывая на нежданную гостью, произнесла Пелагея.

– Я только порог переступила, а ты уж не знаешь, как меня выпроводить... – покачала головой цыганка. – Разве так встречают гостей?

– Говори, зачем пришла... – хозяйка сурово глянула на незнакомку, и вдруг тревога в душе Пелагеи исчезла, она преисполнилась доверия и сострадания к гостье и с улыбкой произнесла: – Проходи, отведай нашего скромного угощения...

Все это время цыганка не сводила с женщины глаз.

– Ну вот, совсем другое дело, – ухмыльнулась гостья и подошла к столу. – Пирог у тебя, красавица, просто заглядение! Я отведаю один, если ты не возражаешь...

– Угощайся, – улыбнулась Пелагея и пододвинула к цыганке тарелку с пирожками, затем взяла глиняную крынку и, налив в кружку молока, протянула женщине.

– Сразу бы так, – ухмыльнулась незнакомка и, не сводя с хозяйки глаз, добавила: – Я возьму парочку пирожков своим деткам...

– Конечно! – кивнула Пелагея.

Цыганка глянула на большой деревянный сундук, стоявший у печки. Хозяйка мутным взглядом скользнула по комнате, подошла к сундуку, открыла его и достала лежавшие в нем вещи. Гостя сняла с плеч цветастый платок, высыпала в него пирожки, бросила в платок вещи, извлеченные из сундука, связала все в узел и направилась к двери.

– Прощай, красавица, благодарю за угощение! – бросила напоследок гостя.

Взгляд незнакомки остановился на хозяйских детях. Цыганка развязала узелок, достала два пирожка и, подозревав Павлика, протянула мальчику.

– Тебе ведь не жалко – правда? – спросила женщина.

– Неа... – покачал головой Павлик.

– Вот и замечательно! Ты, красавица, не горюй – твоя доброта вернется тебе сторицей, когда я уйду – ни о чем не жалею, живи и приговаривай: «Не быть злу и беде – мое счастье при мне!»

Произнеся эти слова, незнакомка вышла из комнаты, открыла входную дверь и лицом к лицу встретила Анастасию.

– Здравствуйте... – в растерянности произнесла девушка.

– И ты, красавица, будь здорова! – ответила цыганка и, прошмыгнув мимо девушки, направилась к дому Коржаковых.

Анастасия вошла в дом и застала мать в странном состоянии.

– Кого это я сейчас встретила? – поинтересовалась Настя.

– Цыганку, – поникшим голосом произнесла Пелагея.

– А что она у нас делала? – девушка прошла в комнату, поставила на лавку у окна школьную сумку и посмотрела на мать. – Чего вы такие странные?

– Нечего нам, дочка, веселиться... – со слезами на глазах произнесла Пелагея. – Эта bestия только что нас обобрала, я даже не сопротивлялась...

– Ты хочешь сказать, что вот это... – девушка показала на пустой сундук. – Все, что осталось? – Настя села на лавку и в растерянности посмотрела на мать. – Ты не шутишь?

– Какое там? – махнула рукой Пелагея. – Ума не приложу, как ей удалось меня окрутить... Главное, дети ведь были дома, так она и их заморозила, все ей отдала, все, что она хотела...

– Не плачь, мамочка, – обняла женщину Настя.

– Что я скажу Степану? – закрыв лицо ладонями, заголосила Пелагея. – Говорили бабы, что недалеко от деревни остановился табор, и цыгане ходят по дворам, я не придавала значения...

– Что теперь слезы лить? – вздохнула Настя. – Надеюсь, ты мое любимое платье не отдала?

– Нет, я его вчера постирала и повесила сушить на веранду, не то б она и его забрала... Надо же, как она нас загипнотизировала... Меня словно парализовало. Не помню, что говорила, что делала, очнулась, а ее уж и след простыл, иди, ищи ветер в поле... Хорошо, что не все пирожки на стол поставила, иначе б она без ужина нас оставила.

– Она к Коржаковым пошла, – ответила Настя.

– Надо сбегать к бабе Дуне, сказать, чтоб гнала ее со двора, – засуетилась Пелагея. – Ты кушай, я сбегать к соседям, может, пощастливится вернуть наши вещи... – Пелагея вытерла слезы и побежала к Коржаковым.

– Где ты так долго была? – обняв сестру, поинтересовалась Светланка.

– В школе, – ответила Настя.

– Обычно ты раньше возвращалась, – заметил девочка.

– Так вышло, надо было завучу помочь...

– Вечно тебе больше других надо, – огрызнулся Павлик. – Мы со Светкой целый день тебя ждали...

– Не маленькие... Как цыплята?

– Сидят на печке, – ответил мальчик.

– На печке? – переполошилась Настя. – А что они там делают?

– Сушатся.

– Сушатся? – оторопела Настя.

– Они были мокрые, вот мы и поставили их на печку, чтоб просушились... – пояснила малышка.

Настя в растерянности посмотрела на брата.

– Как – мокрые, почему? – разволновалась девушка.

Павлик опустил голову и стал шаркать босой ногой по деревянному полу.

– Он боится... – глянув на брата, заявила Светланка.

– Что вы натворили? – сердито глянув на брата, произнесла Настя.

Мальчишка недовольно глянул на младшую сестру и сквозь зубы процедил:

– Говорил тебе – молчи, сам расскажу...

– Павлик, что с цыплятами? – спросила Настя.

Мальчишка с опаской посмотрел на сестру:

– Они испачкались, вот мы их и вымыли.

– Вымыли? – оторопела Настя.

– Ага, – кивнул Павлик и полез на печку за корзиной с цыплятами.

– Мамочка... – всплеснула руками Настя. – Как вам это в голову пришло?

– Они купались в песочке, пили водичку, испачкались, мы их вымыли, посадили в корзину и поставили на печь, – пояснила Светланка.

Павлик слез с печки и поставил на лавку плетеную корзину, покрытую льняным рушником.

– Вот... – произнес мальчишка.

Анастасия сняла полотенце и с замиранием сердца заглянула внутрь... Ее предположение оправдалось, на дне корзины на подстилке из сена лежали мертвые цыплята. Сердце девушки дрогнуло, глаза заволокли слезы, и она в отчаянье произнесла:

– Нет!

– Чего ты плачешь? – удивилась Светланка. – Они же чистые...

Настя обняла сестренку, прижала ее к своей груди и заплакала. Павлик заглянул в корзину и онемел – двадцать цыплят не подавали признаков жизни.

– А!.. – в отчаянье вскрикнул мальчик и отпрянул от корзины. – Я не хотел...

Мальшка в растерянности посмотрела на брата, затем на сестру и тоже заплакала.

– Унеси их, – прикрыв корзину рушником, сказала Настя.

– Угу... – шмыгнул носом мальчишка и, взяв корзину, вышел из дома.

Светланка проводила брата недоуменным взглядом и, вытерев ладошками мокрые от слез глаза, поинтересовалась:

– А куда Павлик понес цыплят?

Настя не знала, что ответить... Девушка взяла на руки сестренку и подошла к окну. Сердце Насти разрывалось от боли, она не могла взять в толк, как дети могли до такого додуматься. «Они хотели, как лучше... – пыталась оправдать поступок малышкой Настя. – Думали – вымоют цыплят, они обсохнут и будут красивыми». Девушка вспомнила мертвых птенцов, лежавших на дне корзины с раскрытыми клювиками, и заплакала. «Нечего было поручать их досмотр малышам, – мысленно укорила себя Настя. – Как я скажу Светланке, что их больше нет?» Девушка погладила малышку по волосам и, вздохнув, произнесла:

– Цыплята обиделись, что вы их искупали, и убежали.

– А они вернуться? – поинтересовалась малышка.

– Не знаю... – покачала головой Настя.

Входная дверь дома скрипнула, и в комнату вошел Павлик. Мальчик виновато посмотрел на старшую сестру и сел на сундук у печки.

– Отнес? – спросила Настя.

– Угу... – кивнул мальчик. – Что мы скажем родителям?

– Скажем, как есть, – вздохнула Настя.

Светланка насторожилась:

– Что вы хотите им рассказать?

– Ничего... – Настя многозначительно посмотрела на брата. – Шли бы вы играть на улицу, – предложила девушка.

– Ладно, – ответил Павлик. – Мы пойдем кормить кроликов...

– Замечательно, – кивнула Настя.

Светланка подбежала к брату, взяла его за руку и потянула к двери.

– Пойдем, кроликам ужинать пора... – забеспокоилась девочка и выбежала из дома.

Настя проводила детей, налила в тарелку щи и стала ужинать. «Кларе Ефимовне помогла, а цыплят не доглядела», – с грустью подумала девушка. Она вспомнила, как дружно бежали к ней птенцы, едва слышав ее голос, как отбирали друг у друга червяков, которых скармливал им Павлик. «Простите нас... – всхлипнула девушка, соленая слеза скатилась по ее щеке и упала на стол. – Я не могла представить, что такое может случиться...» – с грустью подумала девушка. Веки ее потяжелели, она отставила в сторону тарелку, положила голову на стол и не заметила, как уснула.

– Вот и я... – сквозь сон услышала она голос матери. – Ты ужинала?

– Да, – подняв голову, ответила девушка. – Как ты ходила?

– Впустую... – махнула рукой Пелагея. – Пока добежала до Коржаковых, цыганки и след простыл. Баба Дуня ее даже на порог не пустила, гостья разозлилась и что-то ей по-цыгански сказала... – хозяйка открыла заслонку печи, достала противень с пирожками и поставила на стол. – Какие новости в школе? – поинтересовалась женщина.

Настя съела пару пирожков, выпила кружку молока и рассказала матери о происшествии в школе.

– Да... – покачала головой Пелагея. – Не хотела б я оказаться на месте Клары Ефимовны. Интересно, как она?

– Уже лучше, ты расскажешь отцу о цыганке?..

– Конечно, – Пелагея понимала, что муж не похвалит ее за ротозейство, много раз он предупреждал, чтоб не пускали в дом посторонних людей.

«Поделом мне, – подумала женщина, – в следующий раз умнее буду». Пелагея посмотрела на часы и засуетилась:

– Заговорила я с тобой, а у меня еще вторая смена... Ладно – учи уроки, вечером встреть корову, подои, накорми отца и присмотри за детьми. Кстати, где они?

– Кроликов кормят.

– Да, не забудь покормить цыплят...

Настя потупила взор. Пелагея внимательно посмотрела на дочь и, повязав на голову платок, произнесла:

– Что-то ты не договариваешь...

Настя виновато посмотрела на мать и расплакалась.

– Это еще что? – растерялась Пелагея.

– Цыплят больше не нужно кормить, – всхлипнула Настя.

– Уже покормили? Прекрасно...

– Их больше нет, – сглатывая слезы, произнесла девушка.

«Что она такое говорит?» – подумала женщина.

– Скажи толком, что случилось?

Настя вытерла слезы и виновато посмотрела на мать.

– Павлик со Светланкой их выкупали, посадили в корзину и поставили на горячую печь...

- Батюшки!.. – всплеснула руками Пелагея.
- Не ругай их, мамочка, Павлик и без того расстроен...
- А Светланка?
- Я сказала, что цыплята обиделись на них и убежали.

– Не зря говорят: «Пришла беда – отвори ворота...», – покачала головой Пелагея. – Солнце еще не село, а неприятностей хоть отбавляй. Цыплят жалко, столько наших трудов насмарку пошло... Не расстраивайся, Пеструшка нам еще высидит, а этих похороним, как положено живым существам. Ладно, мне пора... – Пелагея поцеловала дочку и направилась к выходу.

– Детей пораньше спать положи и сама поздно не засиживайся, – наказала дочери женщина и поспешила на работу.

ГЛАВА 13

СТЕПАН УСТИНЕНКО ЗАВЕРШИЛ обход путей, отнес инструмент в подсобку и, доложив начальству, что все в порядке, отправился домой. Миновав железнодорожную станцию, мужчина вышел на дорогу, ведущую в Гущино, снял кирзовые сапоги и, связав голенища, перекинул через плечо. «Совсем другое дело», – ощутив под ногами мягкий песок, приятно обволакивавший ступни, подумал Степан, достал из кармана пиджака папиросу и, чиркнув спичкой, закурил. Сделав несколько затяжек, он посмотрел на ельник, вплотную подступающий к дороге, и увидел вышедшего из леса мужчину. «Кто б это мог быть?» – насторожился Степан, но, заметив на груди старика массивный железный крест, понял, что это бывший священник.

– Добрый вечер, отец Никодим! – подойдя к земляку, поздоровался мужчина.

– Добрый, – улыбнулся старик. – Неужто только что с работы?

– Недавно закончил. Вы чего так поздно? Один в лесу... Не боитесь?

– А чего мне бояться? Со мной Господь Бог и сила Животворящего Креста, – ответил священник.

Степан подивился силе веры старика.

– Вы на самом деле ничего не боитесь? Например, преследований за Веру...

Отец Никодим блаженно улыбнулся, посмотрел на сумеречное небо и, словно увидев там прекрасные райские сады, произнес:

– Я молю Бога, чтоб сподобил меня принять мученическую смерть за Веру, только, видно, не пришел мой час. Когда в первый раз хотели меня арестовать – в ночь накануне был убит начальник НКВД. Во второй раз супостаты не смогли этого сделать по причине того, что по дороге в Гущино сломалась посланная за мной машина. В третий раз – небеса разверзлись, и хлынул такой сильный дождь, что дороги в округе превратились в грязевое месиво. До сих пор, ироды, ждут, пока на болотах, где стоит моя хижина, сойдет вода. Один я проход к ней знаю, если кто сунется наугад – сгинет в трясине. Так что некого мне бояться, а естественной кончины никто не избежит. У меня и гроб сосновый на этот случай сделан, каждый день ложусь в нем спать, ибо никто не знает, когда Господь призовет его грешную душу.

Степана потрясли слова священника. Никогда прежде мужчина не задумывался над вопросами, что есть жизнь, что есть смерть и есть ли на свете Бог, против которого так ополчилась новая власть. «Что, если этим миром на самом деле кто-то управляет?» – задумался мужчина.

– То есть вы полагаете, что загробная жизнь все-таки есть? – поинтересовался Степан.

– Безусловно, – ответил старик. – Много раз по Воле Господа Бога мне было дано убедиться в этом. Вот ты спрашивал, откуда я так поздно возвращаюсь... В Дубовку я ходил, к другу моему старинному, отцу Феодосию...

– В Дубовку? – удивился Степан. – Так до нее ж километров пятнадцать будет... Вы что же – пешком ходили?

– Как видишь, Бог дает силы, когда они нужны на доброе дело.

– А что вас заставило туда отправиться?

– Вчера ночью, после молитвы к Богу, я лег спать... Вдруг темнота моего жилища рассеялась, и хижина озарилась золотисто-белым светом, в центре которого я увидел отца Феодосия. Он низко мне поклонился и сказал, что пришел предупредить меня о своей скорой кончине, которую Господь сподобит послать ему сегодня утром. После этих слов чудное видение прекратилось, я сел в гробу, перекрестился на икону Спасителя и возблагодарил Его, что послал мне весточку о друге. Встав, я собрался и, сотворив короткую молитву, отправился в путь. Когда человеку за семьдесят – быстро ведь не побежишь, да и путь предстоял мне не близкий. Слава Всевышнему, я застал моего друга живым. Отец Феодосий переживал, что из-за своей немощи

не может со мной проститься. С вечера он молитвенно просил Господа, чтоб не дал ему уйти в мир иной, не повидав напоследок друга. Для Бога Всемогущего нет ничего невозможного. В Духе Святом мы способны видеть и слышать то, что сокрыто от наших глаз. Приблизительно в тот же самый час я творил в хижине ночную молитву, вот и сподобил меня Господь узнать о тайном желании друга. Выполнив все, что положено для вновь представленного, с чувством выполненного долга я отправился в обратный путь. Чтобы сократить дорогу, я шел лесными тропами, одна из которых вывела меня к тебе.

Рассказ священника до глубины души потряс Степана. «Неужели это правда?..» – удивился мужчина и недоверчиво посмотрел на седовласого старика, рядом с которым он почувствовал себя несмышленным ребенком в огромном, незнакомом ему мире, где все происходит по каким-то таинственным, неизвестным ему законам.

– Вы, оказывается, мастак рассказывать сказки... – ухмыльнулся Степан. – Вас послушать, так человеку ни телеграф, ни телефон для связи не нужен – достаточно помолиться, и Бог сподобит его откровения...

Священнику стало жаль земляка.

– Бог милостив, может, увидев твою духовную слепоту, и тебе ниспошлет Свое Откровение. Многих таким образом обратил Он на путь Спасения, – произнес старик.

Плотный туман выполз из влажной низины и окутал дорогу, по которой шли запоздалые путники, видимость стала ограниченной, и идти вперед стало трудно.

– Вот незадача... – взволнованно произнес Степан. – Ни зги не видно! Так и с дороги сбиться не трудно...

– Даст Бог, не заблудимся, – ободрил его старик.

– Как Вы можете так спокойно говорить? Я совсем Вас не вижу, не ровен час – в болото угодим... – Степан остановился и стал на ощупь искать священника.

Вдруг на фоне шума леса он отчетливо расслышал цоканье копыт. Оно было столь звонким, что создавалось впечатление, будто конь едет не по песчаной дороге, а по мощеной камнем мостовой. «Как это может быть?» – удивился мужчина. В этот момент из тумана вышел отец Никодим. Степан взял старца под руку, отвел в сторонку и тихо произнес:

– Слышите цокот?

– Да, – кивнул священник.

– Значит, мне не показалось... Постоим здесь, как бы в тумане нас конь не зашиб...

Цокот копыт стал еще слышнее, и через мгновение из-за поворота лесной дороги выехал всадник. От его лица, доспехов и коня исходило сияние такой интенсивности и чистоты, что оно казалось подобным солнечному свету. Степан в испуге закрыл глаза, а когда открыл их, то едва не потерял дар речи: на белом скакуне царственно восседал былинный воин. Грудь и бедра всадника плотно покрывала кольчуга. На голове был надет железный шлем. В одной руке он держал круглый щит, в другой – копье, спина коня была покрыта попоной пунцового цвета с золотой окантовкой. Чудное благоухание наполняло воздух вокруг.

– Господи! – невольно вырвалось у Степана.

– Пресвятая Богородица, спаси и помилуй нас! – взмолился старый священник и осенил себя и Степана Крестным Знамением.

Не смея поднять на всадника глаза, отец Никодим стал пламенно молиться Богу. Степан испуганно глянул на священника и стал повторять за ним слова молитвы. Поравнявшись с путниками, всадник придержал коня и громогласно произнес: «Мир вам!» Поднялся ураганный ветер и начал клонить к земле стволы вековых сосен и елей. В этот момент откуда-то из глубины необъятного поднебесья незримые колокола стали вторить его словам...

Отец Никодим в очередной раз осенил себя Крестным Знамением и ответил:

– И тебе мир! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси нас от козней лукавого! – старик достал из дорожной сумки кусочки ладана и бросил его под ноги коня.

Кусты роз диковинной красоты, источающих тончайший аромат, выросли в том месте, куда упал ладан. Степан онемел от страха и отпрянул назад. Отец Никодим, не прекращая творить молитву к Богу и Пресвятой Богородице, брызнул на грудь всаднику святой воды. В тот же миг на груди и доспехах воина чудным образом просиял Лик Небесной Девы. Старец пал на колени и, отвесив земной поклон, слезно взмолился:

– Прости меня, грешного, по немощи духовной и из опаски попасть в сети лукавого, усомнился я, что ты Посланник Божий. Если есть на то воля Божья, открой нам, кто ты?

– Я русский витязь, – ответил всадник. – Хожу по земле русской, собираю воинов на великую битву. Родина в опасности, лютый враг собирает силы у западных рубежей Отечества. Собирайтесь в поход, славные воины... – всадник привстал на стременах и, указывая копьем на запад, угрожающе потряс им.

В то же мгновение над лесом запылала яркая зарница. С каждой секундой сияние на небесах становилось все лучезарнее. Со всех сторон к достославному витязю по небу стали слетаться всадники в боевых одеждах русских воинов разных исторических эпох. Высоко в поднебесье торжественно зазвучал призывный воинский марш, при первых звуках которого конь Божьего Посланника стал нетерпеливо перебирать ногами. Только сейчас путники увидели, что скакун не касается земли, а древний воин парит над землей. Как замороженные, смотрели мужчины на разворачивавшуюся перед их взором картину объединения в одну мощную дружину всего небесного воинства. Призывно зыграл небесный рожок, и все великое воинство вслед за воеводой плавно поплыло по небу, поднимаясь в небеса. Еще миг – и огромная армия небесных воинов бесшумно проплыла по ночному небу на фоне яркой луны в направлении на запад. Старый священник упал на колени и до земли поклонился уходящим за горизонт небесным защитникам Отечества. Степан опустил рядом со старцем на колени и тоже до земли поклонился небесной дружине.

– Благодарю тебя, Отче, яко сподобил меня, недостойного, быть свидетелем сего чудного явления, – со слезами на глазах промолвил старый священник. – Величай, душа моя, честнейшую и славнейшую горних воинств, пречистую Деву Богородицу! О, Мать Божья, избави нас от огня и меча, от нашествия иноплеменных и междоусобной брани, от напрасной смерти, от нападений вражеских и от смертоносной язвы, и от всякого зла. Пресвятая Богородица! Просвети нам ум и очи сердечные, даруй всем нам столько силы и мужества, сколько имеет каждый любви и усердия, дабы постоять за свободу Отечества.

– Прости меня, Всемогущий Боже! – воззвал к Небесам поседевший Степан. – Прости меня за неверие мое, за то, что будучи крещенным, прожил жизнь как нехристь...

Услышав слова сердечного раскаяния своего земляка, отец Никодим прервал пламенную молитву и посмотрел на Степана.

– Слава Тебе, Боже, и благодаренье за все! – восторженно воскликнул старый священник. – Еще одно чудо явил Ты мне – воскрешение к жизни заблудшей христианской души... – отец Никодим встал с коленей и подошел к Степану.

Погладив его, будто малое дитя, по белым, словно снег, волосам, старец по-отечески ласково произнес:

– Великое счастье послал мне сегодня Господь: прекрасного спутника и незабываемый вечер. Благодарю тебя, сынок, что поделил со мной эту радость. В начале нашего совместного пути только я был седовласым, а к завершению пути и ты сединой убелился...

– Простите меня, отец Никодим, за назойливость, но как вы думаете, кого в образе этого древнего витязя явил нам Господь? – поинтересовался Степан.

– Точно не скажу... – ответил старик. – Мало ли доблестных витязей, презревших смерть и являя чудеса удивительной воинской доблести, бесстрашно сражались за свободу Отечества на протяжении долгого исторического периода... Взять, к примеру, легендарного воеводу, великого благоверного князя Александра Ярославича, который с дружиной и частью опол-

чения в рукопашном бою победил войско шведов, явившихся на нашу землю на 100 судах с пятьютысячным десантом... За победу над превосходящим противником в знаменитой Невской битве Александр Ярославич получил прозвище Александра Невского. На протяжении всей жизни его отличали христианское благодушие, благородство, высокая мудрость и смирение перед волей Божьей. Даже те, кто причиняли ему обиды и страдания, испросив прощения, немедленно получали его. Это редчайшее качество... По великому своему смирению великий князь приписывал все, что ему удавалось совершить, Небесной помощи. Каждое из своих достохвальных дел князь возводил в достоинство жертвы и служения Богу. На протяжении всей своей недолгой жизни (он не дожил и до сорокапятилетнего возраста) святой Александр превозмогал своих врагов и врагов Отечества превосходством своей нравственной силы и мощью духа. А ведь он участвовал более чем в 20-ти битвах и был свидетелем того, как величайшее множество доблестных русских воинов пало смертью героев за свободу Родины.

– А почему, говоря об Александре Невском, вы называете его святым? Он ведь из знатного рода, жил, как обычный человек, имел семью и детей... – полюбопытствовал Степан.

Ему хотелось как можно больше узнать о жизни этого удивительного человека.

– Это был не простой князь... – ответил отец Никодим. – Вся его жизнь была посвящена отстаиванию свободы и интересов Отечества. Много раз он ездил к ханам в далекую Монголию и татарскую Орду, чтобы испросить милость и пощаду родной земле. Скольким опасностям подвергал себя во время этих путешествий! Бог, видя его веру и благочестие, во всех путях и сражениях хранил его, но здоровье свое он все же подорвал. Изнуренный последним странствием в Орду, по дороге домой князь занемог и понял, что приблизился его смертный час. Перед смертью он попросил постричь его в иночество и схиму. Приняв причастие пречистых тайн, великий князь предал свою душу в руки Господа... – старый священник замолчал.

Слезы скорби, любви и благоговения текли по его впалым морщинистым щекам. В какой-то момент путникам показалось, что время остановилось – прошлое, настоящее и будущее слились воедино, не было древней и современной Руси – было одно любимое сердцу Отечество, которому грозила опасность. Молчание прервал старец:

– А может, в образе представшего пред нами всадника Господь явил нам Илью Муромца...

– Это же просто вымысел, сказочный персонаж, – ухмыльнулся Степан. – Я о нем и Соловье-разбойнике детям сказки рассказываю...

– Да простит тебя Господь! – помолился за заблудшую душу земляка старик. – Принимая одного из самых удивительных героев древней Руси, народного заступника, за вымышленного персонажа сказок, ты глубоко ошибаешься...

– Что вы хотите этим сказать? – Степан с недоверием посмотрел на собеседника.

– А то, сынок, что упомянутый Илья Муромец жил во времена Киевской Руси и был реальной исторической личностью. От природы он был наделен большой силой, отличался храбростью, воинской доблестью и исключительной преданностью Вере отцов. В зрелом возрасте Преподобный принял монашеский постриг в Киево-Печерской Лавре и был наречен Ильей, а погиб как настоящий герой – о чем свидетельствуют пробитое копьём сердце и многие другие тяжелые раны, сохранившиеся на его нетленных мощах.

– Откуда вам это известно? – полюбопытствовал Степан.

– В молодости я бывал в Киево-Печерской лавре, там от иноков услышал рассказ об этом удивительном человеке, который заслуженно почитается святым русской Православной Церкви.

– То есть Илья Муромец был ревнителем Православной Веры – я правильно вас понял?

– И был, и остается на все времена, – кивнул священник. – Русский народ испокон веков почитал Илью Муромца небесным покровителем и редчайшим образцом беззаветного служения Родине.

Степан внимал каждому слову старца, он настолько проникся почтением к доблестным воинам и святым, что на глазах у мужчины выступили слезы. Видя состояние своего спутника, священник выждал минуту-другую и продолжил:

– Сегодня Божественное Провидение сподобило нас быть свидетелями того, как горнее войско под предводительством избранного Богом воеводы устремилось на защиту западных рубежей нашей Родины. Божье войско собралось на решительную битву за свободу Отечества, а мы, грешные, продолжаем пребывать в слепоте и беспечности.

– Так что же нам делать? – растерялся Степан. – Никто не поверит нам, если мы расскажем о том, чему стали свидетелями, за сумасшедших примут.

– Все может быть, только, я полагаю, что Отец Небесный для чего-то нам это открыл. Не знаю, почему Бог избрал нас: священника, потерявшего паству, и безбожника... Ясно одно – молчать о том, чему мы стали свидетелями, не имеем права!

– Верно, для чего-то нам это было попущено, слишком все успокоились, забыв, в каком враждебном окружении пребывает наше социалистическое Отечество...

– Ну вот, в тебе опять проснулся атеист, – с досадой произнес старик. – Крепко в твоём сердце засела коммунистическая пропаганда... И кто ты теперь?

– Не знаю... – пожал плечами Степан. – Я и партию не могу предать, и от веры в Бога не могу отказаться – собственными глазами все видел, да и свидетель у меня есть...

– Ну, свидетель я тебе никакой... У меня с нынешней властью отношения сложные, НКВД уже не первый год за мной охотится... Что, коли арестуют? Чем докажешь, что не выдумал эту историю? А будешь стоять на своем – обвинят в религиозной пропаганде...

– Мне все равно, – махнул рукой Степан. – После того, что я только что видел – земные власти мне не указ. Теперь я понимаю, почему истинные христиане ради Веры претерпевают мученичество и предпочитают смерть, нежели отречение от Бога...

Пока отец Никодим и Степан размышляли о том, как им поступить, туман рассеялся, дорога стала видна отчетливей, и мужчины смогли продолжить свой путь. Когда до деревни оставалось недалеко, путники расстались. Степан отправился домой, а старый священник – в свою лесную хижину.

Расставшись с мудрым старцем, Степан ощутил духовное одиночество. Ему казалось невероятным, что за столь короткое время служитель Церкви стал столь близок его сердцу. Речи священника, наполненные любовью к Богу и людям, оставили в душе мужчины неизгладимый след. «Отец родной не сделал для меня того, что этот седовласый старец за столь короткое время, – признался себе Степан. – Бывший поп, которого советская власть считает мракобесом, в считанные часы стал ближе родни. Воистину – ни от чего в жизни не следует зарекаться. Многие годы я проявлял нетерпимость к верующим, а сейчас то, что совсем недавно казалось ересью, наполнилось глубоким смыслом».

Открыв калитку, Степан поймал себя на мысли, что не хочет заходить в дом. Подчиняясь душевному импульсу, мужчина сел на лавку под окном и посмотрел на усыпанное звездами небо. Мысли его стали постепенно путаться, и он не заметил, как заснул. Ему приснился странный сон: война, ожесточенный бой за какой-то зарубежный город, в конце улицы возвышается полуразрушенный костел, откуда гитлеровцы ведут непрерывную стрельбу. Командир воинского подразделения, бойцом которого являлся Степан, дает ему и двум его товарищам задание – во что бы то ни стало уничтожить огневую точку противника. Мужчина видит, как он обходит костел сзади, проникает в полуразрушенное здание и, застав противника врасплох, уничтожает гранатами вражескую огневую точку. Продвижение по улице советским войскам обеспечено... «Живы, хлопцы, живы!..» – не помня себя от радости, кричит во сне Степан, стоя на верхней площадке костела, победоносно размахивая над головой винтовкой...

– Папа, проснитесь! – сквозь сон донесся до мужчины голос падчерицы.

Степан открыл глаза и не мог сообразить, где он находится – настолько реальным было его видение.

– Вы что-то кричали, я услышала и выбежала на улицу – думала, с вами что-то случилось... – встревожено произнесла Анастасия.

– Прости, дочка, присел отдохнуть и, видимо, заснул... – смутился мужчина.

– Что вы так поздно? – поинтересовалась девушка.

– Так вышло... Мать дома?

– На работе.

– Опять вторая смена?

– Приходила, поужинала и пошла молотить лен, – Настя взяла сапоги отчима и пошла в избу.

«Хорошо, что она меня разбудила, – подумал Степан, – я либо устал, либо схожу с ума – войну только что во сне увидел...»

– Папа, вы идете? – обернувшись, спросила Анастасия.

– Иду... – кивнул Степан.

«Нужно успокоиться и постараться обо всем забыть», – решил мужчина.

«Живи и помни!» – пронеслось в голове Степана. Он с опаской осмотрелся по сторонам. «Никак, брежу...» – подумал мужчина.

«Живи и помни!» – снова прозвучал в его голове чей-то приказ.

«Это уже чересчур...» – подумал мужчина и перед тем, как войти в дом, взглянул на небо – прямо над головой, словно Божье Благословение, сиял звездный Крест. Степан, словно зачарованный, смотрел на Созвездие и не мог оторвать от него глаз.

– Боже, спаси и сохрани! – прошептал мужчина и, закрыв глаза, осенил себя крестным знаменем, затем выждал какое-то время и снова глянул на небо – на усыпанном звездами небосводе сиял серебристый диск луны.

Мужчина всмотрелся в небесную высь, стараясь отыскать Небесный Крест, но его не было. Степан не знал, что думать... «Но не померещился же мне этот Крест...» – разволновался Степан, открыл дверь дома и вошел в избу. У печи хлопотала Анастасия. Девушка посмотрела на отчима и поняла, что его что-то тревожит. Степан обмыл над тазом руки, сел за стол, пододвинул тарелку со щами, взял с общего блюда пирожок с картошкой и стал есть. Настя в изумлении смотрела на отчима. «Какой-то он странный... – отметила девушка. – Наверное, на работе что-то случилось...» Заметив, что отчим съел щи, Настя убрала пустую тарелку и, налив в таз теплой воды, стала мыть посуду. «Ох, уж эти взрослые... – мысленно заметила девушка. – Вечно у них проблемы...» Настя вытерла рушником вымытую посуду и, пожелав отчиму спокойной ночи, отправилась спать. «Надо было повторить параграф по истории...» – подумала девушка и не заметила, как уснула.

ГЛАВА 14

ПЕТР ИВАНОВИЧ Дубов дал секретарю правления нужные распоряжения и вышел из конторы. На душе у председателя было неспокойно. «Нужно убрать лен до начала дождя...» – с тревогой подумал мужчина и посмотрел на небо – черно-фиолетовая туча нависала над лесом, угрожая разразиться дождем. Петр Иванович достал из кармана галифе коробку папирос, закурил и стал дожидаться Бортникова. Время шло, а счетовода все не было...

«Куда он подевался? – недоумевал председатель. – Сказал же, чтоб нигде не задерживался...» Дубов вышел на дорогу и всмотрелся вдаль. «Надо было идти пешком...» – посетовал мужчина, и в этот момент в конце улицы он заметил посыльного. «Наконец-то!» – обрадовался Петр и, затушив кирзовым сапогом окурки папиросы, стал дожидаться счетовода. Епифан увидел председателя, прибавил шагу и вскоре был у здания правления колхоза.

– Тебя только за смертью посылать... – укорил друга Дубов. – Где тебя носило?

– Пока пешком туда, пока – оттуда... – стал оправдываться Епифан.

– На словах у тебя все гладко выходит, а на деле – не очень... Был на конюшне?

– А как же!

– Где Буян?

– Занят...

– Что значит – занят? Докладывай, как положено...

Епифан вытянулся по струнке и по-армейски отрапортовал:

– Товарищ председатель, все числящиеся на балансе колхоза кони заняты на уборке льна.

– И Буян?

– Так точно!

– Вот видишь, если хочешь, то можешь... – заметил Петр. – Трудный ты человек, Епифан... Чего я с тобой нянькаюсь? Давай сюда отчет, будем разбираться...

Бортников протянул председателю сложенные вчетверо листки бумаги.

– Мне советскую власть обманывать незачем, – с обидой произнес счетовод, – как работали, так и показываю...

– Посмотрим, – недовольно произнес Петр и, взяв отчет, направился к амбару.

Епифан последовал за ним. «Перегорит...» – мысленно успокаивал себя счетовод. Он не первый год знал Дубова и хорошо изучил его нрав. Петр был человеком справедливым, ответственным, но страсти кипели в его душе, словно взвар в котле, подогреваемом дровами. В деревне знали эту черту мужчины, потому, видя его не в лучшем расположении духа, предпочитали не лезть на рожон. Дубов умел принимать правильные решения, добиваться поставленных целей, поэтому сельчане избрали его главой колхоза. Это доверие он оправдывал многие годы. Бортников искоса поглядывал на председателя и понимал, что нужно набраться терпения и ждать, когда глава колхоза все проверит и убедится, что цифры не врут.

Петр укорял себя, что отчитал помощника, он прекрасно сознавал, что пора стоит горячая, каждый конь – на счету и то, что Буяна приобщили к делу – вполне логично...

«Ничего – пешком пройдемся, не впервой... – успокаивал себя председатель. – На коне объехать объекты было бы быстрее, но и так управимся». Дубов остановился, глянул на счетовода и произнес:

– Ты, Епифан, не серчай – не хотел я тебя обидеть, знаешь мой характер – вспылю, потом сам не рад... Откуда это во мне? Мать – женщина тихая, отец – человек уравновешенный, а я – словно вулкан...

– Ладно, Петр, забудь! – махнул рукой Бортников. – С такой жизнью – не удивительно, сам другой раз едва сдерживаюсь...

Дубов с благодарностью посмотрел на друга:

– Спасибо.

– За что?

– За понимание...

Мужчины не заметили, как дошли до бывших панских складов, где располагался колхозный амбар. Темнело, усилившийся ветер усугубил недобрые предчувствия председателя. Петр взглянул на затянутое тучей небо и понял, что ненастья не избежать. «Очень некстати...» – расстроился мужчина и вошел в помещение. Работа по обмолоту льна была в самом разгаре. Бригада Пелагеи Устиненко совместно с трактористами МТС четко выполняла операции.

– Добрый вечер! – поздоровался с земляками председатель. – Как дела?..

– Нормально, – улыбнулась Пелагея.

При виде главы колхоза люди заметно оживились, женщины закивали головой в сторону Дубова и стали шутить.

– Глядите-ка – наше начальство пожаловало, будут со счетоводом нашу производительность труда повышать... – съязвила Екатерина Шульга.

– А что – надо? – улыбнулся Епифан. – Вроде вы справляетесь...

– Справляться-то мы справляемся, только трудовой дух в нас поддержать некому, – заметила Ольга Щедрова.

– А мы с Ленькой на что? – улыбнулся Иван Варенков. – Мы в этом вопросе без помощи председателя обойдемся...

– Не бойтесь силенки надорвать? Вон нас сколько... – кивнув на работавших рядом женщин, рассмеялась Наталья Дропегина, проворно выгребая льняной ворох из-под агрегата. – Бригада у нас передовая – мы что в поле, что у молотилки, что в ином деле усердие проявляем... – женщина вызывающе глянула на парня.

– Сдюжим, – не сдавался механизатор. – Если мы к железу подход нашли, то уж с женщинами как-нибудь справимся...

В этот момент в амбар с масленкой в одной руке и ведром чистой воды в другой вошел Леонид Баренцев. Услышав, о чем речь, парень счел своим долгом придти другу на помощь.

– Держись, Иван, я с тобой! Эмтээсовцы не сдаются! – выпалил парень.

Механизатор поставил на дощатый стол у окна масленку и ведро, взял кружку, зачерпнул воды и протянул Ивану, затем игриво глянул на Кружавину, подававшую лен подругам, и произнес:

– Степанида, готовься...

– Ах ты, бесстыдник! – обрушилась на него пожилая женщина. – Что ты себе позволяешь? А ну, отойди, не то я за себя не ручаюсь... – женщина оторвалась от работы и пригрозила парню кулаком.

– А я что? Я ничего... – ответил Баренцев и на всякий случай отошел в сторонку.

Не заметив в темноте стоявшие у стены грабли, Леонид наступил на них и, потеряв равновесие, упал. Грабли ударили ему древком поперек ребер.

– Тоже мне, ухажер нашелся, – хихикнула Дропегина. – На ногах научись стоять, а потом уж в ухажеры лезь...

Баренцев отбросил в сторону грабли и под перекрестным огнем женских шуток стал отряхивать брюки от льняной трухи.

– Ты там, случаем, себе ничего не отшиб? – подколот коллегу Варенков.

– Все наше при нас... – ответил Ленька, поправил сбившуюся набок кепку и направился к молотилке. – Ладно, давай подменяю...

Иван вытер ветошью руки и уступил место другу.

– Агрегат в исправности, вот тебе инструмент, а я пойду покурю... – произнес парень, засунул руки в карманы галифе и направился к выходу.

Проходя мимо Дубова, механизатор остановился, вытянулся по струнке и, улыбаясь, заявил:

– Товарищ председатель, разрешите отбыть в увольнение!

– Давай, а то, я смотрю, тебе нейдет. Пойди, освежись... – ответил глава колхоза, прервав разговор с агрономом Градовым.

– Есть! – выпалил Варенков и вышел из амбара.

– Извини, Игнатий Степанович, отвлекся. Так ты говоришь – с дальнего поля лен не вывезли...

– Нет.

– Плохо, гроза надвигается...

– Вижу, планировали завтра закончить, но теперь как уж будет...

– А что с убранным льном?

– Немного отстаем с переработкой, но при таком графике работы в ближайшие дни наверстаем.

– До заморозков закончим?

– Если и дальше будем соблюдать такой темп работы, то должны. Меня другое тревожит – качество обмолота льна и потери при обработке.

Градов глянул на бригадира.

– Думаю, нужно в воскресенье привлечь к работе комсомольцев. Вы бы поговорили... – произнесла Пелагея.

– С этим проблем не будет, – заверил председатель. – Как показали себя в работе механизаторы?

– Пока к ним претензий нет: за техникой смотрят, если что выходит из строя – стараются сразу же починить...

– Прогулы или опоздания на работу у них были?

– Нет, ребята ответственные, работу свою знают, а то, что шутят – так все же люди, целый день друг у друга на глазах...

– Ничего... Вы у нас женщины надежные, постоять за себя умеете... – улыбнулся Дубов.

В этот момент вернулся Варенков. Парень подошел к председателю и деловито произнес:

– Хотел поговорить с вами на счет льномолотилки...

– А чем она тебе не приглянулась? Два года, как мы ее получили...

– Работать-то она – работает, только эксплуатационные показатели у нее не очень высокие, – пояснил парень. – Конструкция сложная, да и громоздкая... Слышал, что сейчас выпускают двухсекционные – у них эксплуатационные показатели выше, может, походатайствовали бы, чтоб к следующему году современную молотилку выделили...

– Какой ты приткий, – ухмыльнулся председатель. – Вот так приеду в райком и попрошу выдать новую... Это же не ящик гвоздей выпросить... У районного начальства, кроме нас, знаешь, сколько нуждающихся?... К тому же у нас хоть односекционная есть, а в других колхозах и той нет. Так что будем считать, что этот вопрос на какое-то время закрыли...

– Я, как специалист, свое мнение высказал, вы – власть, вам решать... – ответил Иван.

Парень поправил кепку и пошел к молотилке.

– Какие еще проблемы? – поинтересовался Дубов.

Елена Голованова отложила в сторону охапку льна и заметила:

– Для обмолота влажных снопов требуется делать 14–16 пропусков через вальцы молотилки – это большая трата сил и времени, если бы лен, попавший под дождь, предварительно просушивали – обмолачивали бы значительно быстрее...

– Верно, – кивнула Пелагея, – не хватает помещения для просушки льна.

– Если б только этого... – вздохнул председатель. – Ладно, к следующему году что-нибудь придумаем. Что еще?

– Очесывающий аппарат у нас двухбарабанный, его производительность небольшая, да и подшипники для вальцов надо заменять... – оторвавшись от работы, посетовал Баренцев.

– При первой же возможности постараемся заменить, пока работайте на том, что есть.

Дубов с опаской глянул на небо – тяжелые свинцово-черные тучи, словно пузатые бурдюки, нависли над деревней, готовые в любую минуту обрушить на землю потоки дождя. Порывы ветра усилились, раскрытые двери амбара надрывно заскрежетали и с грохотом захлопнулись.

– Ну и ветерок... – покачал головой председатель. – Надо закрыть двери: не ровен час – сорвет с петель.

Двери амбара открылись, и в помещение, стяхивая с пиджаков капли дождя, вбежали Илья Николайчук и Егор Гужель, до этого ремонтировавшие во дворе телегу.

– Двери закройте! – наказал Градов. – Я думал, вы уже дома...

– Не успели, – пояснил Николайчук.

– На улице кто-нибудь еще остался? – поинтересовался Дубов.

– Нет.

Сильный порыв ветра ударил в двери, распахнул их и хлопнул о стену здания. От удара одна из половин дверей перекосилась и села на землю, ураганный ветер ворвался в помещение и поднял вверх частицы льняной трухи и опавших семян. Пламя огня в керосиновых лампах, освещавших амбар, задергалось и погасло. В считанные минуты место обмолота льна превратилось в царство хаоса и мрака. Илья Николайчук и Егор Гужель подбежали к двери и попытались ее закрыть, однако им это не удавалось.

– Держите крепче, сейчас помогу! – крикнул счетовод.

Льняная пыль, поднятая ветром, попала Епифану в глаза, он зажмурил их и схватился рукой за стену. Пелагея зачерпнула в ведре воду, подбежала к счетоводу и обмыла ему лицо.

– Легче? – поинтересовалась женщина.

– Кажется, прошло... – поморгав, ответил счетовод.

Илья Николайчук и Егор Гужель пытались удержать дверь амбара, ходившую ходуном под порывами ураганного ветра. Сначала им на помощь пришел председатель колхоза, затем – счетовод, агроном и двое молодых механизаторов. Общими усилиями мужчины закрепили створки двери, подперли их изнутри деревянными колыями, но мощный воздушный вихрь вновь раскрыл их и занес в амбар воронов.

– Откуда они взялись? – отмахиваясь от обезумевших птиц, растерялся Дубов.

Появление воронов сопровождалось грозными раскатами грома и яркими вспышками молнии. Люди, словно замороженные, следили за полетом птиц.

– Держите дверь, не то вырвет с петлями!.. – опомнившись, прокричал Дубов.

Мужчины налегли разом, и створки двери, скрежеща, закрылись. Поднятая вихрем льняная труха осела на пол, выбившиеся из сил вороны уселись на массивных деревянных балках под крышей здания, и на какое-то время наступила тишина.

– Принесла ж их нелегкая... – с опаской поглядывая на мокрых птиц, произнес Николайчук. – Ничего хорошего это не предвещает...

Вороны, нахохлившись, смотрели с высоты на людей, сверкая черными, словно пуговицы, глазами.

– Птица как птица, только крупная, – с интересом разглядывая пернатых, произнес Гужель. – Певчие птицы улаживают слух человека, домашние – служат ему пропитанием, а хищные – являются санитарами природы, учат других представителей своего семейства быть не такими беспечными. Чем они тебе не угодили?

– А чего мне ими любоваться? – недовольно буркнул Николайчук, закрывая изнутри дверь на засов. – Посмотри, какие они черные и страшные – один клюв чего стоит... Таким клювом можно орехи колоть...

Вороны тревожно закаркали, захлопали крыльями и стали рассматривать, что происходит внизу...

Используя временное затишье, люди приводили в порядок рабочее место. Женщины поднимали с пола амбара разбросанный ветром лен и рабочий инвентарь, подметали глиняный пол, механизаторы очищали от сора и льняной трухи льномолотилку, а Елифан и конюхи пытались закрепить дверь. Едва мужчины закончили работу, как новый, еще более мощный порыв ветра ударил снаружи в дверь, отчего обе ее половины сорвались с петель и рухнули внутрь амбара. В то же мгновение огонь в фонарях, которыми освещалось помещение, погас, и от восстановленного порядка в считанные секунды ничего не осталось. Вороны слетели с балок и стали метаться и истошно кричать, клюя людей и засыпая помещение мокрыми перьями. Вой ветра, падение находившихся в помещении предметов, холодящее кровь карканье воронов, скрежет дерева вперемешку с одиночными возгласами людей создавали впечатление наступившего конца света...

– Иван! Ты где?.. – пытаюсь отыскать в создавшемся хаосе друга, прокричал Баренцев. – Зажги фонарь! Только спичками чиркай аккуратнее...

Парень нагнулся и стал шарить по полу руками, стараясь отыскать сорванный ветром фонарь.

– Нашел! – донесся из темноты радостный возглас Варенкова, парень поднял с пола фонарь, ощупал его и, убедившись, что он цел, повесил на гвоздь на стене.

– Потерпите, сейчас будет свет... – вынув из кармана галифе спички, успокоил земляков Иван.

– И я нашел! – радостно крикнул Гужель.

– Замечательно... – обрадовался Дубов.

Илья и Елифан при содействии агронома и председателя, преодолевая сопротивление ветра, поставили одну из сорванных створок двери на место и подперли ее изнутри кольями.

– Хорошо, что дверной косяк не вывернуло, не то б ураган наделал беды... – заметил Егор.

– Он уже и без того натворил, – с досадой произнес агроном. – Подумать страшно, во что он превратил не вывезенный с поля лен...

– Да... – покачал головой председатель.

В зажженном фонаре заплясало голубовато-белое пламя, осветив разоренный стихией амбар. Пелагея посмотрела на разбросанный по полу лен и покачала головой. Не успели люди прийти в себя, как снова прогремел гром и хлынул дождь, ветер безжалостно гнул к земле вековые деревья, грозя вывернуть их с корнями. Послышался треск древесины, и у входа в амбар, сотрясая воздух страшным скрежетом, рухнула старая ива...

– Мать честная! – перекрестилась Степанида. – Чуть крышу не снесла...

– Считайте, что в рубашках родились... – дрожа от холода, произнесла Ольга.

– Вот вам и безобидные птички, – заметил Николайчук. – Говорил же, где эта тварь появится, там добра не жди. Помню, прошлым летом отправились мы с сыном на покос... Утро выдалось тихое, на небе – ни облачка. Только отошли от дома, как у нас над головами пролетел крупный ворон и, хлопая крыльями, трижды прокричал: «Кру!» Ну, думаю, не будет дороги, давай, говорю, Костик, вернемся домой, чует мое сердце – не к добру это... Парень рассмеялся и давай меня стыдить: «Я, – говорит, – в суеверия не верю, поэтому слушать эту чепуху не желаю». Стыдно мне стало. Прав, думаю, сын. Пошли мы дальше, дошли до леса, выбрали место, где трава выше и сочнее, и стали косить. Вдруг, откуда ни возьмись, налетела туча, и стало темно, словно это не раннее утро, а поздний вечер. Не успели мы с сыном добежать до деревьев, как хлынул дождь, да такой проливной, что одежда на нас в считанные минуты промокла насквозь. Стоим мы под елью и не знаем – домой бежать или в лесу ненастье переждать, а дождь тем временем все усиливается. Вдруг видим, из зарослей кустарника

выходит сохатый, наклонил голову с рогами и идет тараном на нас, а через секунду-другую лосиха с лосенком из леса выходит... Ну, думаю, все – поминай, как звали... «Лезь, – кричу сыну, – на ель, пока лось на рога не поднял...» Едва успел я это произнести, как в сохатого словно бес вселился...

Разговоры между людьми затихли, и все с интересом стали слушать старика.

– И чем дело закончилось? Убегли?.. – поинтересовался Егор.

– Как ты от сохатого убежишь?.. – усмехнулся Епифан. – Правильно Илья говорит – на дерево надо было лезть.

– Так мы и сделали, – кивнул рассказчик. – Едва мы с Константином забрались на ель, как лось подбежал к ней и стал упираться лбом в ствол дерева, пытаясь скинуть нас оттуда, всю землю копытами под елью перерыл...

– Да, попали вы в переделку... – покачал головой Иван. – И что дальше?

– Думали – век на той ели сидеть будем, не уходит сохатый, и все тут, к тому же гроза не на шутку разыгралась, молния сверкала такая – будто прожектором небо освещало...

– Не следовало вам на ели сидеть, молния часто в деревья попадает, – заметила Наталья.

– То-то и оно! – кивнул Николайчук. – Но слезть с нее мы тоже не могли: под елью караулил сохатый. Как нас с Костиком не убило молнией – не знаю, только просидели мы на дереве до самого вечера. Думали, ночевать в лесу придется...

– А лось что, все это время не уходил? – любопытствовал Варенков.

– Пас нас сохатый весь день, бегал кругами вокруг ели, всю кору на ней рогами ободрал, до сих пор на ней отметины остались...

Илья умолк. Люди с тревогой вслушались в шум дождя, сделавшего их узниками амбара. Ветер неистово завывал за стенами постройки, грозя разнести ее по бревнышку. Несметные потоки воды, с шумом низвергавшейся с небес, безжалостно барабанили по крытой деревом крыше и ручьями стекали на землю, которая не в состоянии была впитать такое количество влаги.

– Светопреставление, – съежилась Екатерина. – Хоть бы крыша выдержала, не то вся наша работа насмарку пойдет...

– Не каркай!.. – сердито оборвала ее Ольга и поплевала через левое плечо.

Дубов с грустью глянул на счетовода и понял, что отчет им проверить не удастся.

– Что ж, – вздохнул мужчина, – коль мы с Епифаном застряли в амбаре, значит, поступаем, бригадир, в твое распоряжение...

– Прекрасно, лишняя пара мужских рук нам не помешает, – улыбнулась Пелагея.

– Пусть поработают, а то сидят в конторе и только и делают, что чужие трудодни считают... – съязвила Степанида.

– Верно! – кивнула Наталья Дропегина. – Пусть поработают, глядишь, что дельное на ум придет...

Люди оживились и с новыми силами приступили к работе, женщины украдкой поглядывали на главу колхоза и не переставали удивляться его проворности.

– Смотри, Петр Иванович, не надорвись... – принимая из рук мужчины увесистую охапку льна, улыбнулась Степанида.

– Не волнуйся, сдюжу! – заверил ее председатель.

– Если б нам каждый день такая помощь – мы б не то, что в области, в стране самыми передовыми были, – рассмеялась Екатерина.

Ближе к утру порывы ветра стали стихать, и ливень прекратился. Обсохшие за ночь вороны осмелели и возобновили бандитские налеты на людей.

– Посмотри, что делают... – отмахиваясь от докучливых птиц, произнес Гужель. – Принесла ж их нелегкая...

Вороны громко крукали и, словно обезумевшие, метались под крышей постройки, пытались вырваться на волю. Николайчук глянул на напарника и заметил:

– Что – не нравится? А недавно ты их защищал...

– Ну и что? Я же не знал, что они будут так нагло себя вести, – отмахнулся Гужель.

Женщины с опаской посматривали на птиц, не дававших спокойно работать.

– Все, мужики, выкуривайте их отсюда – всю голову задурили... – в сердцах произнесла Степанида.

Мужчины переглянулись – птицы действительно довольно сильно надоели, оставлять их в помещении было невозможно.

– Говорил же, что хорошего от них ожидать нечего, – заметил Илья. – Хорошо, если на этом все наши неприятности закончатся. А что, если это только начало?

– Не стражай! – приструнил старика Дубов. – А ну, мужики, раскройте двери и гоните отсюда этих тварей!

Епифан подбежал к входной двери и попытался ее открыть, но деревянные створки двери разбухли от влаги и, словно щит, заблокировали вход в здание. «Что за чертовщина?» – растерялся счетовод. Бортников уперся плечом в одну из половин двери и повторил попытку – результат был тот же.

– Мужики, подсобите!.. – крикнул счетовод. – С этой дверью что-то неладное: то сама раскрывается, то с петель сорвалась, а теперь не желает открываться...

– А я о чем толкую? – ухмыльнулся Илья. – Это ж ворон – вещая птица, он просто так в жилье не полетит и кричать над головой не будет...

– Тьфу ты, снова за свое, – вспылил счетовод.

– Хватит, мужики! Не хватало еще рассориться... Гоните прочь этих гадов! – в сердцах произнес председатель.

– Куда гнать-то? Дверь не открывается... – ответил Епифан.

– Не открывается, говоришь? – Дубов подошел к Бортникову, уперся плечом в дверь и, скомандовав «А ну, поднажми!», со всей силы толкнул ее.

Створки надрывно заскрипели, но остались на месте.

– Надо же... – озадаченно произнес председатель. – А ну, мужики, толкните!

Мужчины поспешили на помощь главе колхоза и общими усилиями попытались открыть дверь. Одна из створок поддалась и слегка приоткрылась.

– Почему она не открывается? – заинтересовался Дубов и через образовавшуюся щель попытался рассмотреть, что подпирает дверь снаружи... – Все, мужики, замуровало нас... – вздохнул председатель. – Помните, ночью за стеной что-то рухнуло? Так вот, это ива, которая росла у входа, ствол ее лег вдоль амбара, а ветвями она подпирает дверь.

– Елки зеленые... – растерялся Баренцев. – И что нам теперь делать?

– Придется нам, бабоньки, брать это дело в свои руки... – решительно произнесла Степанида.

Женщина подошла к Дубову, отстранила его и, прильнув глазом к дверному проему, произнесла:

– А ну, председатель, подай мне грабли...

Петр схватил стоявшие рядом с дверным косяком грабли и протянул женщине. Степанида взяла инструмент, просунула его в щель, захватила зубьями гибкую ветку ивы и, изловчившись, приподняла ее. Ветка качнулась и скользнула по створке, Степанида заметила это и толкнула плечом дверь, та жалобно заскрипела и открылась.

– Свобода!.. – радостно прокричал Иван и, схватив женщину, закрыл у входа.

– Отстань, окаянный! – стала отбиваться Степанида, пытаясь вырваться из рук механизатора.

– Ну, Степанида, ну, молодчина... – похвалил спасительницу председатель.

– Скажете тоже... – смутилась женщина и, вырвавшись из объятий Варенкова, выбежала на улицу.

Светало, над лесом золотисто-оранжевой полосой занималась заря. Певчие птицы, радуясь окончанию ненастья, весело щебетали в гуще прибрежных кустарников, в воздухе пахло сыростью и разнотравьем. Степанида перешагнула через лужу, образовавшуюся у входа в амбар и, посмотрев на иву, покачала головой. «Весь вход загородила...» – посетовала женщина. Мужчины взяли топоры, обрубили сучья дерева, перекрывавшие вход, открыли дверь и выгнали воронов. Пернатые с шумом вылетели и стали суматошно кружить над зданием.

– Дурная птица... – произнес Николайчук.

Старый ворон сделал очередной круг над постройкой, устремился вниз и, трижды прокричав над головой старика «кру», клюнул его в лоб.

– Ах ты, гад! – разозлился Илья. – Ты меня клевать будешь...

Ворон не обращал внимания на брань старика и продолжал клевать его и бить черными крыльями.

– Что ж это делается?.. – запричитала Степанида. – А ну, кыш отсюда! – женщина подняла с земли отломленную ветром ивовую ветку и стала размахивать ею над головой земляка, пытаясь отогнать наглую птицу.

– Чего это ворон так ополчился на Илью? – оторопела Щеглова.

– Незачем было о них гадости говорить, – ухмыльнулась Дропегина.

– Вот именно, – кивнул Гужель. – Ворон – птица умная, понимает, кто его любит, а кто – нет...

– Тоже мне – защитник нашелся... – насупился Николайчук. – За что их любить, за то, что беду на нашу голову накликали? – мужчина достал из кармана пиджака носовой платок и промокнул выступившую на лбу кровь. – Вот, полюбуйся, что этот гад наделал – чуть глаза мне не выклевал...

Пелагее стало жаль старика, она взяла у него носовой платок, смочила водой и приложила к ране.

– Ничего, заживет... – успокоила она мужчину.

Ворон сделал последний круг над амбаром и полетел к разрушенной часовне.

– Скатертью дорога! – глядя ему вслед, буркнул Илья.

– Надеюсь, на этом наши неприятности закончились, – произнес Егор. – Ночную смену мы отстояли, так что можем идти домой...

– Верно, – кивнула Пелагея.

Люди обошли поваленную ураганом иву и остановились в замешательстве. Из-за проливного дождя деревенская дорога превратилась в месиво грязи, по которой не то, что идти – на подводе ехать было трудно.

– Вот те раз! – присвистнул Баренцев. – Похоже, надо идти вплавь... – парень поправил на голове кепку и сделал шаг вперед, дорожная грязь обволокла его ступни.

Леонид с трудом вытянул из жирной жижи ноги и выбрался на поросшую травой обочину.

– Ну как – сплавал? – поддел его Гужель.

– Этот номер не пройдет... – в растерянности произнес Леонид.

– То-то, – шелкнул языком Егор.

Женщины с грустью смотрели на дорогу и не знали, как им быть.

– Пойдемте лугом, – предложила Шульга, – там хоть и сыро, но зато чисто...

– Правильно! – поддержала ее Пелагея. – Пойдемте вдоль реки, там дорога короче, а то, что сыро – так это не беда, на ногах – сапоги, так что переживать нечего...

Леонид очистил о мокрую траву кирзовые сапоги, поправил выбившийся из-под кепки чуб и весело запел:

– Не судите меня люди – неплохой я паренек, мое сердце женщин любит, и в душе есть огонек!..

– Артист... – улыбнулся председатель. – Смотри, за девками ухаживай, но границу не переступай, не то все вихры тебе повыдергиваю...

– Что вы, Петр Иванович, я тише воды и ниже травы... – улыбнулся парень.

– Молчал бы уж... – покачала головой Екатерина.

Пелагея посмотрела на вывернутую с корнем иву и попросила председателя направить бригаду мужчин, чтоб убрали от двери амбара дерево.

– Начнем возить лен – будет мешать, – пояснила женщина.

– Сейчас же зайду в контору и распоряджусь, чтоб распилили ее на дрова, – ответил Дубов.

– А что будем делать со льном, который остался на поле?

– Сначала надо посмотреть, что от него осталось, – с грустью произнес агроном.

– Верно, – кивнул председатель. – Вы, Пелагея Михайловна, ступайте сейчас домой, отдохните и часам к девяти утра приходите всей бригадой на поле.

– Хорошо, – кивнула бригадир.

– А как насчет подшипников? – напомнил Варенков.

– Помню, Иван, помню... – махнул рукой Дубов. – Не до них сейчас, закончим со льном – займусь этим вопросом.

– Помните, вы обещали...

– Обещал – значит, сделаю, – ответил Дубов и, окликнув агронома, поспешил в контору.

ГЛАВА 15

ЛУЧ СОЛНЦА, ПРОБИВШИСЬ сквозь ветви деревьев, скользнул по стеклу окна, проник в комнату и коснулся лица спящей Анастасии. Веки девушки дрогнули, она открыла глаза и взглянула на часы. Грузики часового механизма с шумом опустились вниз, устремив за собой железные цепи, дверь домика механической кукушки открылась, и птаха прокуковала пять раз. «Пора вставать», – вздохнула девушка, сбросила с себя одеяло, стащила со спинки стула платье, оделась и пошла умываться. Склонившись над тазом, она зачерпнула кружкой воду из ведра, налила на ладонь и плеснула себе в лицо – дрему словно рукой сняло. Настя взяла гребень, расчесала волосы, заплела их в косу, застелила постель и стала заниматься домашними делами. Сначала она разбудила отчима.

– Что – пора? – спросил Степан.

– Шестой час, умывайтесь, а я подою корову...

– Мать вернулась?

– Нет.

– Хорошо, встаю...

Мужчина дождался, когда входная дверь дома за девушкой закрылась, встал, надел галифе, умылся и собрался побриться. Подойдя к зеркалу, он глянул на свое отражение в нем и остолбенел – волосы на голове были седыми. В памяти мужчины ожили события прошедшего вечера: встреча со священником, древним витязем и сон, который он увидел, задремав на лавке у дома.

– Ну и дела... – растерялся Степан. – Что я скажу людям? Разве можно в такое поверить?

«Живи и помни!» – пронеслось в голове мужчины. Сердце Степана учащенно забилося, он разволновался и подумал, что надо постараться взять себя в руки и не поддаваться вражьи́м искушениям, как советовал ему отец Никодим.

Степан провел ладонью по белым, словно снег, волосам и стал бриться. «Нужно успокоиться и жить, будто ничего не произошло, – подумал мужчина, – все равно ничего не могу изменить...» Он смотрел на свое отражение в зеркале и не мог поверить, что это он. «Как старит человека седина, – отметил мужчина, – будто мне не сорок, а все шестьдесят...» Закончив утренний туалет, Степан вышел из дома, взял вилы и пошел чистить хлев. Он старался не показываться падчерице на глаза. «Еще перепугается...» – переживал мужчина. Очистив хлев, он взял охапку соломы и стал растрясать по полу.

– Завтрак готов... – услышал он голос Анастасии.

Степан открыл дверь хлева и посмотрел на падчерицу. Девушка увидела убеленного сединой отчима и опешила.

– Что с вами?.. – растерялась Настя.

Степан поставил у стены хлева вилы и ответил, что ничего особенного – просто поседел.

– Что – за одну ночь? – изумилась девушка.

– Да...

Настя смотрела на отчима и не верила собственным глазам. До сих пор она считала, что седина присуща только старости.

– Сколько в деревне таких, как я... – видя растерянность девушки, произнес Степан. – Дед Антось, баба Дуня, Митрофан – разве всех упомнишь...

– Так они же старые, – возразила Настя.

– И я не такой молодой... – ответил Степан.

– Но еще и не такой старый.

– Иногда волосы седеют независимо от возраста...

– Правда? – удивилась девушка.

– Например, вследствие пережитого горя или сильного потрясения...

– А вы что-то пережили? – поинтересовалась Настя.

– Считай, что да, иногда человек встречается с чудом, которое в его представлении может произойти только в сказке...

– Как это? – удивилась Настя.

– Оказывается, необычное случается не только во снах и сказках, но и в реальной жизни. Если это с тобой произойдет – прими это, как подарок судьбы. В детстве я верил в чудеса, а когда вырос и стал тому очевидцем – оказался не готов это принять, потому, видимо, и поседел...

– Что вы имеете в виду? – насторожилась девушка.

– Ничего... – отмахнулся мужчина.

Настя не дождалась объяснений и напонила отчиму, что пора идти завтракать.

– Иду, – ответил мужчина и, закрыв хлев на щеколду, пошел домой.

Вскоре с ночной смены вернулась Пелагея. Женщина поздоровалась с домочадцами, сняла вязаную кофту, повесила сушиться у печки и стала рассказывать о ночных приключениях. Анастасия с удивлением смотрела на мать и ждала, когда же она наконец заметит, что Степан поседел.

– Поешь, потом расскажешь... – усадив жену за стол, произнес Степан.

Пелагея замолчала и внимательно посмотрела на мужа... Только сейчас она заметила, что Степан – седой.

– Что с тобой? – опешила женщина. – Вчера утром ты ушел на работу черноволосым...

– Мне пора на работу, вернусь – поговорим... – ответил Степан и, взяв приготовленную падчерицей перекуску, направился к двери.

«В двух словах объяснить я все не могу, а на более обстоятельный разговор нет времени», – подумал мужчина и вышел из дома.

Пелагея проводила мужа недоуменным взглядом и посмотрела на дочь.

– Мне известно не больше, чем тебе, – пояснила Настя. – Он сказал, что такое бывает...

– Да, но что надо было пережить, чтоб за ночь поседеть?

– Не знаю, – пожал плечами девушка, – говорил, что в жизни бывают чудеса и что надо быть к ним готовыми...

– И все же интересно, что произошло? – не могла успокоиться хозяйка.

– Это известно только ему, он вообще вернулся с работы какой-то странный...

– Правда? – встревожилась Пелагея.

– Я ждала его до самой ночи, беспокоилась – не случилось ли что. Он вернулся, сел на лавку и заснул.

– Что же здесь удивительного? Устал... – ответила хозяйка.

– Так-то оно так, только кричал он во сне что-то...

– Кричал? Может, случилось что... – забеспокоилась Пелагея.

– Не знаю, вернется с работы – расскажет...

Пелагея взяла ломоть хлеба, подвинула тарелку и стала завтракать. Она благодарила судьбу за прекрасную дочь.

– Вкусно... – похвалила она дочку. – Уроки выучила?

– Да.

– Часок отдохну – и пойду на поле.

– Ты же только что с ночной смены...

– Что поделать – в Заречье остался не вывезенным лен, нужно спасать...

Настя поцеловала мать и стала собираться в школу. Она понимала, что пора стоит горячая, и каждая пара рук на счету. «Как она выдерживает такую нагрузку? – удивлялась девушка. – Двужильная, что ли?» Настя посмотрела на худощавые, исколотые льном руки

матери, и сердце ее сжалось от боли. «Ей даже отдохнуть некогда, вот что значит быть коммунистом...»

Входная дверь дома хлопнула, и в комнату со школьной сумкой в руке вбежала Коржакова.

– Привет! Готова? Пошли... – отдышавшись, произнесла девушка.

– Тише, разбудишь... – кивнув на заснувшую за столом мать, ответила Настя.

Тамара глянула на Пелагею и хихикнула.

– Чего смеешься?

– Твоя мать – как гусенок, наевшийся винных ягод, запрокидывает голову с закрытыми глазами, а потом клюет носом в тарелку...

– Ничего смешного, просто устала...

– Я все понимаю, только все равно смешно, – хихикнула Тамара.

– Помоги уложить ее на кровать...

Девушки взяли женщину под руки, довели до кровати и положили поверху покрывала.

– Пошли... – шепнула подруге Анастасия.

Девушки вышли на крыльцо и остановились – дорога от дома до проселочной дороги была размыта дождем.

– Придется добираться до школы вплавь, – заметила Коржакова.

Анастасия спустилась с крыльца и, стараясь держаться ближе к изгородям, стала пробираться к большаку. Пройдя несколько метров, девушка ухватила рукой за столб соседского забора и оглянулась назад – Тамара стояла на крыльце дома и смотрела на подругу.

– А может, ну ее, школу... – крикнула Коржакова.

– Брось, Томка, грязь – не повод, чтоб пропускать занятия. Гольдман за это по голове не погладит...

– Не стражай! – огрызнулась Тамара. – Не то, чтобы я его боялась, просто он вредный, обязательно отыграется, а я по окончании школы хочу уехать в город.

– Так тебя из колхоза и отпустили... – ухмыльнулась Анастасия.

Тамара с обидой глянула на подругу и, раздосадованная тем, что не смогла убедить ее остаться дома, последовала за одноклассницей.

– Ну и вредина же ты... – пробираясь вдоль изгородей, недовольно бурчала Коржакова. – Чего мальчишки за тобой бегают?

Девушки добрались до усадьбы Пантюшиных и у калитки встретились с хозяином. Старик поздоровался с соседками и пошел вместе с ними.

– Чудно... – заметил мужчина. – По грязи прошли, а сапоги не замарали. На крыльях летели, что ли?

Настя победоносно посмотрела на Тамару и с гордостью произнесла:

– Вот видишь, и сапоги чистые, и занятия в школе не пропустим.

Коржакова насупилась и в отместку ущипнула подругу.

– Это чтоб ты не выпендривалась, – с вызовом заявила девушка.

– Ну, знаешь, это уже чересчур... – обиделась Настя и, попрощавшись с соседом, пошла в школу.

Старый охотник с укором посмотрел на Тамару и покачал головой.

– Дружба, дочка, одно из самых прекрасных чувств, которыми жизнь наделила человека, научись ценить ее, извинись перед подругой и впредь не огорчай ее.

Тамара понимала, чтохватила лишку.

– Не переживайте, я мигом догоню ее и помирюсь, – заверила старика девушка.

– Вот и хорошо, не давай возможности злу одержать над собой верх. Помни: того, кто себя принижает во благо других, жизнь возвышает...

– Как это? – удивилась Тамара.

– Так... Не поступай с людьми грубо и бесчестно, помни, что ты вправе постоять за себя и за тех, кто нуждается в твоей защите и опеке...

Старый охотник попрощался с девушкой и поспешил в правление колхоза. Тамара стояла посреди дороги и смотрела старику вслед, размышляя над его словами.

– Чего стоишь? Пошли... – услышала она голос Григория Писаренко.

Девушка повернула голову и увидела одноклассника. Парень стоял на обочине дороги и, потирая ногу о ногу, обмывал в луже сапоги.

– Отвяжись! – огрызнулась Тамара.

Парень вышел из лужи, вытер о траву сапоги и побежал в школу. Тамара последовала за ним.

ГЛАВА 16

ДО НАЧАЛА УРОКОВ оставалось совсем немного времени. Гольдман, словно часовой на посту, стоял на крыльце школы и придирчивым взглядом провожал всех, входивших в здание. «Ох уж эта распутица, – злился мужчина, – весь пол грязными сапожищами затопчут...» Увидев Анастасию, директор с удивлением посмотрел на чистую обувь девушки и подозвал ее к себе.

– Вас подвезли? – поинтересовался мужчина.

– Нет, а почему вы спрашиваете? – смутилась ученица.

Гольдман заложил руки за спину и обошел вокруг девушки.

– Как вы умудрились не запачкать сапоги? – полюбопытствовал мужчина.

«Не могу понять, что ему нужно? – разволновалась Настя. – Грязная обувь – плохо, чистая – тоже не хорошо».

– Просто старалась обходить грязь... – ответила девушка.

Директор взял ее за руку, вывел на середину крыльца и, обращаясь к стоявшим у входа ученикам, заявил:

– Вот наглядный пример того, каким должен быть ученик страны Советов!

Школьники притихли и посмотрели на отличившуюся старшеклассницу. Гольдман недовольно глянул на испачканные глиной сапоги учеников и в назидание им заявил:

– Образованный человек во всем должен быть аккуратным... Много в жизни мы делаем для себя, а свой внешний вид должны соблюдать в чистоте и порядке для себя и тех, кто нас окружает. Сегодня одна-единственная ученица смогла преодолеть путь от дома до школы, не испачкав одежду и обувь... Молодец, Устиненко! Я слышал, что вы мечтаете стать педагогом. Это правда?..

– Да, – кивнула девушка.

– Вы достойно себя ведете и хорошо учитесь – это похвально, старайтесь и впредь быть примером для других. Может, в недалеком будущем нам с вами предстоит стать коллегами...

Гольдман пристально посмотрел на Анастасию.

– Ну-с, я вас больше не задерживаю, – произнес мужчина, – сегодня благодаря вам многие ученики нашей школы получили должный урок. Помните, что личный пример учителя – самое убедительное средство для воспитания учеников... – Гольдман спустился с крыльца и пошел в школьную лабораторию, расположенную во флигеле.

Анастасия проводила директора взглядом и поспешила в класс. Едва она вошла в школу, как нос к носу столкнулась с Константином Николайчуком. Глаза молодых людей встретились, и в их сердцах вспыхнули незримые искры. Анастасия зарделась румянцем и, поздоровавшись с парнем, горделиво прошла мимо. Костик, словно загипнотизированный, стоял у входной двери и смотрел однокласснице вслед. «Обернись, обернись!..» – мысленно просил парень, но девушка дошла до двери классной комнаты и вошла внутрь. «Увы!.. – вздохнул Константин. – Ты можешь сколько угодно пытаться обратить на себя ее внимание, но пора признаться, что ты не в ее вкусе».

Анастасия вошла в класс, поздоровалась с одноклассниками, подошла к своей парте, поставила на сидение школьную сумку, открыла крышку стола и ахнула. Внутри парты лежали три большие желтые груши. Девушка разволновалась и осмотрелась по сторонам. «Откуда они взялись? – растерялась Настя. – Хорошо, что Томки нет, иначе бы опозорила». Настя достала из школьной сумки учебник и тетрадку и положила на их место фрукты. Едва она закрыла портфель, как в класс вошел Костик. «Может, это он?.. – подумала девушка. – Наверяд ли, скорее всего, это Рыжик или Седельский, а вообще какое мне дело до того, кто это сделал? Зачем я положила груши в портфель? Надо было оставить их в парте...» Настя представила,

как Тамара входит в класс, случайно открывает ее парту и находит там фрукты... «Этого только не хватало... – спохватилась девушка. – Хуже даже представить себе трудно...» В школьном коридоре послышались быстрые шаги, и в класс, запыхавшись, вбежала Коржакова. «Легка на помине...» – подумала Настя и, открыв учебник, уткнулась в него глазами. Тамара стремительно подошла к парте, небрежно бросила на сиденье школьную сумку и вызывающе заявила:

– Ну что – на много ты меня обскакала?..

Настя пропустила мимо ушей слова подруги. Тамара открыла крышку парты, сдвинула на середину сидения свою школьную сумку и села.

– Ты что – в рот воды набрала? – заносчиво произнесла Коржакова. – Эй, я с тобой разговариваю...

Тамара наклонилась и попыталась заглянуть в лицо Анастасии. В этот момент в класс вошел Гольдман. Директор положил на стол журнал успеваемости и окинул учеников взглядом. «Рудакова и Голованова отсутствуют», – отметил учитель. Раздался стук в дверь, и в класс, запыхавшись, вбежали Фаина и Зинаида. Толкая друг друга, девушки прошмыгнули мимо учителя и сели за парту. Гольдман недовольно глянул на старшекласниц.

– Ну, сейчас он им покажет!.. – шепнул Рыжаков соседу по парте.

– Отвали!.. – огрызнулся Седельский.

Гольдман взял стул и, убедившись, что его сиденье чистое, сел за стол. В классе воцарилась тишина...

Урок истории был одним из любимых предметов учеников школы. Гольдман хорошо знал историческую науку и умел разжечь интерес к преподаваемому предмету. Сегодняшнего урока старшекласники ждали с нетерпением. Константин Николайчук попросил у директора книгу об отечественной войне 1812 года и обещал поделиться своими впечатлениями с одноклассниками. Гольдману льстило желание Константина стать учителем истории, его стремление глубже изучить предмет, поэтому он охотно поддержал юношу. Абрам Романович хотел узнать, почему ученик так интересуется этой темой, поэтому с нетерпением ожидал начала урока.

– Сегодня мы приступаем к изучению нового материала, но рассказывать о событиях тех дней буду не я, а ваш одноклассник – Константин Николайчук.

Слова директора взволновали юношу. Гольдман внимательно посмотрел на парня и продолжил:

– Отечественная война 1812 года вошла в историю как национально-освободительная война России против наполеоновской Франции. Однажды мы уже касались этой темы. Тогда я вам рассказывал о героическом подвиге русского народа, сплотившегося в борьбе против наполеоновской армии за освобождение Отчизны. Хотелось бы убедиться, что вы запомнили имена героев этой войны...

После этих слов учителя класс заметно оживился. По поведению учеников нетрудно было догадаться, что многие чувствовали себя неуютно. Кто-то опустил глаза и старался не смотреть на учителя. Кто-то нервно заерзал на сиденье и стал перелистывать страницы учебника, пытаясь отыскать нужную тему. Иные – тихо перешептывались, пытаясь вспомнить фамилии полководцев и героев отечественной войны 1812 года. Заметив растерянность учеников, директор обратился к Константину Николайчуку:

– Ну-с, молодой человек, прошу вас к доске! Надеюсь, вы внимательно прочли книгу...

– Да, – встав из-за парты, ответил Константин.

– Тогда прошу!..

Парень вышел к доске и, собравшись с мыслями, начал рассказ:

– Когда Наполеон понял, что ему не удастся политически и экономически закабалить Россию, он стал готовиться к войне. Для осуществления своей цели в начале 1812 года он заключил союзы с Австрией и Пруссией, обязав их выставить для участия в военных действиях

вспомогательные корпуса. За участие в походе Наполеон обещал союзникам отдать часть России, что сподвигло их выступить на стороне Франции. Для вторжения в Россию была сформирована «Великая армия», около половины которой составляли австрийцы, немцы, поляки, итальянцы, швейцарцы, хорваты, португальцы и другие народы Западной Европы. Армия Наполеона состояла в основном из крестьян, солдаты имели доступ к офицерским должностям и были полны решимости в любое время вступить в военные действия. У России для подготовки к войне с Францией было мало времени, русская армия формировалась путем рекрутских наборов и тоже главным образом состояла из крестьян. К марту 1812 года общая численность русской армии составляла 590 тысяч 973 человека. Притом на Западном театре к началу военных действий удалось сосредоточить только 230 тысяч человек и всего около 1000 орудий, так как значительная часть полевых войск России в то время находилась в Молдавии, Крыму, Новороссии, на Кавказе, в Финляндии и во внутренних районах...

По мере рассказа Константин все больше увлекался. Скванность, которую он испытывал в первые минуты выступления, прошла, его руки ожили, и он начал активно жестикулировать ими, акцентируя свою речь. Гольдман с удивлением наблюдал за преображением юноши. На глазах у класса простой деревенский паренек в считанные минуты превратился в настоящего оратора.

– План Наполеона состоял в том, чтобы скрытно сосредоточить на территории Варшавского герцогства и Восточной Пруссии «Великую армию», молниеносным ударом в приграничном сражении разгромить уступающие в численности русские войска и вынудить Россию заключить позорный мир... – продолжил юноша.

– У, корсиканишка поганый... – невольно вырвалось у Михаила Савчука. – Правильно, что получил по носу, нечего было лезть, куда не след... – парень угрожающе потряс кулаком и ударил им по парте.

От резкого звука все в классе вздрогнули, в комнате раздался храп, и что-то рухнуло, словно на пол уронили мешок с песком. Сначала никто не понял, что произошло. Ученики стали оглядываться, пытаясь выяснить, что упало. Гольдман посинел от злости и подошел к парте, за которой сидели Устиненко и Коржакова. Бледная, как полотно, Настя пыталась дотянуться до упавшей на пол подруги. Ощувив на себе суровый взгляд директора, девушка выпрямилась и, подняв правую руку, взволнованно произнесла:

– Абрам Романович, она нечаянно... Разрешите, я ей помогу...

Только теперь до учеников дошло, что глухой звук, который они слышали, был вызван падением Коржаковой, умудрившейся заснуть на уроке. От падения на пол девушка проснулась и, сев за парту, буркнула:

– Разрешите поднять учебник, я его уронила...

Гольдман был вне себя от ярости, губы мужчины плотно сжались, превратившись в тонкую щель, отчего выражение его лица стало зловещим.

«Опять Коржакова! Не девчонка, а сущее наказание... – с трудом сдерживая гнев, подумал директор. – И родителей в школу не вызовешь – сирота, а с бабки что взять – стара, вот и воспитывай девчонку, как хочешь... Сколько раз говорил с ней – все без толку! А делать что-то надо...»

Тамара, не дожидаясь разрешения учителя, подняла раскрывшийся при падении учебник и положила на парту. Гольдман подошел к девушке и сурово посмотрел на нее. Тамара поняла, что хорошего ждать нечего. «Угораздило же меня заснуть на уроке...» – расстроилась девушка.

– Коржакова, встаньте! – вне себя от гнева, произнес учитель.

Тамара, повинувшись приказу директора, нехотя встала из-за парты. Распрямившись во весь рост и расправив свои широкие, почти мужские плечи, девушка стояла перед директором, как гора рядом с низким курганом. Гольдман очередной раз подивился крепкой сбитой фигуре ученицы, которую вполне можно было принять за взрослую женщину.

«Да... – подумал мужчина. – Эта может любого мужика в бараний рог скрутить...»

Директор посмотрел на сильные руки ученицы, ее широкую крепкую ладонь, которая заметно отличалась от его мелкой узкой ладошки, и неожиданно для себя почувствовал зависть к жизнеутверждающей силе ученицы. От осознания ее физического превосходства Гольдману стало не по себе. Его раздражение на фоне неудовлетворенности собственным несовершенством возрастало с каждой секундой.

– Коржакова! – гневно выпалил Гольдман. – Как вы прикажете это понимать?..

Тамара понурилась, стараясь не смотреть учителю в глаза.

– Я вас спрашиваю... – продолжал наступать директор. – Потрудитесь объяснить, как вы умудрились заснуть на уроке...

Тамаре легче было провалиться сквозь землю, чем отвечать на заданный вопрос. Девушка от стыда не знала, куда девать свои руки, потому ковыряла ногтями крышку парты. Поведение девушки вызывало все большее раздражение у директора школы.

– Прекратите портить школьное имущество! – визгливо прокричал Гольдман. – Ответьте, о чем сейчас шла речь?..

Гольдман почувствовал, что готов ударить девушку – настолько она раздражала его. Пытаясь выпутаться из сложившейся ситуации, Тамара повернула голову и заглянула в раскрытый учебник Анастасии, пытаясь прочесть, что там написано...

– Об Отечественной войне 1941 года... – не задумываясь о том, что говорит, произнесла девушка.

Слова Тамары прозвучали, словно пушечный выстрел. Гольдман выпучил глаза от обьявшего его ужаса. «С ума сошла, – подумал мужчина, – это же надо такое сказать...» Учитель хотел возмутиться, но его охватила такая паника, что он не смог проронить ни единого слова. Каким-то шестым чувством мужчина ощутил, что это может быть правдой.

– Совсем очумела, – шепнул соседу по парте Дмитрий Веселовский.

– Ну и выдала... – опешив, покачал головой Семен Селистратов.

Тамара понурилась и искоса поглядывала на раскрытый учебник Анастасии. «Что я такого сказала, что они на меня так уставились?» – недоумевала девушка. Настя перевела взгляд с подруги на учебник истории и выскочила из-за парты, будто вместо книги увидела ядовитую змею. Тамара взяла злополучный учебник и протянула его директору.

– Вот, смотрите – здесь это написано... – побледнев, пролепетала девушка.

Гольдман взял книгу и не поверил своим глазам – на месте заголовка изучаемой темы кровью было выведено: «Отечественная война 1941 года». Далее надпись прерывалась, и к краю страницы вели кровавые пятна. Директор испугался и захлопнул книгу. Ученики поняли, что в учебнике написано что-то из ряда вон выходящее. В одно мгновение старшеклассники сорвались со своих мест и, толкая друг друга, бросились к учителю.

– Это что такое?! – гневно прокричал директор. – Кто вам разрешил встать из-за парт? Живо по местам!..

Не успев рассмотреть, что написано в учебнике Насти, раздосадованные ученики вернулись на места.

– Я сейчас... – стараясь сохранять самообладание, произнес директор и вышел из комнаты.

В классе поднялся настоящий переполох. Школьники обступили Тамару и Настю и засыпали их вопросами, пытаясь дознаться, что написано в учебнике. Героини дня смотрели на одноклассников и не могли проронить ни слова, настолько потрясла их кровавая надпись в книге. Фаина помахала перед глазами подруг своей изящной ладошкой и, не дождавшись ответа, махнула рукой:

– Полный ступор!.. Можно брать за ноги и выволакивать из класса – ни на что не реагируют. Сидят, будто не живые...

– Это мы сейчас проверим... – оживился Рыжик. – Эй, чудо гороховое, – обратился он к Коржаковой, – что ты там увидела?.. – парень резво перепрыгнул через соседнюю парту, подбежал к Тамаре и ущипнул ее за плечо.

– Ай!.. – вскрикнула девушка.

– О, живая!.. – улыбнулся Виктор.

Тамара вышла из оцепенения, гневно глянула на обидчика и, вскочив из-за парты, дала парню оплеуху.

– Вот это ударчик! – ухмыльнулся Дмитрий Веселовский. – До сих пор звон в ушах стоит...

Тамара воинственно посмотрела на одноклассника.

– А ну, замолкни, не то сам схлопочешь! – пригрозила девушка.

– Чего завелась? Ты на самом деле ему мастерски врезала, – попытался оправдаться парень.

– Уймись, Томка, весь класс взбудоражила... – приструнила подругу Зинаида.

– Посмотрела б я, какой ты была бы, если б увидела что-нибудь подобное... – огрызнулась Коржакова.

Ученики в классе с любопытством посмотрели на Тамару.

– Правда, девчонки, что вы там прочитали?.. – поинтересовался Стригунок.

Тамара хотела рассказать одноклассникам о том, что увидела, но Анастасия не позволила ей этого сделать.

– Не смей, Томка! – остановила ее девушка. – Оговорилась она, не подумала, что сказала, отстаньте...

– Чего ты раскомандовалась? – возмутилась Коржакова. – Кто ты, чтоб указывать мне?..

Анастасия многозначительно посмотрела на подругу:

– Не дури, Томка! И так проблем выше крыши...

Тамара нехотя села за парту и громко хлопнула крышкой. Ученики вернулись на свои места и, раздосадованные тем, что им не удалось ничего выяснить, переговариваясь, стали дожидаться директора.

ГЛАВА 17

СПЕШНО ПОКИНУВ КЛАСС, Гольдман вбежал в свой кабинет, закрыл изнутри дверь на ключ, открыл учебник Анастасии и посмотрел на злополучную страницу – кровавая надпись на глазах у мужчины стала постепенно бледнеть, очертания букв расплываться, и едва он успел прочитать ее до конца, как надпись исчезла. Гольдман не мог придти в себя от потрясения.

«Не может быть...» – опешил мужчина.

По телу директора пробежала холодная дрожь, руки его затряслись, и он в испуге отбросил книгу в сторону.

«Это чей-то глупый розыгрыш... – попробовал успокоить себя мужчина. – Должно быть, это Коржакова... Хотя как она могла это сделать... Чтобы сотворить такое, познаний в химической науке на уровне деревенской семилетки недостаточно. Я отчетливо видел, что фраза была написана не химическим карандашом и не чернилами, а кровью...»

Гольдмана сковал страх, он в изнеможении сел на стул и схватился руками за голову, мысли его хаотично меняли друг друга, но ответа на вопрос, куда подевалась надпись, он не находил.

«Живи и помни...» – пронеслось в голове директора. Мужчина в испуге вскочил со стула и с опаской огляделся вокруг.

– Кто здесь? – нервно прокричал директор.

«Живи и помни...» – вновь запечатлелось в голове мужчины.

По телу директора пробежали мурашки... «Похоже, я начинаю сходить с ума, – в растерянности подумал мужчина. – Ничего удивительного, эти детки кого хочешь могут до сумасшествия довести. Все, хватит! Надо взять себя в руки, вернуться в класс и сделать вид, что ничего не произошло». Гольдман поднял с пола учебник истории, открыл дверь и хотел выйти из кабинета...

«Она назвала 1941-ый – это же следующий год...» – похолодел мужчина.

Дыхание у Гольдмана перекрыло, он хотел сглотнуть, но во рту так пересохло, что он с трудом смог пошевелить языком. В памяти мужчины вновь всплыла кровавая надпись, и он отчетливо осознал, что это предупреждение о наступлении тяжелых времен.

– Воды... – прошептал директор.

Мужчина, шатаясь, подошел к письменному столу, дотянулся рукой до графина, плеснул его содержимого в стакан и с жадностью выпил. Никогда еще колодезная вода не казалась ему такой вкусной.

«Такое ощущение, что воду кто-то подсластил... – мысленно отметил директор. – Странно...»

После выпитой воды Гольдману стало легче, он отдышался, поправил галстук и вышел из кабинета. В школьном коридоре царили тишина и полумрак, вымытый пол пахнул смолистой древесиной, из-за закрытых дверей классов доносились голоса учителей и учеников. Гольдман прошел в конец коридора, подошел к двери выпускного класса и, удивившись, что в комнате тихо, открыл дверь. При виде главы школы старшеклассники дружно встали. Директор окинул школьников взглядом и, взяв себя в руки, произнес:

– Садитесь!..

Гольдман подошел к учительскому столу, положил на него учебник истории и заявил:

– По причине болезни завуча школы вторым уроком у вас будет история, после перемены мы продолжим изучение начатой темы, а пока – все свободны...

Раздался звон колокольчика, в школьном коридоре послышались шум и хлопанье дверей. Директор стоял у раскрытого окна класса и размышлял о случившемся: «Что, если это станет известно в райкоме партии? – нервничал мужчина. – Ерунда, а неприятностей может

быть выше крыши, так ведь и врагом народа могут объявить...» От этой мысли Гольдману стало не по себе. Старшеклассники в недоумении смотрели на директора и не знали: идти им на перемену или оставаться в классе. Василий Красько не выдержал, поднял руку и спросил:

– Абрам Романович, можно выйти?..

Гольдман вздрогнул и с удивлением посмотрел на парня.

– Конечно, сейчас ведь перемена... – мужчина недовольно глянул на Тамару и Анастасию.

– Устиненко и Коржакова, пройдемте в мой кабинет!

Девчата переглянулись и последовали за директором. Ученики дождались, когда директор и одноклассницы выйдут, и выбежали во двор.

– Не завидую я им... – покачал головой Николай Седельский.

– Мне тоже их жаль, – кивнул Рыжик. – Хоть Томка и вредная, но она просто ошиблась, ляпнула, не думая, что пришло в голову, а Настьке теперь отвечать...

– Не знаю, как вы, а лично я чуть дара речи не лишился... – признался Стригунок. – Помните, какой год она назвала...

– 1941-ый, – выпалил Дмитрий Мохов.

– Так это же следующий год...

– Да... – озадаченно почесал затылок Мохов.

В этот момент к одноклассникам подошел Константин Николайчук.

– О чем секретничаете?.. – поинтересовался парень.

– Томкин ляпсус обсуждаем, – ответил Рыжик.

– Да, ну и выдала... – покачал головой Костик.

– Она просто оговорилась, – вступился за одноклассницу Василий Красько. – Заснула на уроке, не расслышала, о чем ее спросили, глянула в книгу соседки и ляпнула что попало...

– С умыслом или без, а ерунду она смолола добрую... – заметил Костик. – Томке что? Сказала и забыла... Настю жалко – ни за что пострадала.

Прозвенел звонок, оповестивший учеников об окончании перемены, ребята прервали разговор и вернулись в класс. Они были убеждены, что неприятный инцидент исчерпан. Директор школы считал иначе, он устроил Тамаре и Анастасии настоящий допрос, требуя, чтоб девчата подробно воспроизвели в памяти все, что было связано с появлением на странице учебника таинственной надписи. Пытаясь разгадать тайну появления в книге кровавой надписи, мужчина нервно перелистывал страницы двух учебников истории, пытаясь уличить подруг в сговоре, но как он ни старался, а прицепиться было не к чему.

– Мистика какая-то... – раздраженно произнес Гольдман. – Если предположить, что надпись сделали не вы – тогда кто? – директор бросил на учениц испепеляющий взгляд.

– Не знаю, – пожала плечами Тамара.

– Но ведь кто-то ее написал!.. Ладно, договоримся так: вы, Коржакова, отвечая на заданный вам вопрос, оговорились и назвали 1941-й год случайно.

– Ясно... – кивнула девушка.

– О надписи, которую вы видели в учебнике истории, никому ни слова! Иногда маленькая ложь может стоять спокойствия и жизни многим. Вы поняли?..

– Да, Абрам Романович, – кивнула Настя.

– И, конечно же, о нашем разговоре никто не должен знать.

– Понятно, – кивнули девчата.

– Раз вам все понятно, значит, я вас больше не задерживаю...

Тамара и Анастасия забрали учебники и вышли из кабинета директора. На душе у них было тревожно.

– Неужели это правда? – взглянув на подругу, спросила Коржакова.

– Типун тебе на язык! – побледнев, ответила Анастасия и, стремительно пройдя по коридору, вошла в класс.

Тамара последовала за ней. Не успели девушки переступить порог комнаты, как их плотным кольцом окружили одноклассники.

– Наконец-то! – обрадовалась Фаина. – Рассказывайте, что директору было от вас нужно?..

– Ничего, немного повоспитывал и отпустил, – ответила Настя.

– А мы уж не знали, что думать... После того, как директор заглянул в твою книгу, стал сам не свой. Что он там увидел?

– Ничего...

Не успела Анастасия договорить, как в комнату с указкой в руке вошел Гольдман. Мужчина гневно глянул на девчат и подумал, что вовремя предупредил Устиненко и Коржакову, чтоб держали язык за зубами. Ученики сели за парты, и начался урок. Абрам Романович вызвал к доске Константина и произнес:

– Итак, молодой человек, хотелось бы узнать, кто из героев Отечественной войны 1812 года запомнился вам более всего и почему?

Константин на мгновение задумался и ответил:

– Прежде всего, я хотел бы назвать имя Михаила Илларионовича Кутузова, под командованием которого находилась русская армия численностью в 120 тысяч человек и около 200 тысяч ополченцев! С первых же дней баталии сказался его редчайший военный дар...

– И в чем же он, по-вашему, заключался? – поинтересовался Гольдман.

– В том, что, используя разбросанность войск Наполеона, Михаил Илларионович вел боевые действия против разрозненных гарнизонов и отрядов французов небольшими отрядами и в своей военной тактике широко использовал методы ведения партизанской войны. Армейские партизанские отряды Давыдова, Фигнера, Сеславина, Дорохова, Кудашева и других держали под контролем все дороги на Москву, доставляли Кутузову важные разведывательные данные и своими ратными подвигами вселяли панический ужас в сердца воинов армии Наполеона. Также я хотел бы отметить генерала-фельдмаршала Михаила Богдановича Барклай-де-Толли, генерала Николая Николаевича Раевского, генерала Петра Ивановича Багратиона... Особыми боевыми заслугами и храбростью в борьбе против наполеоновских орд отличились также гусары: Роман Иванович Багратион, Петр Христианович Витгенштейн, Сергей Николаевич Ланской, Ефим Игнатьевич Чаплиц, Давид Артемьевич Делянов, Андрей Александрович Ефимович и другие герои русского Отечества. Среди обер- и штаб-офицеров хотелось бы отметить Надежду Андреевну Дурову, Петра Петровича Лачинова, Павла Александровича Цыплядзева, Алексея Петровича Бурцова... Имена русских героев можно было бы перечислять еще, ведь практически весь русский народ восстал против иностранных завоевателей. Русские крестьяне считали, что вторжение войск Наполеона принесет им еще больше гнета и унижения, в этом их убеждала политика, проводимая французским командованием, которое пыталось переложить тяготы, связанные со снабжением «Великой армии», на плечи местного населения. Повсеместный гнев народа вызвали непрерывные грабежи, сопровождавшие наступление иностранных захватчиков, а также жестокие убийства и насилие над мирным населением. Михаил Илларионович Кутузов видел настроение русского народа и, умело сочетая политические и стратегические факторы, реализовал свой план борьбы с Наполеоном и его армией. Наполеон, беспрепятственно завоевавший Европу, потерпел поражение в бесславном походе против России...

– Так им и надо! – не сдержал своих эмоций Савчук. – Тоже мне, возомнил себя великим стратегом...

– Кого вы имеете в виду? – уточнил Гольдман.

– Наполеона... Кого же еще?

– Вон оно что... Тогда вы, безусловно, правы...

– Абрам Романович! В деревне говорят, что в нашем озере затоплен клад Наполеона, который он бросил, когда бежал из России... – произнес Виктор Рыжаков. – А еще говорят, будто курганы, что у озера, не природные, а насыпаны вручную над массовыми захоронениями погибших в Отечественную войну 1812 года...

Гольдман пристально посмотрел на парня.

– Откуда тебе это известно?.. – поинтересовался мужчина.

– Слышал, как мужики на рыбалке разговаривали...

Гольдман прошел между рядами парт и подошел к Виктору.

– Значит, говоришь, мужики разговаривали... А кто именно?

Седельский искоса глянул на друга и толкнул Виктора под партой ногой. Рыжаков опустил голову и, стараясь не смотреть директору в глаза, уклончиво ответил:

– Кто их знает... Туман был, я не разглядел.

– Значит, кто именно – ты не знаешь...

– Неа!.. – покачал головой Рыжик.

Гольдман побарабанил пальцами руки по парте и скомандовал:

– Рыжаков, встань!

Парень встал из-за парты и уткнулся глазами в пол.

– Посмотри мне в глаза! – приказал директор.

Парень оторвал взгляд от пола и с опаской посмотрел на мужчину.

– Так, говоришь, лиц их ты не разглядел...

– Неа!.. – подтвердил Рыжик.

– А по голосу опознать смог бы?.. – поинтересовался Гольдман.

– Я же сказал, что над озером стоял плотный туман, лодка с берега была не видна, не разобрал я по голосу, кто говорил...

Седельский не сводил с друга глаз. «Вот болван, – злился парень, – кто тебя тянул за язык? Выкручивайся теперь...»

– А вы знаете, что любой клад – где бы он ни был найден – является достоянием нашей страны и любая информация о месте его нахождения, скрываемая от властей, является преступлением и наказуема в соответствии с действующим законом?.. – пристально глядя на парня, произнес Гольдман.

Виктор не ожидал такого поворота дела.

– Так я же толком ничего не знаю... – попытался отвертеться парень. – Я только хотел уточнить, треп это или нет.

Константин понял, что надо выручать друга, и продолжил рассказ:

– Представляете, в наших краях проходили русские войска под командованием Багратиона, Барклай-де-Толли, геройски сражался корпус Витгенштейна, вели активные действия против неприятеля Чичагов и Торماسов, бывал даже царь Александр первый!..

Гольдман с нескрываемым интересом посмотрел на ученика, с воодушевлением рассказывавшим о героях войны 1812 года.

– Несмотря на величайшие трудности войны, – завершил свой рассказ Константин, – русская армия победила. По итогам войны потери русской армии составили 200 тысяч человек, а Наполеон за время похода в Россию потерял 550 тысяч человек.

– Так им и надо! – гневно буркнул Юрка Стригунов. – Нечего было лезть в Россию. Чего им дома не сиделось?..

Класс моментально оживился и загудел, как растревоженный улей. Ученики забыли, что сидят на уроке, и стали поносить ненасытных завоевателей.

– Правильно предупреждал в древности великий князь Александр Невский, что кто на святую Русь с мечом пожелает – от меча и погибнет! – заявил Михаил Савчук.

Гольдман призвал учеников к порядку, подошел к учительскому столу и окинул класс удивленным взглядом. Он был поражен, какой резонанс вызвал в сердцах учеников рассказ Константина.

– Что ж, молодец, – похвалил любимого ученика директор, – чувствуется, что книгу ты прочитал внимательно. А кто из героев Отечественной войны 1812 года тебе более всего близок?

– Денис Васильевич Давыдов, – ответил парень.

– Почему?

– Это был удивительный человек. С самого рождения он был наделен многими талантами. Денис Васильевич Давыдов обладал редким поэтическим даром, был хорошо знаком с Пушкиным и был близок с декабристами. В поэзии он явился создателем жанра «гусарской лирики», что повлияло на творчество самого Пушкина. В жизни Денис Васильевич отличался веселым нравом, был душой любой компании и дружеских бесед, а в боях отличался находчивостью, необыкновенной отвагой и храбростью. В начале войны 1812 года Денис Васильевич служил подполковником в гусарском полку и находился в авангардных войсках генерала Васильчикова. В августе 1812 года, за несколько дней до Бородинского сражения, Давыдов предложил Багратиону идею организации партизанского отряда. Его быстрые успехи в этом убедили Кутузова в целесообразности ведения партизанской войны, и именно Давыдов не замедлил дать ей самое широкое развитие. Одним из выдающихся подвигов Дениса Васильевича было дело под Ляховым, где он вместе с другими партизанами взял в плен двухтысячный отряд противника! Под городом Копысь он со своим отрядом уничтожил французское кавалерийское депо, разгромил неприятельский отряд под Бельничками и занял город Гродно. Кроме выдающихся ратных подвигов, Давыдов оставил после себя большое поэтическое и литературное наследие. По ценности сообщаемых данных его военные воспоминания имеют немалое значение для истории войны той эпохи.

Также я отметил бы Надежду Андреевну Дурову, которая еще задолго до войны в сентябре 1806 года бежала из родительского дома, в котором чувствовала себя чужой. Переодевшись в мужской казачий костюм, она выдала себя за дворянина и присоединилась к казачьему полку, назвавшись Александром Соколовым. Под этим именем, дойдя с казаками до города Гродно, она завербовалась в Коннопольский уланский полк. Узнав из письма ее отца о том, что она – женщина, царь Александр первый первоначально намеревался наградить ее и вернуть по просьбе отца в родительский дом, но после настоятельной просьбы Дуровой разрешил остаться ей в армии и повелел именоваться в честь своего имени Александровым. Император также приказал зачислить ее в аристократический Мариупольский гусарский полк. А узнав, что Надежда Андреевна спасла на поле боя жизнь офицера, он собственноручно наградил ее Георгиевским крестом. Эта ее награда – первый и единственный раз со времени учреждения этого главного воинского ордена России, когда он был вручен женщине. Надежда Андреевна Дурова прослужила в гусарах три с лишним года, а затем по ее просьбе была переведена в Литовский уланский полк. Отечественную войну 1812 года она встретила в чине подпоручика и вскоре за боевые заслуги была произведена в поручики. Сослуживцы Дуровой свидетельствуют, что ее храбрость не знала границ, эта удивительная женщина всю жизнь считала звание воина самым благородным из всех остальных. В армии она слыла столь отличным офицером, что была удостоена чести быть адъютантом Кутузова, пока не получила серьезную контузию в битве при Бородино. В 1816 году, прослужив в армии десять лет, Надежда Андреевна по просьбе отца вышла в отставку в чине штабс-ротмистра, но оставив воинскую службу, не сняла военного мундира и не отказалась от мужской роли, взятой на себя много лет назад. Даже с людьми, знавшими ее с детства, она говорила от мужского имени. Всю свою воинскую жизнь Надежда Андреевна вела подробные записи, из которых она со временем решила составить литературную автобиографию. Брат Дуровой был знаком с Александром Сергееви-

чем Пушкиным и сумел убедить сестру послать ему свои произведения. Пушкин, прочитав «Записки» Дуровой, признал за ней редкий литературный талант и пожелал быть их издателем. Выход в свет ее романа «Кавалерист-девица» взбудоражил всю общественность. Вслед за первой книгой Надежда Дурова написала и издала «Повести и рассказы» в четырех томах. В последние годы своей жизни она жила в Елабуге, ходатайствовала перед местными властями за тех, кто обращался к ней за помощью. Показательно, что из любви и сострадания к животным она превратила свой дом в приют для брошенных и увечных животных, а после своей кончины завещала называть себя Александром Андреевичем Александровым, тем самым именем, которого она сама для себя добилась и под которым прожила всю жизнь...

– Вот это женщина!.. – восторженно произнес Седельский. – За такой хоть в огонь, хоть в воду...

– Это точно, – согласился Григорий Писаренко.

Гольдман с гордостью посмотрел на Константина. «Я в нем не ошибся...» – подумал директор.

– Благодарим за интересный рассказ, – произнес мужчина. – Чувствуется, что вы внимательно прочли книгу. Хотелось бы, чтобы и другие ученики вашего класса столь же живо интересовались исторической наукой.

– Ребята, есть вопросы? – поинтересовался парень.

Класс молчал. Надоедливая муха, жужжа, билась об оконное стекло, пытаясь вырваться на волю. Раздался звон колокольчика, школьный коридор наполнился шумом, но никто из старшеклассников даже не подумал покинуть класс. «Надо же, как они присмирели, – удивился директор, – сидят, словно очарованные. Вот что значит сила слова...»

– Молодец! – похвалил оратора Гольдман. – Ты своим рассказом сделал то, что мне не удавалось на протяжении долгого времени.

– Я просто пересказал прочитанное, – ответил Константин.

Гольдман внимательно посмотрел на учеников и удивился, насколько изменились их выражения лиц – они стали серьезными и задумчивыми.

«Надо же, как их тронул его рассказ, – изумился мужчина, – похоже, из парня выйдет толк...»

Директор взял со стола журнал успеваемости и вышел из класса. Какое-то время в комнате царил тишина, рассказ Константина оставил в душах старшеклассников неизгладимый след – они словно повзрослели на несколько лет и смотрели на мир другими глазами. Ребята осознали, что мир, в котором они живут – весьма хрупок. Достаточно одному распыраемому нездоровыми амбициями властелину позариться на то, что принадлежит другому народу, и может вспыхнуть война – одна мысль об этом приводила школьников в ужас.

– А насчет Дуровой ты не приврал?.. – поинтересовался Семен Селистратов. – Не верится, чтоб молодая, воспитанная мамками да няньками девчонка, сбежала из дома в армию. Она что – других занятий себе не нашла?

– Что ты пристал к человеку? – возмутился Дмитрий Мохов. – Сказал же, что проходила она в мужском костюме всю жизнь и другой одежды не знала...

– И все же я хочу уточнить... – настаивал Семен. – Она что, никому из друзей не призналась, что она девица, а во время сражений рубилась наравне с мужиками?..

– Хочешь – верь, хочешь – нет, а я сказал правду, – ответил Константин. – В ее время многие отказывались в это верить, однако заслуг этой женщины это не умаляет. А воспитывали ее не мамы и няньки, а пожилой гусар Астахов, которому отец вверил свою дочь на воспитание. С малых лет девочка оказалась на попечении человека, который кроме военного дела ничего не знал, потому и пристрастил к этому свою малолетнюю воспитанницу. Он сажал ее на лошадь, давал играть с настоящим пистолетом и саблей, с малых лет выучил разным командам, и год за годом развил в ней воинские наклонности. Когда ей исполнилось двенадцать

лет, отец купил неукротимого черкесского жеребца, выездил его, назвал Алкидом и подарил дочери. Надежда полюбила коня и всей душой привязалась к нему. Втайне от матери по ночам она выводила любимца из конюшни в поле и скакала на нем. Она не любила женские занятия, а женская участь представлялась ей в весьма мрачных картинах...

– Неужели за всю жизнь она никого не полюбила? – поинтересовалась Фаина.

– Чисто женская логика... – ухмыльнулся Селистратов. – Кто о чем, а девчонки о лирике...

– А почему ты меня об этом спрашиваешь? – поинтересовался Константин.

Фаина залилась румянцем и тихо произнесла:

– Ну, как же? Она ведь живой человек, наверняка она кому-то симпатизировала... Она что – так и не вышла замуж? Тогда мне ее очень жаль...

– Я же говорю, кто о чем, а она о вздохах и поцелуях... – прокомментировал слова одноклассницы Селистратов.

– И вовсе не о вздохах и поцелуях, а о человеческой жизни, – вступилась за подругу Зинаида. – Что такого в том, что она поинтересовалась, была ли Дурова замужем? Вполне нормальный вопрос. Придет время, и ты, Селистратов, никуда от этого не денешься.

– Очень надо!.. – фыркнул парень.

Девчата переглянулись и с сожалением посмотрели на одноклассника, слова парня их задели.

– Это ты сейчас так говоришь, – с вызовом произнесла Роза, – посмотрим, что ты запоешь через несколько лет...

– Что с вами говорить? – махнул рукой Семен. – У вас одно на уме...

– Правда? – возмутилась Зинаида. – И что же у нас на уме?..

– Сами знаете! – отмахнулся парень.

– Что?

– То, что вы только и мечтаете, как бы скорее выскочить замуж!

Зинаида оторопела.

– Это кто ж тебе внушил такую чепуху? – поинтересовалась девушка. – А еще комсомольцем мечтаешь стать...

– Кто тебе сказал, что я этого хочу? – выпалил парень.

– Вот те раз... – опешил Константин. – Ну ты, Семка, даешь... Ты же сам мне говорил...

– Ничего я не говорил, – насупился Селистратов.

Константин не знал, что думать...

– Постой, давай разберемся: неделю назад ты спрашивал, когда будут принимать в комсомол...

– Что-то я этого не припомню, – побагровев, ответил Семен.

– Ну как же... Дня летом не проходило, чтоб ты ко мне не приставал с этим вопросом... Семен злобно глянул на Константина и сквозь зубы процедил:

– Видно, тебе это во сне приснилось.

– Ну надо же... – покачал головой Николайчук.

– Что ты ко мне привязался? Тоже мне – воспитатель нашелся... – насупился Семен.

Константин смотрел на одноклассника и не мог взять в толк, почему он так себя ведет.

– У тебя семь пятниц на неделе... – махнул рукой парень. – А насчет сердечных дел Дуровой, так она была влюблена... В возрасте четырнадцати лет она гостила у бабушки в Малороссии и познакомилась с сыном соседки-помещицы, которая даже слышать не хотела о женитьбе сына на бесприданнице. Кто знает, как сложилась бы жизнь интересующей вас особы, если бы она вышла замуж за любимого человека, но судьба распорядилась иначе...

– Такая удивительная женщина, и такая несчастная любовь... Ты что-то не дочитал, Костька... – с сожалением произнесла Роза.

– Я тоже думаю, что такая удивительная женщина не могла остаться одна, – заметил Стригунок.

– С одной стороны – ты прав, с другой – нет... – ответил Константин. – Родители забрали Надежду домой, и она, желая освободиться от материнского деспотизма, вышла замуж за местного чиновника. Вскоре у них родился сын, которого назвали Иваном, а через год Дурова ушла от мужа и вернулась в отчий дом.

– Через год? – удивилась Фаина.

– Да, – кивнул Константин.

– Вот и верь после этого девчонкам... – насупился Юрка. – Если такая легендарная женщина так поступила со своим мужем, что ожидать от других...

Старшеклассники оживились и стали бурно обсуждать поведение Дуровой в замужестве.

– Что-то послужило причиной ее ухода... – задумчиво произнесла Тамара. – Не могла она просто так бросить мужа...

– Что послужило тому причиной, не известно, – ответил Константин. – Описывая свою жизнь, Дурова ни единым словом не обмолвилась о бывшем муже и сыне.

– Ну и дела... – покачал головой Стригунок. – Как такое может быть, чтоб родная мать не упомянула о сыне?

– Не знаю, – пожал плечами Константин. – На словах она, может, и упоминала, но в литературных сочинениях – нет.

– Бедная женщина, – вздохнула Зинаида. – До чего ей опостылела женская доля, что она приняла решение взять на себя роль мужчины...

– Наверное, для этого были серьезные причины, – заметила Тамара.

– Женская участь представлялась Дуровой в весьма мрачных тонах, – произнес Константин. – В принадлежности к женскому полу она видела причину всех своих бед, потому решила выдать себя за мужчину и поступить на военную службу...

– И, надо сказать, не прогадала... – заметил Мохов. – Если б она этого не сделала, неизвестно, смогла бы Надежда проявить те качества, которые выявила в ней армейская жизнь...

– Безусловно, – согласилась Настя. – У каждого в жизни есть предназначение, важно правильно определить его и исполнить.

Разговор старшеклассников прервал шум в коридоре. Ребята узнали голос директора, который оживленно разговаривал с агрономом колхоза. Градов описал Гольдману события прошедшей ночи, те беды, которые натворил ураган в деревне. Абрам Романович внимательно выслушал его и заверил, что коллектив школы и ученики примут самое активное участие в устранении последствий стихии.

– Вот вам и конец высокой философии... – дослушав разговор мужчин, ухмыльнулся Семен.

– Обычные дела, – ответил Седельский, – от нас не убудет, в колхозе в две смены работают, а по ночам еще и комсомольцы помогают...

– Действительно, что ты зудишь... – пристыдила Селистратова Зинаида.

– А ты не слушай! – огрызнулся парень.

– Очень надо... – фыркнула девушка.

В этот момент в комнату вошел Гольдман.

– Все на месте... Замечательно! – обрадовался директор. – Сходите домой, переоденьтесь, и через полчаса я жду вас у правления колхоза, оттуда пойдём в Заречье.

– А что мы там будем делать?... – поинтересовался Рыжик.

– Собирать разбросанный ураганом лен.

– Понятно... – вздохнул парень. – Разрешите идти?

– Можете быть свободны, – ответил директор и вышел из класса.

– Осчастливил... – недовольно буркнул Семен.

Ребята взяли школьные сумки и поспешили домой, для сборов оставалось совсем мало времени...

ГЛАВА 18

ЕЩЕ ИЗДАЛИ ПАНТЮШИН увидел односельчан, толпившихся у крыльца правления колхоза. По шуму и возгласам, доносившимся до слуха мужчины, он догадался, что люди чем-то серьезно обеспокоены. Подойдя ближе, старый охотник убедился, что его подозрения не беспочвенны.

– Здорово, мужики! – поздоровался Михаил. – Председатель у себя?

– Где ж ему быть?.. Слышишь – указания дает, – ответил Федор Селистратов, протягивая Пантюшину руку для приветствия.

Кондратий Кудрешов, куривший под окном конторы самокрутку, кивнул Пантюшину и, откашлявшись, произнес:

– Тебе, я гляжу, тоже дома не сидится...

– Усидишь тут, ночью такое светопреставление было – до утра глаз не сомкнул. Какой ураган был! Я такого на своем веку не припомню...

– Никто из старожилов такого ненастья не помнит, – вынув «козью ножку» изо рта, заметил Антон Сивоха.

Дверь здания правления колхоза открылась, и на крыльцо, убитая горем, вышла Дарья Круглова. Женщина обхватила голову руками и во весь голос запричитала:

– Что же это, люди добрые, делается? Как это называется, когда честных граждан лишают нажитого добра...

– Никто тебя, Дарья, ничего не лишает, – выйдя на крыльцо вслед за женщиной, произнес Дубов. – Не ты одна в эту ночь пострадала, у нас кого ни возьми – сплошь утраты да разорение...

– О чем это она? – поинтересовался у Антона старый охотник.

– Шут ее знает, – пожал плечами мужчина. – Слышал – сказывала, что хорек у нее этой ночью всех кур погрыз, а ураган разворотил бревенчатый сруб, который был сделан вокруг колодца, и засадил внутрь стог сена.

– Вон оно что... – кивнул Пантюшин.

– А я, мужики, думаю, что не хорек это был, а ласка... – высказал предположение Федор.

– Нет, – возразил Пантюшин. – Это не ласка. Этот зверь кур потрошить не будет. Вот если молоко у коровы пропадет – тут совсем другое дело. Она не прочь молочком полакомиться...

– А может, это куница? – задумчиво произнес Федор. – Я их в этом году летом видел... Ох, и красивый же зверь! К тому ж еще хитрый...

– Красивый-то он – красивый, да только ласковый, как волк сивый... – ухмыльнулся Сивоха. – В прошлом году у Митрофана Брагина куница за ночь такого натворила – всех кур передала. Открыла Глафира утром курятник, а там как на Куликовом поле...

– Надо же, – покачал головой Пантюшин. – Работает человек, работает, а какая-то зверюга придет и пустит труды человека под хвост...

Мужики переглянулись. В деревне была известна хозяйская струнка старого охотника и то, какое большое, требующее неустанного труда хозяйство он держал, невзирая на свой преклонный возраст. Не раз сельчане подтрунивали над мужчиной по поводу того, что на тот свет ему всего добра не забрать, но Пантюшин пропускал мимо ушей шуточки односельчан и оставался верен своим принципам.

– Нет, мужики, это мог сделать только хорек, – поразмыслив, высказал новую версию Федор. – По описанной Дарьей картине можно утверждать, что это был именно он, и, может, не один, а целый выводок, потому как только хорек головы курам отгрызает.

– Да зверь он, вроде, и не крупный, а беды натворить может, – согласился Антон. – Главное, известить его трудно... Отец сказывал, что капканом эту тварь не взять – хитрый, зараза...

Лакомство из капкана съест, а сам уйдет. Говорил, что для того, чтобы отвадить его от жилья, надо найти гнездо и разорить его – иначе с ним не справиться...

– Так гнездо еще найти надо! Хорек – зверь умный, знает, где его схоронить... – ухмыльнулся Федор.

Дубов выслушал рассуждения односельчан и произнес:

– Как вам только махорка глаза не выела?.. А ну, кончайте перекур!..

Дарья в растерянности посмотрела на председателя и, схватив его за запястье, запричитала:

– А как же я? Меня ураган жилы жизни лишил... Живем на хуторе, рядом – ни реки, ни ручейка, ни озера...

Дубов высвободил свою руку, потер покрасневшее запястье и, покачав головой, произнес:

– Ну и хватка у тебя, Дарья...

– А мне, товарищ председатель, хлипкой быть нельзя, – с вызовом заявила женщина. – Я сама и землю пашу, и траву кошу, и сено на себе ношу... Мне расслабляться нельзя, муж мой погиб в Гражданскую войну, я одна детей воспитывала, – на глазах Дарьи выступили слезы.

Мужчины почувствовали себя неловко. Каждый укорял себя за черствость и невнимание по отношению к женщине. В памяти сельчан всплыл образ веселого, работающего, преданного делу революции Василия Круглова, геройски погибшего в 1920-ом году. «Что это я с ней так?» – смутился Дубов.

– Ты вот что... – произнес мужчина. – Ступай домой, приводи все в порядок, а я распоряжусь, чтоб вам подвезли бочку с водой...

Женщина вытерла концом платка слезы и с благодарностью посмотрела на председателя.

– Прости меня, Петр Иванович, не знаю, что на меня нашло... Даже когда муж погиб – не плакала, бабы уговаривали – поплачь, легче станет, а я не могла... Душа зашлась от боли, словно камень в груди застрял, не знала, как жить, где найти силы, чтоб пережить свалившееся на меня горе...

Дарья тяжело вздохнула, промокнула концом измятого платка слезы и добавила:

– Тогда выдержала, а теперь растерялась... Хлев да изгородь мои сыновья отремонтируют, а что с колодцем делать – ума не приложу. Он был дорог мне как память о Василии. Где теперь воду брать? Ума не приложу...

Женщина спустилась с крыльца и, понутив голову, пошла на хутор. Плечи ее осунулись, а платок, словно флаг, призывно трепетал на ветру. «Бедная женщина, – глядя односельчанке вслед, подумал Пантюшин, – сколько лет прошло, а она все по своему Василию тоскует, сколько женихов к ней сваталось – всем отказала».

– Вот что, председатель, – произнес мужчина, – коль такое дело – предлагаю свою помощь...

– Слушаю тебя, Терентьич... – оживился Дубов.

– Думаю, надо сходить на хутор и разобраться, что к чему...

Председатель прямо просиял.

– Вот ты бы и сходил... Лучше тебя никто в этом деле не понимает.

Пантюшин был известен в округе как специалист по обнаружению подземных водных жил и рытью колодцев – в этом ему не было равных. Когда сельчанам требовалось определить место рытья колодца, все обращались за помощью к старому охотнику. Люди считали, что старик обладает редким даром.

– Разобраться – еще полбеды... – задумчиво произнес Пантюшин. – Разберусь, а дальше что? Стар я колодцы рыть...

– Ты сначала сходи, посмотри, что да как, а потом мы с тобой потолкуем... – ответил Дубов.

– Что ж это получается, вроде как в разведку сходить? – усмехнулся старик.

– А хоть бы и так...

– Ты, Петр Иванович, власть – тебе видней... – ответил Пантюшин. – Ну так я схожу за инструментом...

– Давай, видишь – всех людей в колхозе задействовали, даже стариками не брезгуем. Ситуация такая...

Председатель проводил старика взглядом и, обращаясь к собравшимся мужчинам, командовал:

– Пошли! Не то мы тут до вечера просидим... Вот едрен корень, чуть не забыл...

Дубов открыл дверь конторы и крикнул:

– Елифан! Слышишь?..

– Ты меня звал?.. – выйдя на крыльцо, спросил счетовод.

– Вот что – сходи на конюшню и распорядись, чтоб выделили лошадь с подводой. Пусть возьмут бочку, наберут в реке воды, наполнят бидоны колодезной водой и отвезут...

– Куда? – поинтересовался счетовод.

– На хутор Кругловым. Если дома сыновей не будет, пусть мужики помогут хозяйке перелить воду в деревянные бочки... Остаешься здесь за главного, где меня искать – знаешь...

– Не волнуйся, Петр Иванович, сделаю, как сказал, – заверил счетовод и скрылся в глубине дома.

Мужики плотной стеной обступили Дубова и, шлепая по дорожной грязи кирзовыми сапогами, отправились на работу.

ГЛАВА 19

ПОКИНУВ КОНТОРУ, Михаил Пантюшин приступил к выполнению ответственного задания. Сначала он решил сходить домой и взять «рабочий инструмент», но, немного поразмыслив, направился к реке, где среди зарослей прибрежного кустарника росли вековые ивы. После ночного урагана трава вдоль берега реки была усыпана обломками веток кустарников и деревьев. Старый охотник присмотрелся к лежащему под ногами бурелому, нашел подходящую ветку ивы, поднял ее с земли и внимательно осмотрел со всех сторон, затем достал из голенища кирзового сапога охотничий нож и вырезал из ветки рогатину. Она представляла собой раздвоенную ветку ивы, укороченную с трех концов... Убедившись, что «инструмент» подходит для предстоящего дела, старик вложил нож в чехол, сунул в сапог и направился на хутор Кругловых. Дорогой он невольно предавался воспоминаниям. Вспомнил Гражданскую войну и то, как он в качестве штатного пруроискателя отвечал за обеспечение бойцов Красной Армии питьевой водой. Во время долгих переходов и боевых действий в условиях полупустыни наличие источника питьевой воды обуславливало успех военной кампании. Однажды редкий природный дар чуть его не погубил... Преследуя вражескую банду, отряд красноармейцев изрядно вымотался, людям и коням требовался отдых. Водный резерв отряда находился практически на нуле, требовалось срочно пополнить запасы воды. До ближайших колодцев было далеко, по прибытии на место выяснилось, что в одном из них нет воды, а другой – кем-то засыпан... Для утоления жажды и восполнения жизненных сил бойцам Красной Армии срочно требовалась вода. Командир отряда вызвал к себе Пантюшина, дал приказ провести разведку на местности и во что бы то ни стало найти источник. Исполняя приказ командира, Михаил с помощью прута в руках исследовал пересохшую землю и нашел несколько зон, где, по его мнению, под толщей песчаного грунта могла находиться вода. Прутоискатель сообщил об этом командиру, который дал приказ красноармейцам копать колодец в указанном месте. Изможденные жарой и жаждой бойцы приступили к рытью колодца. Копали попеременно, сменяя друг друга, но воды все не было... Нервы бойцов отряда были напряжены до предела. Командир был вне себя от гнева... Ситуация в любую минуту грозила выйти из-под контроля, среди бойцов участились случаи обмороков и психических срывов, мог разразиться бунт. В один из моментов после очередного заверения Пантюшина в том, что вода скоро появится, нервы командира не выдержали, и он, выхватив из кобуры именной револьвер, стал размахивать им перед Михаилом и обвинять в саботаже, умышленном вредительстве и предательстве Родины. Угрозы не испугали пруроискателя, он объяснял, что ошибка могла состоять в том, что при копке колодца его указания красноармейцами выполнялись неточно – они либо не дошли до указанного уровня, либо прокопали в стороне.

– Хочешь нас одурачить?! – словно дикий зверь, взревел обезумевший от жары и жажды командир. – Не выйдет! Я тебя насквозь вижу!.. Мором хочешь нас положить... Кто тебя подослал? Отвечай! Молчишь? Пристрелю, как собаку!

Командир взвел курок, приставил револьвер ко лбу Михаила и хотел выстрелить... Раненый комиссар отряда, опираясь на винтовку, добрал до обезумевшего мужчины и выбил револьвер из его руки. Прогремел выстрел... Но пуля просвистела над виском Пантюшина, не причинив ему вреда. Сразу же после этого из колодца появилась мокрая от пота голова красноармейца, и воздух сотрясла долгожданная весть: «Вода, товарищ командир!!!»

Пантюшин остановился и перевел дыхание, даже после прошествия стольких лет мужчина не мог без волнения вспоминать этот роковой эпизод своей жизни. Сколько у него было после этого вырыто колодцев – поди, сосчитай, но вышеупомянутый случай выходил за рамки обычного, а потому бередил душу старика. За размышлениями старый охотник не заметил, как дошел до усадьбы Кругловых, издали он видел, как хозяйка усадьбы дотащила до стены сарая

бревно от разрушенного сруба колодца и положила его вдоль стены. Увидев старика, женщина удивилась.

– Мир дому твоему! – радушно поприветствовал хозяйку Пантюшин.

Женщина вытерла о фартук руки и с некоторым замешательством ответила:

– И тебе мир... Случилось что?

– Слышал о случившемся у тебя, подумал, может, чем пригожусь... – ответил старый охотник.

Дарья с благодарностью посмотрела на земляка.

– Спасибо тебе, дед Михаил, только ведь копка колодца дело непростое... Уверен, что справишься?

– Ты на мой возраст не смотри, в своем деле я любому фору дам... – ответил старик.

– Что ж – проходи... – ответила хозяйка.

Дарья провела старика по разоренному ураганом подворью и показала, что натворила стихия. Старый охотник внимательно осмотрел двор, хозяйские постройки и озабоченно произнес:

– Да... Наделала проблем погода... Такое ощущение, что у вас на подворье ведьмы шабаш устроили. А что это там, на вершине дуба, что в конце огорода растет? Никак, дверь от сарая...

– Она самая, – кивнула Дарья. – Не возьму в толк, как ее туда занесло...

– Природа настолько непредсказуема, что не родился человек, который смог бы ее понять, – ответил старик. – Вот другой раз люди пытаются привадить к дому аистов, считая, что они принесут им счастье... Спиливают вершину дерева, затягивают и закрепляют наверху колесо от телеги или деревянный щит... Аист ведь птица крупная, ей чтобы вывести потомство, большое гнездо надо, такому гнезду прочная основа нужна. А тут ураган верхушку дуба обломил, и на нее, как на штык, надел дверь. Глядишь, в следующем году птица счастья у вас и поселится...

Дарья в недоумении посмотрела на старика.

«Не зря говорят – старый, что малый», – подумала женщина, а вслух произнесла:

– Аист, Терентьевич, хорошая птица, только что от него проку? Колодца он мне не очистит и новую дверь к сараю не приладит...

– Перейдем к делу, – ответил мужчина. – Ваш колодец был глубоким, поэтому очистить его будет трудно, да и вода в нем прежней чистоты иметь уже не будет...

– И что нам теперь делать? – опечалилась хозяйка.

– Надо рыть новый колодец.

– Шутишь? Кто нам его выроет? Сыновья целыми днями в МТС пропадают, да и что они в этом понимают...

– Ты не волнуйся, – ответил Пантюшин, – все будет путем.

– Говори, что надумал...

Пантюшин показал женщине ивовую рогатину и, усмехнувшись, произнес:

– А это на что?

Дарья внимательно посмотрела на «рабочий инструмент» старика и с грустью произнесла:

– Водную жилу на моем хуторе искать собрался... Василий только в одном месте ее обнаружил, на том месте вырыт наш колодец.

– Твой Василь имел интерес к моему делу и часто у меня о его тонкостях расспрашивал, только одно дело – спрашивать и пытаться чему-то научиться, а другое – от рождения иметь к нему склонность...

Дарья внимательно посмотрела на старика.

«Что в нем такого особенного, что вся округа к нему за советами ходит? – подивилась женщина. – Пусть делает, что хочет, лишь бы вода была».

– Вижу я, что опыту Василя моего ты не доверяешь, – произнесла хозяйка. – Что ж, убедись сам...

Пантюшин окинул подворье придирчивым взглядом и сказал, что нужно убрать с земли все лишнее, чтоб не мешало работать с ивовым прутом. Дарья поняла, что мужчина настроен серьезно, и принялась выполнять его распоряжения. Подойдя к развороченному ураганом срубам колодца, женщина взяла обломок бревна и стала оттаскивать его в сторону.

– Погодь... – остановил ее старик. – Не женское это дело – бревна носить. Возьми лучше грабли и сгребь разбросанное сено, а я бревна к дровнице отнесу...

Дарья положила на землю обломок бревна и с благодарностью посмотрела на земляка.

– Не привыкла я, Терентьич, беречь себя, вот и хватаюсь за все...

Пантюшин отстранил хозяйку, поднял обломок бревна, взвалил себе на плечо и понес к дровнице. Хозяйка проводила его взглядом и подивилась, что в таком преклонном возрасте старик еще крепок. «Надо же, кто б подумал...» – мысленно отметила женщина и стала спешно сгребать разбросанное ураганом сено. К полудню двор был расчищен.

– Кажется, все... – внимательно осмотревшись вокруг, заметил мужчина.

Старик отряхнул одежду и поинтересовался, где можно вымыть руки.

– В моем деле руки нужно в чистоте держать, чтоб ивовый прут при поиске ни на что не отвлекался... – пояснил Пантюшин.

– Вчера вечером сыновья несколько ведер воды в дом принесли, так что руки вымыть хватит и на чаек наберется... – ответила Дарья.

Предложение хозяйки показалось старику весьма заманчивым. Дома в перерыве между делами он любил нагреть в самоваре воды и заварить травяного чайку. Особое предпочтение старый охотник отдавал чаю с чабрецом и липовым цветом, но сейчас чаевничать было некогда. Мужчина понимал, что погода осенью капризная, может пойти дождь, и тогда поиск водной жилы придется отложить до установления сухой погоды.

– Чаек попью как-нибудь в другой раз... – ответил Пантюшин. – А сейчас – не сердись, попрошу тебя отойти в сторону, мое дело чужих глаз не любит...

Дарья растерялась:

– Да я, вроде, не чужая...

– Ты к моим словам не цепляйся. Я дело говорю: лучше будет, если ты уйдешь. Взгляд человеческий силу имеет, его в природе все ощущает: и растение, и зверь, и человек...

– Ну ты, Терентьич, скажешь... – ухмыльнулась хозяйка. – Это что ж получается, что обломок ивового сука живой?

– Конечно, – ответил старый охотник, – а иначе как бы я с его помощью воду искал? Ивовый прут особой чуткостью к воде обладает. И я еще, милая, не знал в жизни случая, чтобы на месте, где растет лоза или ива, под землей не находилась водная жила.

Дарье рассуждения мужчины показались интересными.

– Ну, а взгляд мой чем тебе помешать может? – любопытствовала женщина.

– А тем, что силой взгляда ты можешь на прут мой воздействовать. Это только на первый взгляд может показаться, что все здесь предельно просто. Взял человек ивовую ветку, сделал из нее рогатину, прошелся по земле и узнал, где вода под землей находится. На самом деле здесь все имеет значение: и время суток, и освещенность местности, и активность солнца, и присутствие рядом посторонних людей... Я говорил, что ивовый прут живой, и как все живое, он тонко реагирует на окружающую его обстановку...

– Ну, а я смогла бы научиться твоему делу или для этого нужны особые способности? – поинтересовалась женщина.

Пантюшин понял, что пока женщина не выяснит все, что ее интересует, работать не даст.

– Мой отец, а ему – мой дед говорили, что у каждого человека есть врожденная способность работать с прутом, но каждый обладает ею в разной мере. Это заложено в нас самой природой. Более того, думаю, что женщина является более чутким природным инструментом, чем мужчина.

– А почему ты считаешь, что женщины более чуткие пруроискатели?

– Потому, что женщина по своей природе более чувствительна и восприимчива ко всем явлениям жизни, все пропускает через свое сердце, поэтому оно у вас более прозорливое, – ответил Пантюшин.

– Чудно... – подивилась Дарья. – Значит, говоришь, любого человека можно научить этой премудрости?

– В принципе – да, – кивнул старик, – а те, кто от рождения наделен особым даром, отличаются особой чувствительностью с детства. У них это дело с первого разу получается. Внешне это никак не проявляется, а в деле сказывается ярко выраженным талантом. Одни могут с первого раза проявить свою природную способность к пруроискательству, а другим для этого требуется более или менее длительная тренировка. К примеру, у Василя твоего сначала мало что получалось, однако он проявил усердие и настойчивость, расспрашивал меня о тонкостях дела, тренировался и со временем стал неплохим пруроискателем. Думаю, если б он остался жив, то способность эту развил бы еще больше. От желанья человека много зависит... Я этому мастерству с семи лет обучался и с первого же раза безошибочно нашел водную жилу. Отец заприметил мой дар и терпеливо развивал его...

– Надо же, – подивилась Дарья, – я и подумать не могла, что это такая тонкая наука... Ладно, не буду тебе мешать – ищи подземную водную жилу.

Пантюшин дождался, когда женщина войдет в дом, и приступил к работе. Сначала он не спеша прошелся по подворью и визуально осмотрел все, что могло указывать на присутствие под землей воды. Периодически мужчина останавливался и как будто к чему-то прислушивался. Иногда – низко наклонялся, трогал на ощупь землю и рассматривал травянистые растения, росшие на территории усадьбы. Казалось, он весь ушел в себя, а все его чувства – обоняние, зрение, слух и осязание – воспринимали только ему одному ощутимые природные сигналы. Наконец, старик остановился, взял в руки ивовую рогатину и медленно пошел с ней. В одном месте ивовый прут резко отклонился к земле. Старый охотник сделал на траве пометку и снова пошел с прутом, но уже в другом направлении, и снова ивовая рогатина ткнула носом в обозначенном месте. Сомнения не было – под землей находилась водная жила, мужчина взял небольшой колышек и вбил его в землю. Дарья оставила домашние дела и подошла к окну. Увидев, что Пантюшин опустил ивовый прут и идет к дому, женщина бросилась земляку навстречу.

– Ну как – нашел?.. – открыв дверь, спросила хозяйка.

– Будет тебе вода, да еще какая!.. – победоносно заявил старик. – Весь участок прошел, но все-таки нашел. В том месте, где нужно копать колодец, я вбил колышек, скажи сыновьям, чтоб не выбросили его.

– Нашел... – всплеснула руками Дарья. – А я, говоря откровенно, сомневалась, все время Василя покойного вспоминала, он говорил, что воду нашел в одном месте и до нее едва докопался.

– Ваш старый колодец был выкопан в весьма неудачном месте, – ответил Пантюшин. – Вода там на самом деле глубоко залегает, я нашел другое место, хорошее, в этой точке на небольшой глубине находится мощная водная жила. Там даже трава растет иначе – высокая и сочная... Во всяком деле, Дарья, надо быть мастером, а коли знаний и опыта не хватает – можно ошибиться...

Хозяйка была вне себя от радости.

– Спасибо тебе, Михаил Терентьевич, век твоей должницей буду... – проникновенно произнесла женщина.

– Ну, вот еще! – смутился старик. – На то мы и люди, чтоб в трудную минуту друг другу помогать. Тут уж кто что умеет и кто чем может... Сегодня я тебе помог, завтра, может, ты мне...

– Так, может, зайдешь? – предложила хозяйка. – Я наскоро того-сего приготовила...

– Что ж – можно, – согласился мужчина и, положив ивовую рогатину на лавку под окном, вошел в избу.

– Мир дому сему и всем, кто в нем живет!.. – переступив через порог, произнес старый охотник.

– И тебе мир, проходи в дом, не стесняйся, порадуй своим присутствием...

Дарья дала гостю время осмотреться и пригласила к столу.

– Как говорится – чем богаты... – смутившись, произнесла женщина. – Гостей не ждала, потому не обессудь – угощение скромное...

– Не извиняйся... Я к барским угощениям не привычный, – успокоил ее Пантюшин.

Хозяйка усадила гостя за стол и стала потчевать. Старый охотник отведал угощения, выпил стопку домашней настойки и поблагодарил женщину. Дарье было приятно, что старик оценил ее стряпню, она осмелела и разговорилась:

– Вот ты, Михаил Терентьич, человек бывалый – много где бывал и много что видел... Скажи – веришь ты в загробную жизнь?..

Пантюшин поперхнулся.

– Тут смотря с какой стороны посмотреть... – откашлявшись, ответил мужчина. – Если придерживаться старой традиции, то верить надо, а если основываться на том, что нынче на этот счет говорят, то – нет...

Дарья была крайне разочарована, она надеялась получить от старика обстоятельный ответ.

– Больно много тумана в твоих словах, – ответила женщина, – сам-то ты что по этому поводу думаешь?

Пантюшин не мог взять в толк, почему женщина об этом спрашивает.

– Не темни, Дарья, говори – к чему завела разговор? – поинтересовался мужчина.

Хозяйка осмотрелась по сторонам, пододвинула стул ближе к старику и шепотом произнесла:

– Я уверена, что после смерти жизнь человеческой души где-то там... – женщина указала пальцем правой руки вверх, – продолжается...

– Почему ты так решила?.. – поинтересовался мужчина.

Дарья снова с опаской осмотрелась по сторонам и таинственно произнесла:

– Не оставляет меня Василий... Как убили его в Гражданскую, так с того времени и опекает...

Пантюшину за его долгую жизнь многое довелось слышать, но чтобы молодая женщина с уверенностью утверждала о непрерывающейся связи с покойным мужем – никогда.

– Да... – озадаченно произнес мужчина. – Удивила ты меня. А в чем это проявляется? И почему ты с опаской озираешься по сторонам? В доме кроме нас кто-то есть?..

Женщина с грустью посмотрела на старика и, вздохнув, произнесла:

– Я, можно сказать, никогда не бываю одна...

– Так это ж хорошо... Плохо человеку, когда он один. Скажи – почему ты сторонись мужчин? Женщина ты еще молодая, красивая, да и хозяйка хорошая, многие мужчины сочли бы за счастье взять тебя в жены. Моя старуха сказывала, что Багров и Свиридов к тебе сватались, но ты им отказала... Неужто никто не люб? Я тебе больше скажу – грех в твои годы от жизни отгораживаться. Живому о живом думать надо.

Глаза Дарьи заволокли слезы. Много раз она слышала подобные речи, размышляла об этом, но решиться на то, чтоб коренным образом изменить свою жизнь, не могла.

– Так-то это так, однако на деле не все так просто... – ответила женщина. – Говорю ж тебе – Василий меня не отпускает...

Пантюшин опешил. Нельзя сказать, чтоб откровение Дарьи было для него чем-то новым. Много подобных историй он слышал на своем веку, однако твердая уверенность женщины в правоте своих слов его настораживала.

– А может, все это только фантазии? – ответил мужчина. – Может, желаемое ты выдаешь за действительное? Такое бывает: убивается человек по поводу потери близкого, разговаривает с ним, как с живым, и не замечает, как вовлекает себя в обман, а там и не такое привидеться может... В чем это выражается?

Дарья понурила голову и махнула рукой.

– И все же? – допытывался старик.

– Толку говорить, если ты не веришь ни единому моему слову...

– Не серчай, лучше объясни...

Женщина вздохнула и начала рассказ:

– Не знаю, с чего начать... Столько странного происходит со мною в жизни... Не знаю, благо это или проклятие, только в жизни мне с этим одна маята. Я ведь и Василя своего сначала во снах высмотрела: как видела, так в жизни и было.

– Чудно... – подивился старик.

Женщина посмотрела на фотографию покойного мужа, висевшую в деревянной рамке на стене, и стала теревить в руках уголок ситцевого фартука. Глаза ее заволокли слезы, и вся она будто возвратилась в далекое прошлое. Какое-то время Дарья молчала, затем вздохнула и продолжила:

– Не буду водить тебя вокруг да около, одним словом, где-то за полгода до гибели Василия случилось со мной ночью что-то странное...

– И что это было, если не секрет? – поинтересовался Пантюшин.

– Сплю я как-то ночью и вдруг слышу – входная дверь открылась, и в избу кто-то входит... Шаги тяжелые, громкие, гулким эхом по дому отзываются, мне стало не по себе... «Кто это?» – думаю я. Время было лихое, суровое, кто угодно мог в дом зайти и беды натворить... Слышу – дверь во внутренние покои открывается, и в комнату кто-то входит... Открываю глаза – никого, а шаги слышу. И вот этот Некто подошел к кровати, на которой я спала, склонился надо мной и тяжело так дышит. Меня объял страх, взмолилась я Богу: «Господи, – говорю, – спаси меня от козней дьявольских!» И осенила себя Крестным Знамением. Отступил от меня непрощенный ночной гость, однако не уходит... Стала я усердней молиться и Пресвятую Богородицу в помощь призывать... Вдруг ни с того ни с сего в комнате поднялся ветер и мою кровать едва не опрокинул. Я еще усердней молиться стала. Вдруг раз – и все стихло. К утру страх мой прошел, и я уснула. Вижу во сне моего Василия... Лицо и кожа его безжизненно-бледные, смотрит на меня и печально так говорит: «Убили меня, Дарьюшка. Прощай! Не поминай лихом...» И падает ниц... Я как закричу, проснулась и не могу понять: сон это был или явь?

У Пантюшина перехватило дыхание, старик занес над столом руку, взял кувшин с медовым квасом, плеснул в стакан и выпил.

– Да... – покачал головой старый охотник. – Сколько ты, говоришь, до его смерти было?..

– Примерно полгода.

– Много я на своем веку невероятных историй слышал, но такой – нет... – ответил мужчина.

– Это еще не все... – вздохнула Дарья. – Это присказка, а сказка еще впереди...

Дверь дома резко открылась, и в комнату вошел Багров. «А этому что надо?» – разволновалась хозяйка и недовольно глянула на односельчанина. Тихон перешагнул через порог и, улыбнувшись, произнес:

– Добрый день! Воду заказывали?

В отличие от хозяйки, мужчина был несказанно рад встрече.

– Нет, то есть – да... – смутившись, ответила Дарья и залилась ярким румянцем.

Она никак не ожидала увидеть в доме отвергнутого ухажера.

– Тебя, наверное, Дубов прислал, – пытаюсь разрядить обстановку, произнес старый охотник.

– Точно, – кивнул Тихон. – Так куда воду переливать?

– В бочку, что у сарая... – ответила хозяйка и, встав из-за стола, направилась к двери.

– Эх, молодежь... – вздохнул Пантюшин. – Ты, Дарья, над моими словами подумай, трудно человеку одному... – напомнил мужчина.

Не успел старик договорить, как настенные часы-кукушка сорвались с гвоздя и с грохотом упали на пол. От удара деревянная коробка треснула, механическая птица выскочила из домика и стала непрерывно куковать.

– Тьфу ты... – сплюнул Пантюшин.

– Ой, горюшко мне!.. – запричитала хозяйка. – Говорила я тебе, Терентьич, нельзя мне о другом думать, не хочет покойный Василь, чтоб я замуж за другого шла.

Пантюшин задумался: «Может, правда? Не успел человек переступить через порог, как часы словно кто с гвоздя сбросил».

– Чего не бывает, – вслух произнес мужчина. – Не стоит во всем злой рок видеть. Человек сам вершит свою судьбу...

– Я так не считаю... – ответила хозяйка и, подняв часы, положила на лавку.

Механическая кукушка трижды прокуковала и, вывалившись из домика, замолчала.

– Так-то лучше, – произнесла Дарья и вышла во двор, старый охотник последовал за ней.

Выйдя из избы, Пантюшин невольно прищурился – настолько ярким показалось ему полуденное солнце. Мужчина расправил плечи и, насладившись тишиной, восторженно произнес:

– Любота...

В это время со стороны забора послышалось лошадиное ржание.

– Тпру... – прикрикнул на Гнедого Тихон. – Стоять!

Раздосадованный холодным приветствием Дарьи, Багров вымещал гнев на коне. Животное чувствовало настроение мужчины и потому нервничало.

Пантюшин посмотрел на земляка и понял, что нужно, не теряя времени, переливать воду. «От греха подальше»... – решил старик.

– Ну вот и я... – услышал он позади голос Дарьи.

Старый охотник оглянулся и увидел хозяйку. Женщина стояла в нескольких шагах от него и держала в руках пустое ведро и деревянную кадку. – Пошли? – улыбнулась хозяйка. – Не то этот конь всю воду разольет...

Пантюшин посмотрел на помятое ураганом ведро и покачал головой:

– Так дело не пойдет, давай мне кадку – она вместительней...

– А может, ведро... – помня о преклонных годах мужчины, предложила хозяйка.

– Ведрами мы полдня будем воду носить.

– Ладно, бери ведро, а я кадку, мне к тяжелой работе не привыкать...

– Нет, – возразил старый охотник. – Ты женщина, тебе беречь себя надо...

– Для кого мне себя беречь? – махнула рукой Дарья и бросила беглый взгляд на Тихона.

Багров перехватил взгляд женщины и, придерживая коня, с горечью произнес:

– Не то ты говоришь, Дарья, все по-другому может быть – сама ведь не хочешь...

Хозяйку смутили слова мужчины, сердце ее учащенно забилося, и она спешно отвела взгляд. Тихон подошел к хозяйке, взял из ее руки кадку, зачерпнул воду из бочки и понес к сараю.

– Не знаю, чем он тебе не угодил... – проводив односельчанина взглядом, произнес старый охотник и, взяв ведро, направился к телеге.

– Оставь, сам перелью... – крикнул ему Тихон.

Пантюшин посмотрел на крепкие, мускулистые руки земляка и, обращаясь к хозяйке, произнес:

– Ладно, пойду я... Помощник у тебя – что надо, ему эта работа – все равно что забава... Глазом моргнуть не успеешь, как всю воду перельет, а о колодце – не беспокойся, зайду к Дубову, введу его в курс дела и завтра же приступлю к работе.

Услышав, что Пантюшин собирается уходить, Дарья растерялась. Она не хотела оставаться наедине с Багровым.

– Уже уходишь?.. – забеспокоилась женщина. – Подожди, Тихон воду перельет, и вместе поедете...

– Действительно, зачем идти пешком, когда телега стоит у дома, – вылив воду в бочку у сарая, ответил Багров. – Подержи Гнедого, не ровен час – сорвется, тогда нам придется пешком идти...

Пантюшин повеселел. Не то чтоб ему не хотелось возвращаться в деревню пешком, просто Багров, переступив через свой личный интерес, попросил его остаться.

– Ну, коли так – можно, конечно, и задержаться... – согласился старый охотник и подошел к коню. – Устал, дружище... – погладив животное по шелковистой гриве, ласково произнес старик. – Потерпи, скоро осенние работы закончатся – тогда отдохнешь...

Гнедой успокоился и качнул головой, однако по тому, как он нервно бил копытами оземь, нетрудно было догадаться, что ему по-прежнему что-то не нравилось.

– Что тебя так беспокоит? – задумчиво произнес мужчина и осмотрелся по сторонам, конь фыркнул, тряхнул головой и посмотрел на Пантюшина.

В этот момент к телеге подошел Багров.

– Перелил, – промокнув пот на лбу, произнес Тихон и окинул взглядом разоренное подворье Дарьи.

«Да... Наделал ураган проблем... – подумал мужчина. – Как она с этим справится?»

Дарья протянула Пантюшину корзину с птичьими тушками и сказала, что это гостинец Грому.

– Не самой же мне есть эту дохлятину, – вздохнула женщина. – Лобзика нашего я накормила, часть тушек снесла в погреб – позже ему скормлю, а это – отвези своему Грому...

Пантюшин поблагодарил хозяйку и поставил корзину в телегу. Старику было приятно, что женщина заботилась о его четвероногом друге. «Будет тебе сегодня, Гром, пир на весь мир», – подумал старый охотник.

– А это, Тихон Григорьевич, вам... – обратилась к Багрову хозяйка и протянула ему небольшой сверток.

– Что вы, Дарья Сидоровна, мне этого не надо... – сморщившись, покачал головой мужчина. – У меня собаки нет, а сам я эту дохлятину есть не буду.

– У меня и в мыслях этого не было, – растерялась женщина. – Хотела угостить вас чем-нибудь домашним, здесь кусок пирога с капустой и копченый окорок... Я и Михаила Терентьевича угощала... Отведайте, Тихон Григорьевич, не побрезгуйте, может, придется по вкусу...

Пантюшин посмотрел на Дарью, затем на Тихона и подумал: «Хотела женщина сделать как лучше, а вышло вон оно как...»

Багров опрокинул на бок порожнюю бочку, обложил ее в телеге соломой и взял в руки поводья. Дарья подошла к мужчине и протянула угощение:

– Ну так что, Тихон Григорьевич, возьмете?

Багров взял в руки кнут, запрыгнул в телегу и сухо бросил:

– Здесь всех заезжих так угощают?..

Женщине словно ножом по сердцу полосонули, она с укором посмотрела на земляка и с горечью произнесла:

– Зачем вы так? Я от всей души... .

Пантюшину стало неловко, что он присутствует при разговоре. «Зачем я остался?» – укорял себя старик.

– Садись, Терентьевич, поедем, – кивнул Тихон.

Старый охотник оперся рукой о край телеги и собрался сесть. Налетевший порыв ветра хлестнул Багрова по глазам ветвью березы, шатром нависавшей над его головой. Тихон сжал от боли веки и выронил кнут. Новый порыв ветра еще ниже склонил березу над телегой, вихрь облетевших листьев в смеси с дорожной пылью поднялся в воздух и закрутил вокруг повозки. Конь испуганно заржал и, словно шальной, помчался по дороге. Старый охотник качнулся и, не успев запрыгнуть в телегу, отлетел в сторону. Тихон от внезапного рывка Гнедого упал навзничь, а пустая бочка придавила его сверху. Конь, словно подстегиваемый нечистой силой, понесся прочь от злополучного хутора.

– Господи!.. – всплеснула руками Дарья и бросилась на помощь старику. – Михаил Терентьевич, вы не ушиблись? – запричитала женщина.

– Вроде нет, – в растерянности произнес Пантюшин и с тревогой посмотрел вслед удаляющейся телеге.

– Что я тебе говорила? Не терпит покойный Василь, когда около меня мужики вьются. Ты говоришь, каждый кует свою судьбу сам... . Как ее выкуешь, когда пасет днем и ночью?..

– Не знаю, что и сказать... . – пожал плечами мужчина. – Удивительный случай, но ты не отчаивайся, из каждой ситуации есть выход.

– Где он?.. – вздохнула хозяйка. – Что я только не делала: молитвы христианские читала, за водой к знахарке ездила, святой водой дом кропила – ничего не помогает. Видно судьба моя такая – всю жизнь с этой напастью маяться. Ладно, что об этом говорить... . Работать надо... . Раз телега ускакала, значит пойдем пешком. До реки я тебя провожу, а там разойдемся: ты – к себе домой, а я – на поле. Отсрочка, которую мне дал председатель, закончилась... .

– Ладно, – кивнул старик. – Эх, Гром, ускакал твой гостинец... .

Дарья и гость глянули друг на друга и рассмеялись.

– То-то! – заметил Пантюшин. – Нет такого горя, которое бы Бог не обернул человеку пользой.

Старый охотник поправил на голове сбившуюся при падении кепку и, бросив Дарье «Пошли... .», направился в сторону деревни.

ГЛАВА 20

КОГДА ДАРЬЯ ПОДОШЛА к полю, работа по спасению остатков урожая была в самом разгаре. Сначала подбирали то, что имело товарный вид, грузили на подводы и увозили в амбар, затем сгребали остальное и собирали в кучи по краям поля. До наступления темноты нужно было все убрать, поэтому работали без отдыха. Никто не жаловался на усталость, так как все прекрасно понимали, что на кон поставлен урожай года. Дарья подошла к работавшим женщинам и услышала шум приближающейся машины. «Кто это к нам пожаловал?» – удивилась женщина и посмотрела на дорогу. Черная эмка (ГАЗ-М-1. Автомобиль производился на Горьковском автомобильном заводе в 1936—1942 гг. Буква «М» в индексе модели существовала ввиду того, что завод стал носить имя Председателя Народных Комиссаров СССР того периода – Вячеслава Михайловича Молотова, цифра «1» – обозначала порядковый номер модели автомобиля.), неуклюже переваливаясь с одного гребня грязи на другой, медленно приближалась к полю. Дубов узнал машину председателя райисполкома и поспешил навстречу. Недалеко от поля легковая машина остановилась, и из нее вышел светловолосый мужчина средних лет в потертой кожанке и фуражке с высоким околышем. Увидев председателя колхоза, гость приветливо улыбнулся и, протянув Дубову руку, произнес:

– Добрый день, Петр Иванович! Вижу, вы время зря не теряете, всем миром урожай спасаете...

– Здравствуй, Эдуард Михайлович! – поприветствовал районное начальство председатель колхоза. – Вот уж кого не ждали...

– Зря, я с раннего утра по району колешу, хочу ознакомиться с положением дел в колхозах.

– Мог бы вместо себя инструктора прислать, – ответил Дубов.

– Свои глаза надежней, – улыбнулся Гладков. – Вводи меня в курс дела...

Гость сменил улыбку на деловую серьезность, достал из внутреннего кармана кожанки блокнот и направился к работавшим женщинам.

– Здравствуйте, товарищи! – приветливо улыбаясь, поздоровался мужчина. – Пополнение принимаете?..

– Конечно, – разогнув натруженную спину, ответила Елена Голованова. – Лишняя пара рук нам не помешает...

Женщина озорно глянула на председателя райисполкома и засмеялась. Люди на поле моментально оживились, обступили высокопоставленного гостя и стали расспрашивать, что привело его в село.

– Вы к нам по делу или как? – полюбопытствовала Ольга Щеглова.

– Хочу посмотреть, как вы живете, узнать, есть ли проблемы, и выяснить, чем можно помочь... – ответил Гладков.

Градов отошел от подвод со льном и присоединился к разговору.

– Здравствуйте, Эдуард Михайлович, – поздоровался мужчина. – Видели, что натворил ураган? До сих пор прийти в себя не можем...

Председатель райисполкома окинул внимательным взглядом поле и поинтересовался:

– Большие потери?

– Потери в урожае есть, но небольшие, – ответил агроном, – а насчет выполнения плана... должны вытянуть, конкретных цифр я сейчас назвать не могу, вот уберем все с поля – тогда подсчитаем...

– А в целом как? – поинтересовался Гладков.

Дубов ожидал этого вопроса, ему хорошо была известна принципиальность председателя и то, насколько дотошно вникает он в суть дела.

– Что смотришь на меня, как Ленин на буржуазию?.. – улыбнулся гость. – Докладывай, как обстоят дела...

– Дайте с мыслями собраться, – ответил Дубов, – это ж не байку рассказать, вам же точные цифры подавай...

– Верно, – кивнул гость, – мне все досконально знать нужно...

Дубов посмотрел на Пелагею и произнес:

– Бригадир, возвращайтесь к работе, отдохнули – и будет...

Женщины переглянулись и стали нехотя расходиться.

– До свиданья, Эдуард Михайлович! – почтительно кивнула гостю Екатерина Шульга. – Приезжайте, мы вам всегда рады...

– Благодарю, – ответил Гладков и, взяв Дубова под локоть, отвел в сторонку.

Градов растерялся, он не знал: то ли ему возвращаться к работе, то ли следовать за начальством.

– Петр Иванович! – окликнул он главу колхоза. – Если ко мне пока нет вопросов – я пойду...

Дубов оглянулся, махнул рукой в знак того, что мужчина может быть свободен, и продолжил разговор с председателем райисполкома.

– Как ты думаешь, Петр Иванович, сможете вы справиться с последствиями урагана?.. – поинтересовался Гладков.

– Думаю, да, серьезных разрушений нет. В конюшне снесло часть крыши, но животные не пострадали, ремонтная бригада там уже работает, так что крышу отремонтируют. В амбаре во время бури выломало дверь, работники ночной смены наскоро приладили ее, а утром плотники закрепили как следует, недалеко от амбара ураган повалил старую иву, благо здание и люди не пострадали... В деревне есть, конечно, разного рода повреждения: у кого-то забор ветром повалило, у кого-то хозяйскую утварь поломало, на хуторе Кругловых – колодец по бревнам разнесло, но в ближайшие дни мы все отремонтируем...

Гладков слушал председателя колхоза и не переставал удивляться его расторопности. «Многому мне у них надо поучиться... – мысленно рассуждал мужчина. – Мы в районе принимаем резолюции, постановления, пытаемся воздействовать на сознательность и патриотические чувства людей, а на деле все просто: вышло из строя – отремонтировали, не взорло – пересели, не справились с поручением – вынесли общее порицание...»

– Так ты говоришь – люди не пострадали?.. – уточнил гость.

– Нет.

– Хорошо... И то, что материалов у вас для устранения последствий разбушевавшейся стихии хватает – замечательно, к сожалению, у ваших соседей дела обстоят хуже: разрушены дома, коровники, конюшни, зернохранилища, об урожае и вовсе говорить не приходится...

– Правда? – огорчился Дубов. – Я думал, их эта беда не коснулась...

– Коснулась, и еще как... С утра езжу по колхозам, уточняю, какие убытки нанесены и какая помощь нужна. Кстати, коль уж ты сказал, что больших разрушений в деревне нет, может, после того, как все у себя отремонтируете – поможете соседним хозяйствам? Стройматериалами обеспечим... Зима на носу, до заморозков нужно успеть завершить ремонтно-восстановительные работы.

Дубов не знал, что ответить, у самих работы было невпроворот, дать свое согласие председателю райисполкома и не выполнить его Петр не мог.

– Ну так как – поможете? Чего молчишь? Если бы с вами беда приключилась – другие хозяйства в стороне не остались бы, – председатель райисполкома был уверен, что его довод сработает.

– Я за людей решать не могу, – ответил Дубов. – Соберем общее собрание, вынесем вопрос на обсуждение и проголосуем...

– Хорошо, только быстрее.

– Понимаю, но у нас хозяйство – коллективное, решения мы должны принимать сообща, иначе получается, как в старину: «Мы, Николай второй...»

– Хорошо, собирайте собрание, принимайте решение и давайте ответ как можно скорее.

– Постараемся, но сначала закончим свои дела...

– Буду ждать твоего звонка, а сейчас – садись, поедем, покажешь, как идут восстановительные работы.

Пока руководитель колхоза и высокопоставленный гость разговаривали, деревенская детвора и гушинские мужики обступили эмку и с интересом рассматривали чудо-технику. Автомобиль был красивый, черного цвета с красной полосой вдоль борта, и хотя он почти до верха был забрызган грязью – это не делало его менее притягательным в глазах людей.

– Красавец!.. – восторженно покачал головой Матвей Свиридов.

Мужчина открыл дверцу эмки, заглянул в салон и, сделав очередной виток вокруг автомобиля, подошел к шоферу.

– Сколько в нем лошадиных сил?.. – поинтересовался мужчина.

– Зачем тебе это знать? – спросил Селезнев.

– Интересно...

– Почему я знаю, может ты шпион... – улыбнулся шофер.

– Ты что, парень, какой я шпион? – оторопел Матвей.

– Какой, какой... Обыкновенный! Может, ты крутишься возле машины, чтоб выведать секретную информацию...

– Скажешь тоже, – насупился Матвей.

Селезнев увидел испуг в глазах мужчины и рассмеялся:

– Что, желание задавать вопросы пропало?..

Свиридов усталился на парня, не зная, шутит он или говорит всерьез.

– И все же, сколько лошадиных сил в двигателе автомобиля? – поинтересовался Митрофан Брагин.

– Пятьдесят! – гордо произнес Андрей.

Алексей Лужин прервал разговор с Федором Варенковым и спросил:

– Чего пятьдесят?..

– Лошадиных сил, – крикнул на ухо глуховатому земляку Матвей.

– Это и где?..

– В моторе, Алексей Степанович, в моторе...

Старик покачал убуленной сединой головой и произнес:

– Это ж надо, какая силища! На вид такая маленькая, аккуратненькая...

Селезнев, видя, какое впечатление произвела на сельчан эмка, ободрился и стал хвалить машину.

– Мощность мотора этой, как вы выразились, штуковины – пятьдесят лошадиных сил, – пояснил парень.

– Вон оно что!.. – подивился Лужин. – А это, сынок, много?

Андрей с удивлением посмотрел на старика:

– Ну, вы, отец, даете – это ж целых пятьдесят ваших лошадей. Неужто мало?..

– Что ты, сынок, много! Это, как если бы мой конь тянул один за пять десятков лошадей...

Довольный, что достоинства автомобиля произвели на сельчан столь яркое впечатление, Селезнев распушил перья и стал воспевать хвалебные оды эмке.

– Хочу поинтересоваться, отец, с какой максимальной скоростью может бежать ваш конь?

Старик задумался, сдвинул на бок шапку-ушанку, которую носил на голове и зимой и летом и, почесывая плешивый затылок, произнес:

– Шут его знает... Быстро...

Ответ мужчины устроил шофера, Андрей почувствовал свою значимость и с нескрываемой гордостью заявил:

– Эта, как вы, отец, выразились, штуковина развивает скорость до ста пяти километров в час!

Мужики рты раскрыли от удивления.

– Ого!.. – покачал головой Лужин.

Сельчане стали рассматривать машину: кто-то норовил открыть дверцу эмки и заглянуть в салон, кто-то щупал рукой колеса, иные поглаживали корпус ладонью, дивясь зеркально-гладкой поверхности.

Селезнев торжествовал, он чувствовал себя героем дня, парень засунул руки в карманы кожаного пиджака и, наблюдая за мужчинами, важно комментировал:

– Кузов автомобиля – цельнометаллический...

Шофер недовольно глянул на Бронислава Луганова, пытавшегося пальцами отогнуть над колесом крыло автомобиля.

– Что ты делаешь?.. – сделал замечание парень. – Сказал же – корпус – металлический, не пытайтесь его погнуть, вы б еще на зуб его попробовали...

Шофер подошел к мужчине и отстранил его от эмки.

– Это вам не игрушка, – сердито произнес парень, – с техникой надо обращаться любовно, как с женщиной, тогда она будет служить исправно.

Андрей открыл дверку легковушки, вытащил из салона деревенских мальчишек и, шлепнув Саньку Сычева ниже спины, пригрозил: «Смотрите у меня!» Наведя порядок во вверенном ему хозяйстве, шофер отошел в сторону и, глядя на дорожную эмку, восторженно произнес:

– Видели, какая у нее рама? Не машина, а просто загляденье!

– Что и говорить, – кивнул Бронислав.

– А на салон вы обратили внимание?

– Красота!.. – восторженно произнес Луганов.

– Для тех, кто не разобрался, что к чему, поясняю: внутри салон обит коричневым шерстяным сукном, – горделиво заявил Андрей.

– Любота... – восторженно произнес Федор Варенков.

– Вот бы моей бабе такого сукна на зимнее пальто, – заметил Лужин.

– Что и говорить... – кивнул Федор. – Нам бы в Гражданскую таких вместо тачанок, ох и дали б мы жару белякам! В таком корпусе и пули, наверное, застревают...

– А то! – проведя ладонью по блестящему корпусу автомобиля, произнес Матвей. – Это не в тачанке ехать, еще скорость учти...

Мужчины представили картину, словесно нарисованную Матвеем, и засмеялись.

– Вот бы каждому из нас по такой штуковине – по воскресеньям бы на базар ездили... – улыбнулся Матвей.

– А что – здорово было бы! – засмеялись мужики.

– Ладно, поглазели – и хватит, – засуетился шофер, увидев, что Дубов и Гладков возвращаются к машине.

– Одно в этой штуковине плохо, – прощаясь с парнем, заметил Лужин, – коню можно дать попасть на травке, а автомобиль работает на бензине, если его под рукой не окажется – машина с места не сдвинется...

Едва старик успел договорить, как к эмке подошли руководители.

– Что, Андрей, замучили тебя мужики?.. – улыбнулся Петр. – Прости, в городе легковой автомобиль – дело привычное, а в деревне, кроме полупорок и сельхозтехники, они ничего не видят...

Селезнев сел за руль эмки и стал ждать указаний начальства. Гладков попросился с сельчанами и, открыв дверцу автомобиля, произнес:

– Ну что, Петр Иванович, поехали? Дел невпроворот, мне еще в детский дом заскочить надо.

– Одну минуту, Эдуард Михайлович... – засуетился Дубов и осмотрелся вокруг.

Увидев у подводы Свиридова со льном, председатель окликнул его и распорядился, что он остается за старшего.

– Хорошо, – кивнул Матвей.

– Когда закончите, отведи Буяна на конюшню.

– Не волнуйтесь, оформим, как надо... – заверил Свиридов.

Дубов сел в эмку и сказал, что можно ехать.

– Так куда мы – на конюшню или зернохранилище? – уточнил Гладков.

– Сначала на конюшню...

– Хорошо, поехали.

Селезнев завел машину и попробовал тронуться с места, эмка заревела и зарылась носом в грязь.

– Поддай газку! – крикнул Гладков.

Шофер нажал ногой на газ, машина качнулась раз-другой и еще глубже зарылась колесами в глину.

– Тьфу ты! – ударил ладонью о руль Андрей. – Приехали...

Гладков недовольно глянул на парня:

– Ты это серьезно?..

– Еще бы, – нахмурился парень и, открыв дверцу эмки, глянул на увязшие в жидкой глине колеса, – надо рубить ветки и подсовывать под колеса, иначе не выберемся...

Дубов открыл дверцу машины и попросил односельчан помочь вытолкнуть легковушку из лужи. Мужчины оставили работу на поле и поспешили на выручку начальству. Наломав в придорожных кустах веток, сельчане снесли их к машине и попытались подсунуть их под колеса эмки. Гладков и Дубов выпрыгнули из машины и присоединились к работникам, вскоре совместные действия дали желаемый результат, и легковушка сдвинулась с места.

– Андрей, газани разок! – распорядился Петр.

Сельчане уперлись руками в кузов машины и по знаку Гладкова толкнули машину.

– Пошла! – махнул рукой Дубов. – Спасибо, мужики! Не окажись вы рядом – не знаю, что делали бы...

– Не за что, – вытирая травой перепачканные грязью руки, ответил Матвей. – Тут после дождя только на тракторе можно проехать.

– Это точно, – кивнул Гладков.

Председатель райисполкома посмотрел на перепачканные глиной сапоги и свою кожанку и, глянув на Дубова, произнес:

– Ну и куда мы такие?..

– А хоть куда, – улыбнулся Петр.

Мужчины попытались отряхнуть одежду, но грязь только больше размазалась.

– Пусть подсохнет... – посоветовал Дубов. – А вот лицо и руки вымыть надо, недалеко речка, поедем, умоемся...

– Хорошо, – согласился Гладков.

Дубов нырнул в легковушку, и эмка, неуклюже переваливаясь с бока на бок, поползла в сторону деревни.

Сельчане проводили руководителей взглядом и вернулись к работе. К наступлению сумерек поле было убрано.

– Ура!!! – ликовала Тамара.

Девушка разогнула натруженную спину и озорно глянула на подруг.

– Пошли, – кивнула она Рудаковой.

– Одну минутку, только сгребу лен возле телеги, – ответила Фая и сосредоточилась на работе.

– Ну тебя... – фыркнула Коржакова и, перепрыгнув через лужу, пошла в деревню.

Она злилась на девчат, что они по-прежнему продолжали работать.

– Чего это она? – глянув однокласснице вслед, поинтересовалась Зинаида.

– Кто ее знает... – пожала плечами Фая.

– Не обращайтесь внимания, – посоветовала Настя и стала сгребать граблями остатки льна возле телеги.

Девушки собрали осыпавшийся с телег лен, отдохнули и отправились домой. От усталости одноклассницы едва держались на ногах.

– Еще немного, и я упала бы, – призналась Роза. – Не знаю, как завтра встану, спина просто разламывается... – девушка посмотрела на поцарапанные льном руки и вздохнула.

– Я тоже очень устала, кажется, упала бы и уснула... – тихо произнесла Зинаида.

– И я, – кивнула Фаина.

– Держитесь, девчонки, – подбодрила одноклассниц Анастасия.

Девушки дошли до реки, разулись и стали мыть перепачканные глиной сапоги.

ГЛАВА 21

ДОРОГА ИЗ ЗАРЕЧЬЯ в село пролегла мимо кладбища. Тамара решила воспользоваться моментом и посетить могилу дочери Родкевичей, о которой в деревне рассказывали небылицы. Говорили, что родственники покойной долго не решались предать ее тело земле, так как после смерти девушка выглядела, словно живая. Ни болезнь, ни тлен не коснулись ее. Могила юной девы была украшена железными венками, выполненными столь искусно, что цветы на них казались живыми, а краски, которыми они были покрыты, не меркли с годами. Во время революции толпа воинствующих атеистов разорила фамильный склеп Родкевичей и осквернила могилу панночки. В ту же ночь всех, кто участвовал в бесчинстве, постигла кара: у одних сгорели избы, у других пал домашний скот, прочие получили телесные увечья, а кто-то по ночам стали преследовать кошмары. Зная об этом, баба Дуня запретила внучке приближаться к могиле юной девы, но чем старше становилась Тамара, тем больше ею овладевало желание нарушить запрет. Оказавшись рядом с кладбищем, девушка решила тайком от бабки и подруг посетить могилу панночки. «Никто не узнает...» – успокоила себя Тамара и свернула к часовне. Поднявшись на поросший бурьяном пригорок, она прошла вдоль старых могил и увидела ажурную ограду, внутри которой возвышался мраморный памятник. Девушка остановилась и внимательно осмотрелась по сторонам. «Никого нет», – обрадовалась Коржакова и, открыв калитку ограды, вошла внутрь. «Чего меня стращали?.. – хмыкнула девушка. – Могила как могила, только очень старая». Появление девушки вызвало переполох у птиц, гнездившихся на кронах кладбищенских деревьев, стаи воронов и галок, словно по команде, покинули гнезда и стали суматошно кружить над головой непрошенной гостьи. «Это птицы...» – успокоила себя Тамара и подошла к мраморному обелиску, на одной из сторон которого был виден скол, свидетельствовавший об осквернении могилы воинствующими коммунистами. «Интересно, что там за надпись?» – заинтересовалась девушка и стала рассматривать диковинные узоры и буквы, выбитые на мраморном обелиске. «Ничего не разобрать... крест, треугольник, какая-то загогулина... Что все это значит?» Коржакова разогнула натруженную спину и увидела на ограде железные венки. Девушка отошла от памятника и наступила ногой на железный цветок, лежавший на земле. Тамара наклонилась, разгребла руками пожухлую траву и подняла находку. «Вот здорово! – обрадовалась девушка. – Не думала, что мне так повезет...» Тамара стряхнула с лепестков железной розы песок и стала внимательно ее рассматривать. «Какая красота! Словно живой...» – пришла в восторг девушка. В этот момент земля под ее ногами будто вздохнула. Коржакова вздрогнула и покачнулась. «Что это?» – насторожилась девушка, но, не заметив ничего подозрительного, подумала, что просто устала. Не прошло и минуты, как поднялся сильный ветер, а закатное солнце заволокли тучи. «Как резко похолодало...» – изумилась девушка. Тамара воткнула железный цветок в вязаную кофту и, присев, пошарила руками возле ограды. «Может, повезет – и еще найду...» – подумала девушка и вдруг увидела железную лилию. «Вот так удача!» – просияла Коржакова. Девушка подняла цветок, очистила его от грязи и ощутила в душе тревогу. «Как-то мне не по себе... – подумала она. – Голова подозрительно кружится...» Тамара оперлась рукой о старую ограду и, глянув на могилу панночки, произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.